

Один человек может уничтожить другого, причиняя ему нравственные страдания. Страхует также от непреднамеренных причинения моральной травмы психическим убийством. Это все может быть сделано преднамеренно, как правило, на том или ином уровне, будь то в отношении между двумя людьми, в семьях, на рабочем месте и даже в политической или общественной жизни.

М.-Ф. Иригуайан

Моральные домогательства

ББК 88.53
И 80

Marie-France Hirigoyen.
Le harcèlement moral: la violence
perverse au quotidien

Перевод с французского

Иригуайан Мари-Франс
И 80 Моральные домогательства: Скрытое насилие
в повседневности / Пер. с фр. — Екатеринбург:
У-Фактория, 2005. — 272 с. — (Серия «Психология
личной жизни»).

ISBN 5-9709-0020-6
ISBN 5-9709-0016-8 (серия)

ББК 88.53

ISBN 5-9709-0020-6
ISBN 5-9709-0016-8 (серия)

© Edition La Découverte,
Paris, France, 1998
© Издательская группа
«У-Фактория», 2005

ВВЕДЕНИЕ

Что я сделал, чтобы заслужить такое наказание?

Словом
можно унижить или убить,
не пачкая рук.
Одно из самых больших удовольствий
в жизни —
унижать себе подобных.

Пьер Деспрож

В жизни случаются встречи, вдохновляющие и побуждающие нас отдавать все лучшее, что в нас есть; а бывают и такие, которые подрывают нас изнутри, причиняя нравственные страдания, и в конце концов уничтожают психологически. Случается также, что моральный прессинг заканчивается настоящим психическим убийством. Мы все когда-либо были свидетелями извращенных нападков на том или ином уровне, будь то в отношениях между двумя людьми, в семьях, на рабочем месте и даже в политической и общественной жизни. Однако наше общество закрывает глаза на этот вид завуалированного насилия, и мы потворствуем ему под предлогом терпимости.

Губительные последствия нравственной извращенности — отличные сюжеты для фильмов («Одержимые дьяволом», режиссер Анри-Жорж Клузо, 1954) и мрачных романов, и в этих случаях общество вполне осознает, что речь идет об изощренном манипулировании человеком. Но в обыденной жизни мы не осмеливаемся говорить об извращенности.

В фильме режиссера Этьенна Шатилье «Тати Даниель» (1990) нравственные мучения, которые старая женщина причиняет окружающим ее людям, нас забавляют. Вначале она так мучает свою служанку, что «случайно» чуть не убивает ее. Зритель говорит себе: «Так ей и надо, она была слишком покорна!»

Затем старуха переносит свою злость на семью своего племянника, который ее приютит. Племянник с женой делают все, что в их силах, лишь бы угодить ей, но чем больше они стараются, тем страшнее она мстит. Старуха использует множество дестабилизирующих приемов, привычных для извращенных людей: недомолвки, враждебные намеки, ложь, унижения. Удивительно, что жертвы не осознают этого пагубного воздействия. Они стараются понять поведение Тати и чувствуют, что причина всех ее выходов кроется в них самих: «За что она нас так ненавидит?» Тати Даниель не устраивает сцен, она просто равнодушна и зла; она не действует открыто, что могло бы настроить против нее окружающих: нет, она пользуется только теми дестабилизирующими приемами, которые трудно заметить. Тати Даниель очень сильна: она резко меняет ситуацию, выставляя себя жертвой, и члены ее семьи оказываются в положении преследователей, которые запирают старую восьмидесятидвухлетнюю женщину одну в квартире, оставив ей из еды лишь корм для собак.

В этом остроумном кинематографическом приеме жертвы не переходят к насильственным действиям, как это могло бы произойти в обычной жизни; они надеются, что их послушание наконец

будет оценено и смягчит нрав агрессора. Но происходит всегда наоборот: слишком явное послушание действует как вызов. В итоге единственный человек, снискавший благосклонность в глазах Тати Даниель, — это приезжая, которая умиряет ее. Тати Даниель находит, наконец, партнера своего уровня, и в семье воцаряются почти любовные отношения.

Эта старая женщина нас так забавляет и трогает, ибо мы чувствуем, что только большие страдания могут стать причиной такой злости. И у нас, и у своей семьи она вызывает жалость и тем самым манипулирует и нами, и своей семьей. При этом у зрителей не возникает никакого сочувствия к несчастным жертвам — они кажутся такими глупыми! Чем больше злобствует Тати Даниель, тем более послушными и, значит, неприятными не только ей, но и нам с вами становятся члены ее семьи.

Не остается другого выхода, кроме извращенных нападок. Эта агрессия является следствием подсознательного процесса психологического разрушения, состоящего из враждебных интриг, явных или скрытых, одного или нескольких людей, по отношению к определенному человеку, «козлу отпущения» в полном смысле этого слова. И действительно, можно незаметно для окружающих дестабилизировать или даже уничтожить человека кажущимися на первый взгляд безобидными словами, намеками, предположениями или недомолвками. Унижая других людей, агрессор или агрессоры могут вырасти в собственных глазах, избежав при этом внутреннего конфликта или любого другого душевного расстройства, переложив ответственность за это на плечи другого

человека: «Виноват в этом не я, а другой!» Никакого чувства вины, никаких страданий. В этом случае речь идет об извращенности в нравственном смысле.

Любой из нас может время от времени использовать приемы извращенного манипулирования. Но разрушительным он становится только при частом или периодически повторяющемся применении. Поведение любого «в меру нервного» человека в определенные моменты, например в момент гнева, может быть извращенным, оно может перейти и в другие стадии (истеричное, фобическое, навязчивое и т. д.), но в нормальной жизни извращенное поведение для данного человека не характерно. Извращенный же человек остается таковым всегда; он признает только такой вид отношений с другим человеком и никогда не сомневается в правильности подобных отношений. Эти люди не могут существовать, не «ломая» кого-либо: им необходимо унижать других, чтобы обрести самоуважение, а вместе с тем и власть, так как они жаждут восхищения и одобрения. У них нет ни сострадания, ни уважения к другим людям, потому что они не чувствуют связи между собой и другими. Уважать другого человека — значит признавать его как личность и осознавать страдания, которые ему причиняешь.

Извращение завораживает, соблазняет и пугает. Извращенным людям иногда завидуют, так как считают их носителями некой высшей силы, которая позволяет им всегда оставаться в выигрыше. Действительно, они умеют непринужденно подчинять людей своей воле, а в деловом и политическом мире это

считается необходимым качеством. Таких людей боятся, так как инстинктивно чувствуют, что лучше быть с ними, чем против них. Это закон сильнейшего. Наибольшее восхищение вызывает тот, кто умеет получать от жизни больше и при этом меньше страдать. В любом случае такие люди мало ценят тех, кто становится их жертвами, считая последних слабыми или недостаточно хитрыми, и под предлогом уважения чужой свободы в серьезных ситуациях безразличны к чужим несчастьям.

Терпимость в современном значении этого слова заключается в воздержании от вмешательства в действия и убеждения других людей даже тогда, когда эти убеждения или действия кажутся нам неприятными или даже предосудительными. Мы также поразительно снисходительны ко лжи и махинациям власть имущих. Цель оправдывает средства. Но до какой степени это приемлемо? Неужели до тех пор, пока мы сами вдруг не окажемся пособниками этих манипуляций, утратив моральные принципы из-за собственного безразличия? Терпимость должна непременно сопровождаться определением ее четких границ. Однако тот вид агрессии, о котором идет речь, как раз и заключается в посягательстве на чужое личное пространство. Современная социокультурная обстановка позволяет извращенности развиваться из-за того, что к ней относятся терпимо. В наше время не принято устанавливать какие-либо нормы. Введение понятия «извращенное манипулирование» приравнивается к цензуре, поскольку оно означает установление определенных норм поведения. Мы потеряли нравственные и религиозные устои, которые представляли

собой своего рода кодекс вежливости и благодаря которым мы могли сказать: «Так делать нельзя!» Мы обретаем способность выражать недовольство только тогда, когда дело касается общественных событий, раздутых средствами массовой информации. Власть имущие при этом не мелькают на экранах и перекалдывают ответственность на тех людей, которых они назначают руководить в данной ситуации.

Даже психиатры опасаются называть извращение своим именем. Если они это делают, то тем самым либо выражают свою беспомощность перед проблемой, либо демонстрируют свое любопытство по отношению к хитрости манипулятора. Само определение нравственного извращения оспаривается теми психиатрами, которые предпочитают называть его психопатией — емким определением, которое они дают всему, что не поддается их лечению. Причинами возникновения извращенности являются не психиатрические проблемы, а присущая определенному индивиду жесткая рациональность вкупе с неспособностью относиться к другим людям как к человеческим существам. Некоторые извращенные люди не совершают преступных действий, за которые могут понести наказание, но большинство из них использует свое обаяние и приспособляемость, чтобы идти по жизни, оставляя позади себя обиженных людей и разбитые судьбы. Психиатры, судьи, воспитатели, все мы попадаем в ловушки извращенных людей, которые ловко умеют представить жертвами себя. Чтобы обольстить нас, они заставляют видеть в них то, что мы ожидаем увидеть, и мы приписываем им невротические чувства. Потом,

когда они показывают свое истинное лицо, обнаруживая стремление к власти, мы чувствуем себя обманутыми, осмеянными, а иногда даже униженными. Этим объясняется осторожность профессионалов в разоблачении извращенных людей. Между собой психиатры говорят: «Внимание, это извращенный человек!», что подразумевает «это опасно», а также «ничего нельзя поделать». Следовательно, они отказываются от помощи жертвам. Разумеется, чтобы поставить диагноз «извращение», нужно иметь серьезные основания, чаще всего этот термин употребляют лишь для обоснования деяний, совершенных с особой жестокостью, шокирующей даже психиатров, как, например, преступления серийных убийц. Однако, говорим ли мы об утонченной агрессии, о которой я собираюсь рассказать в этой книге, или о серийных убийцах, и в том и в другом случае речь идет о «хищничестве», то есть о действии, целью которого является подчинение себе чужой жизни. Слово «извращенный» шокирует, внушает беспокойство. Оно соотносится с суждением о достоинстве, а психоаналитики отказываются от суждений, затрагивающих это понятие. Должны ли они в связи с этим мириться со всеми проявлениями извращенности? Не ставить диагноз «извращение» — это серьезный проступок, который обезоруживает жертву, что, в свою очередь, может вызвать ответную агрессивную реакцию, но уже со стороны жертвы в адрес ее преследователя.

В психотерапевтической практике мне не раз приходилось выслушивать рассказы о страданиях жертв и об их неспособности защитить себя. В этой книге я продемонстрирую, что первый шаг «хищников»

направлен на то, чтобы парализовать волю своих жертв, лишить их возможности защищаться. В дальнейшем, даже если жертвы стараются понять, что происходит, они не знают, как это сделать. Вот почему, анализируя извращенное общение, я постараюсь помочь разобраться в механизме связи между агрессором и его жертвой, для того чтобы помочь настоящим или будущим жертвам вырваться из сетей агрессора.

Когда сами жертвы обращаются за помощью, нередко случается, что их понимают неправильно. Часто психоаналитики советуют жертвам извращенных нападков выяснить, в чем состоит их вина за ту агрессию, которую они на себе испытывают, не была ли она намеренно или подсознательно спровоцирована ими же самими. Действительно, психоанализ имеет дело только с психикой, не учитывая окружающую человека обстановку, и, как следствие, игнорирует проблему жертвы, относясь к ней как к сообщнику, склонному к мазохизму. Когда психотерапевты все же пытаются помочь жертвам, случается, что из-за их осторожности в обозначении агрессора и жертвы чувство вины у жертвы усиливается, а значит, усугубляется процесс разрушения личности. Мне кажется, что классических терапевтических методов для помощи такого рода жертвам недостаточно. Поэтому я предложу более приемлемые способы, учитывающие специфику извращенной агрессии.

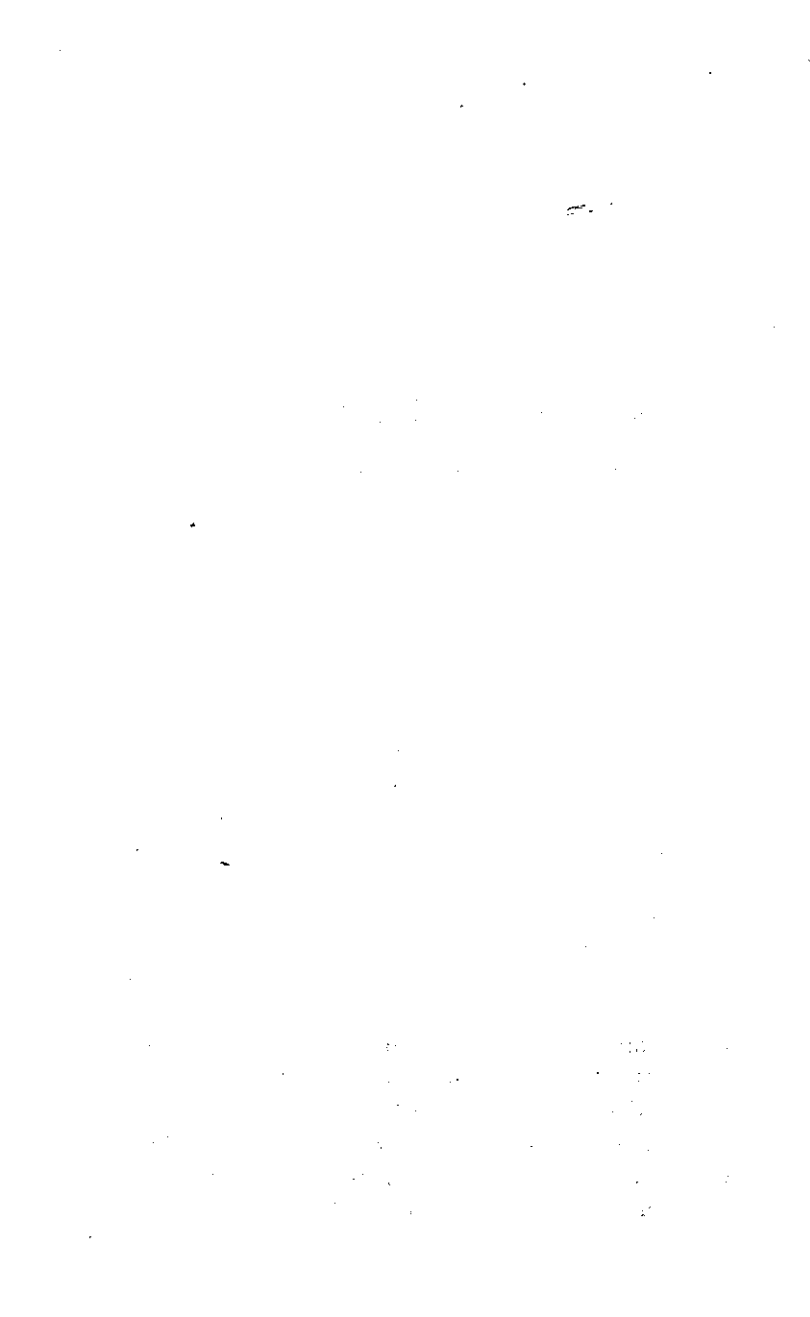
Речь здесь идет не о том, чтобы обвинять извращенных людей — впрочем, они сами способны за себя постоять, — а о том, чтобы дать верное представление об опасности и вреде, который подобные

личности могут причинить другим людям, помочь действительным и потенциальным жертвам лучше защищаться. Даже если учесть, что извращение совершенно верно рассматривают как защитный механизм (против психоза или депрессии), это ни в коем случае не оправдывает извращенных людей. Существуют относительно безвредные манипуляции, которые оставляют после себя лишь горький осадок или стыд за то, что тебя одурачили, но есть и более серьезные манипуляции, приносящие вред личности жертвы и ставящие ее на грань жизни и смерти. Необходимо иметь в виду, что извращенные люди являются непосредственной угрозой не только для своих жертв, но представляют скрытую опасность для всех окружающих. Эта опасность заключается в том, что люди утрачивают нравственные ориентиры и начинают думать, что за счет других можно достичь более свободного образа мыслей.

В этой книге я намеренно держалась в стороне от теоретических споров о природе извращения, чтобы поставить себя, как виктимолога, на сторону жертвы. Виктимология является новой наукой, возникшей в Соединенных Штатах. Сначала она была лишь отраслью криминологии. Виктимология анализирует причины, по которым человек становится жертвой, механизмы и следствия этого процесса, а также права, на которые жертва может претендовать. Во Франции с 1994 года существует научная организация, выдающая дипломы университетского образца. Эта организация сотрудничает с врачами скорой помощи, психиатрами и психотерапевтами, юристами, а также с другими людьми, которые по роду своей профессиональной деятельности помогают

жертвам. Человек, испытавший на себе такую психическую агрессию, как моральное домогательство, действительно является жертвой, потому что его психика на какое-то время была повреждена. Даже если способ его сопротивления моральной агрессии заключается в установлении с агрессором взаимозависимых отношений и производит впечатление некоей «симметричности», нельзя забывать, что жертва страдает от ситуации, за которую не несет ответственности. Если жертва этого незаметного насилия консультируется у личного психотерапевта, то это происходит скорее из-за снижения в этот период умственных способностей, потери веры в себя, трудностей в самоутверждении, угнетенного состояния, при котором антидепрессанты не помогают, или из-за более глубокой депрессии, способной привести к самоубийству. Если жертвы иногда жалуются на своих партнеров или окружающих их людей, они редко осознают существование опасного скрытого насилия и редко отваживаются говорить о нем. Путаница в голове жертв и их смятенное психическое состояние может даже психотерапевта заставить забыть, что речь идет об объективном насилии. Общий признак таких ситуаций заключается в том, что жертва, осознавая свои страдания, не осмеливается признать существование насилия и агрессии. Более того, человек нередко упорствует в своих сомнениях: «Может быть, я сам все это выдумал, как некоторые мне и говорят?» Когда жертва решается пожаловаться на свое положение, у нее часто создается впечатление, что она неверно описывает ситуацию, и она боится, что ее могут неправильно понять.

Я намеренно решила использовать термины «агрессор» и «жертва», так как речь действительно идет о насилии, даже если оно скрытое, целью которого является посягательство на личность другого человека; лишение его индивидуальности. Это реальный процесс морального разрушения, который может привести к душевной болезни или самоубийству. Я сохранию также термин «извращение», потому что оно напрямую отсылает к понятию «злоупотребление». Извращение начинается со злоупотребления властью, следующая стадия — самовлюбленность, и продолжается она до тех пор, пока другой человек окончательно не потеряет самоуважение; иногда это может закончиться и сексуальным насилием.

Мелкие извращенные поступки так часты в обычной жизни, что кажутся нормой. Они начинаются с простого неуважения, хитрости или обмана, но становятся неприемлемыми, только когда касаются непосредственно нас самих. И если социальная группа, в которой проявляется такое поведение, не реагирует на него, оно быстро трансформируется в permanently извращенное и может иметь серьезные последствия для психологического здоровья жертв. У жертв нет уверенности, что их поймут, и поэтому они замыкаются в себе и страдают в одиночестве.

Такое моральное разрушение существует с давних пор: в семьях, где оно оставалось скрытым от посторонних глаз, и на предприятиях, где в период полной занятости с ним можно было мириться, так как жертвы имели возможность уволиться в любой момент. В наше время жертвы отчаянно держатся за свое рабочее место в ущерб физическому и психическому здоровью. Некоторые осмеливаются сопротивляться этому явлению, иногда возбуждают

судебные процессы, которые получают широкий резонанс в средствах массовой информации и привлекают внимание общественности.

В нашей психотерапевтической практике мы часто становимся свидетелями жизненных историй, в которых трудно отличить объективную реальность от субъективной. Впечатляет повторяемость рассказов этих страдальцев. Каждый считает свой случай уникальным, но в действительности через подобные страдания проходят очень многие.

Трудно обрисовать типичную клиническую картину и дать какие-либо рекомендации, потому что каждое слово, каждая интонация, каждый намек очень важны. Любая отдельно взятая деталь кажется незначительной, но вместе они составляют полную картину деструктивного процесса. Жертва, вовлеченная в задевающую ее самолюбие игру, в ответ может тоже начать реагировать извращенным образом, используя подобную модель отношений для своей защиты. Это заставляет ошибочно трактовать жертву как пособника своего агрессора.

В ходе клинической практики мне приходилось видеть, как один и тот же извращенный человек пытается применить деструктивную модель поведения во всех плоскостях своей повседневной жизни: на рабочем месте, в общении с любимым человеком, с детьми, и мне хотелось бы заострить внимание именно на этой повторяемости поведения. Действуя подобным образом, такие люди оставляют на своем жизненном пути «раненых» или даже «убитых», и тем не менее в иных обстоятельствах им удается вводить людей в заблуждение и казаться совершенно приспособленными к жизни в обществе.

Извращенное насилие в личной жизни

Извращенное насилие в семейной паре

Извращенное насилие в семейной паре часто сводится к простой проблеме доминирования. Психологи упрощают ситуацию, отводя партнеру роль пособника или даже виновного в установлении извращенных отношений. При этом в расчет не принимается сила влияния, которая парализует волю жертвы и не дает ей сопротивляться, а также интенсивность нападков и серьезность психологических последствий преследования для жертвы. Нападки бывают столь утонченными, что последствия их остаются незамеченными для окружающих, и свидетели расценивают их просто как конфликтные или чересчур пылкие отношения между двумя людьми с характером, хотя на самом деле такое поведение — это попытка, нередко успешная, разрушить личность, морально или даже физически.

Вот описания нескольких пар на разных стадиях проявления извращенного насилия. Эти рассказы могут быть короче или длиннее, в зависимости от длительности (месяцы и даже годы) процесса и по мере развития отношений между агрессором и жертвой.

Извращенное влияние

Когда в семейной паре недостает любви или же когда привязанность к объекту любви слишком сильна, начинает проявляться извращенное поведение.

Чрезмерная привязанность может внушать страх, и в этом случае самые близкие люди агрессора подвергаются наибольшему насилию. Самовлюбленный человек использует свое влияние, чтобы удержать другого человека, но он боится, что близость с партнером станет слишком сильной или что партнер всецело завладеет его жизнью. Следовательно, главная цель — удержать партнера в рамках зависимых или даже собственнических отношений, чтобы убедиться в своем всеилии. Зависимый партнер не может сопротивляться из-за одолевающих его сомнений и чувства вины. Невысказанная мысль такова: «Я тебя не люблю!», но она утаивается, чтобы не потерять партнера, и действует исподволь. Партнер должен оставаться постоянно неудовлетворенными существующими отношениями; в то же время нельзя давать ему размышлять, чтобы тот не отдавал себе отчета в том, что происходит на самом деле. Патриция Хайсмит описала эту ситуацию в своем интервью газете «Ле Монд»: «Иногда случается, что люди, которые нас больше всего привлекают или в которых мы влюблены, действуют на нас так же, как резиновая изоляция на искру сознания».

Самовлюбленный человек, который хочет парализовать волю своего партнера, оказывает на него именно такое воздействие, ставя его в неопределенное

и шаткое положение. Это избавляет агрессора от обязательств вступать в пугающие его отношения. Посредством этого воздействия он держит партнера на расстоянии, в рамках, которые кажутся ему безопасными. Он не хочет быть целиком захваченным чувствами по отношению к другому человеку, однако заставляет партнера испытывать то, чего не хочет сам, то отталкивая, то притягивая его. В нормально функционирующей паре оба партнера должны поддерживать и укреплять самомнение друг друга, даже если и существуют отдельные элементы извращенного воздействия. Может случиться, что один будет стремиться «заглушить» другого, чтобы обеспечить себе доминирующее положение в паре. Но пара, в которой правит извращенная самовлюбленность, представляет собой сочетание, унижающее самолюбие одного из партнеров: в ней систематически имеют место подавление и скрытая агрессия.

Такое положение вещей возможно только при очень большой терпимости партнера. Эта терпимость часто интерпретируется психоаналитиками как подсознательное стремление к выгоде, в основном мазохистской, которую партнер может извлечь из этих отношений. Мы увидим, что эта интерпретация не универсальна, так как некоторые супруги, которые ранее не проявляли склонности к самонаказанию, не проявляют ее и в дальнейшем, и опасна, поскольку она абсолютно не помогает жертвам найти выход из подневольного положения, одновременно усиливая их чувство вины.

Истоки чрезмерной терпимости чаще всего обнаруживаются в супружеской верности, которая заключается, например, в воспроизведении ситуации,

в которой находился один из родителей, или же в принятии на себя роли человека, способного исправить нарциссизм другого, своего рода миссии, которой можно себя посвятить.

Бенджамен и Анни встретились два года назад. В то время Анни состояла в связи с женатым человеком, и эта связь травмировала ее чувства. Бенджамен ревновал ее к этому человеку. Влюбившись, он попросил ее разорвать данную связь: он хотел жениться на Анни и иметь от нее детей. Анни без особых колебаний прекратила те отношения и собралась жить с Бенджаменом, сохраняя тем не менее свою собственную квартиру.

Именно в этот момент поведение Бенджамена изменилось. Он стал сдержан, безразличен, проявляя нежность только при просьбах о сексе. Вначале Анни потребовала объяснений, но Бенджамен отрицал какие-либо изменения в своем поведении. Анни не любила ссоры, поэтому она заставляла себя казаться веселой, хотя и потеряла некоторую непосредственность. Если она нервничала, он, казалось, этого не понимал и никак не реагировал.

Мало-помалу она впала в депрессию.

Поскольку отношения с Бенджаменом не улучшались, Анни все еще удивляло его отдаление. В итоге Бенджамен признал: что-то все-таки произошло; он просто не мог видеть ее в депрессивном состоянии. Анни решила вылечить депрессию, которая, казалось, была причиной их семейных проблем, и начала курс психотерапии.

Бенджамен и Анни работали в одной области; причем у нее было намного больше опыта. Часто он спрашивал у нее совета, но не принимал никакой критики: «Это не имеет смысла, с меня хватит, я не понимаю, о чем ты говоришь!» Не раз он присваивал ее идеи, отрицая при этом ее помощь. Ни разу не поблагодарил ее.

Если она указывала ему на ошибку, он оправдывался тем, что это, видимо, неправильно записал его секретарь. Анни делала вид, что верит, дабы избежать объяснений.

Его распорядок дня, работа и вообще жизнь постоянно были окутаны тайной. От друзей, которые пришли к Бенджамену с поздравлениями, она случайно узнала, что он только что получил значительное повышение на работе. Он постоянно лгал ей, говоря, что возвращается из командировки одним поездом, однако потом у него обнаруживались билеты на другой.

На публике Бенджамен был очень сдержан. Однажды на вечеринке он подошел к Анни и поздоровался за руку, а затем очень быстро оставил ее в одиночестве. Когда потом она потребовала у него объяснений, он пробормотал что-то насчет того, что был очень занят.

Он упрекал ее в том, что она тратит много денег, несмотря на то что она сама зарабатывала себе на жизнь, он хотел бы, чтобы у нее было меньше одежды, и заставлял ее, как маленькую девочку, ставить на место свои тапочки. Он прилюдно насмехался над ней, показывая на баночки с кремом в ванной комнате: «Не знаю, зачем тебе мазаться всякой ерундой!»

Анни спрашивала себя, как она может любить мужчину, который все просчитывает: жесты, слова, денежные траты. Он не переносит, когда говорят о семейной паре: «Слово „пара“ — это абсурд!» Он отказывается связывать себя с ней какими-либо обязательствами. Однажды на улице их остановил клоун, желая показать фокус, и спросил у Бенджамена: «Это ваша жена, не так ли?» Бенджамен ничего не ответил и постарался поскорее уйти. Анни думала об этом так: «Он и не мог ничего ответить, потому что не знает сам. Я ему не жена, не невеста, не подруга. Ему нечего сказать по этому поводу, потому что это слишком тяжело».

Если она настаивала на разговоре об их отношениях, он отвечал ей: «Ты действительно считаешь, что сейчас для этого самое подходящее время?!»

Были и другие болезненные для нее моменты, например желание иметь ребенка. Когда они встречали друзей, у которых есть дети, она старалась не выказывать особой радости при виде малышей, чтобы Бенджамен не подумал, что она хочет ребенка, и старалась придерживаться нейтрального тона, как если бы это было для нее неважно.

Бенджамен хотел подчинить себе Анни. Он хотел, чтобы она оставалась свободной женщиной и не рассчитывала на него в финансовом плане, но в то же время чтобы она была послушна, в противном случае он начинал испытывать тревогу по поводу того, что дистанция между ними увеличивается.

За ужином, когда она говорила о чем-либо, он с удрученным видом поднимал глаза к небу. Вначале она уверяла себя: «Я наверняка сказала глупость!» — и постепенно стала осторожнее выбирать слова.

Однако с началом курса психотерапии Анни научилась не мириться с тем, что он априори критикует все, что она скажет, даже если это приведет к возникновению напряженности между ними.

У них не бывало ссор, исключая те ситуации, когда чаша ее терпения переполнялась и она не выдерживала. В таких случаях нервничала только она. Бенджамен делал удивленное лицо и говорил: «Опять ты будешь упрекать меня! Конечно, по-твоему, я один во всем виноват!» Она пыталась оправдаться: «Я не говорю, что это твоя вина, я просто хочу, чтобы мы поговорили об этом!» Он делал вид, что не понимает, в чем проблема, и ему всегда удавалось заставить ее сомневаться и чувствовать себя виноватой. Спрашивать себя, что же не так в их отношениях, — это то же самое, что и сказать: «Это моя вина».

Он не желал ничего слышать об этом и заканчивал дискуссию или, вернее, старался виртуозно избежать спора еще до его начала.

«Я бы хотела, чтобы он сказал мне, что его не устраивает во мне, это сделало бы возможным диалог!»

Мало-помалу он перестал разговаривать о политике, так как, когда она начинала аргументировать свое мнение, Бенджамен жаловался, что она с ним не согласна. Они также перестали разговаривать о профессиональных успехах Анни. Бенджамен не мог находиться в тени кого-либо. Сейчас Анни признает, что ей пришлось отказаться от своего собственного мнения, от своей индивидуальности из страха, что их отношения ухудшатся. В итоге она вынуждена была постоянно прилагать усилия, чтобы их повседневная жизнь была хоть сколько-нибудь сносной.

Иногда она сопротивлялась и угрожала уйти. Он удерживал ее, причем его слова можно было истолковать двояко: «Мне хочется, чтобы наши отношения продолжались. Пока я не могу дать тебе большего».

Она так ждала уступок с его стороны, что при малейшем знаке сближения опять обретала надежду.

Анни осознавала, что эти отношения ненормальны, но, потеряв всяческие ориентиры, она чувствовала себя обязанной защищать и прощать Бенджамена, что бы он ни делал. Она знала, что он не изменится: «Или я приспособлюсь, или уйду!»

В сексуальном плане дела также обстояли не лучшим образом, у Бенджамена больше не было желания заниматься любовью. Иногда она пыталась поговорить об этом: «Так дальше жить нельзя!»

— Ничего не поделаешь, нельзя заниматься любовью по заказу.

— Что же делать? Что я могу сделать?

— Не у всех проблем есть решение! Ты хочешь распоряжаться всем!»

Когда она подходила к нему, чтобы нежно поцеловать, он чмокал ее в нос. Если она выражала недовольство, он замечал, что у нее определенно нет чувства юмора.

Что же удерживало Анни?

Если бы Бенджамен был полным чудовищем, ей было бы проще, но прежде он был нежным любовником. Если сейчас это не так, значит, ему плохо. Значит, он может измениться. Значит, она может ему помочь. Она ждет этих изменений. Она надеется, что однажды узел распутается и они наконец смогут нормально общаться.

Она чувствовала себя ответственной за изменения, произошедшие в поведении Бенджамена: он не выносил ее подавленного состояния. Анни испытывала чувство вины за то, что была недостаточно соблазнительной (однажды в присутствии друзей он пошутил над ее манерой одеваться, которую находил не очень сексуальной), недостаточно доброй (он намекал, что ей не хватает великодушия), чтобы Бенджамен был совершенно доволен.

Когда Бенджамен сказал ей: «Если мы расстанемся, я сразу же найду себе кого-нибудь, а ты, с твоей любовью к одиночеству, останешься одна», она поверила ему. Анни считала, что лучше сохранять отношения, которые ее не устраивают, чем остаться одной. При этом Анни знала, что она более общительна, чем Бенджамен, но, тем не менее, оставшись одна, она будет находиться в подавленном состоянии и размышлять о собственных горестях:

Еще она знала, что ее родители сохраняют свой брак исключительно из чувства долга, хотя оба недовольны своими отношениями. В семье Анни моральное насилие имело место, но было скрыто, поскольку называть вещи своими именами было не принято.

Насилие

Извращенное насилие возникает в момент кризиса, когда человек использует извращенные методы в качестве защиты и не способен нести ответственность за сложный выбор. В этом случае насилие носит косвенный характер и в основном похоже на неуважение к партнеру.

Моник и Люсьен были женаты тридцать лет. У Люсьена появилась любовная связь на стороне, продолжавшаяся почти полгода. Он признался в этом Моник, сказав, что не может сделать выбор. Он хотел бы остаться с Моник, параллельно продолжая другую связь. Моник категорически отказалась. Муж ушел от нее.

С тех пор Моник впала в отчаяние. Она все время плакала, ее стала мучить бессонница, пропал аппетит. Появились выраженные психосоматические симптомы тревожности: ощущение холодного пота, тяжесть в желудке, тахикардия... Она испытывала гнев не по отношению к своему мужу, который заставил ее страдать, а по отношению к себе самой за то, что не сумела его удержать. Если бы Моник могла сердиться на своего мужа, ей было бы намного легче защитить себя. Но чтобы рассердиться, необходимо признать, что партнер проявил агрессию и насилие, а это может привести к тому, что она не захочет его возвращения. Намного легче находиться, как Моник, в состоянии шока, отрицая реальные факты и выжидая, даже если это ожидание мучительно.

Люсьен попросил Моник продолжать обедать с ним время от времени, чтобы поддерживать хоть какие-то отношения, в противном случае он рисковал окончательно отдалиться от нее. Если ее не было рядом, он ее забывал. Если у нее был подавленный вид, это не вызывало у него желания остаться

с ней. По совету своего психоаналитика он даже предложил Моник познакомиться с его новой подругой, чтобы было легче «поддерживать разговор»!

Кажется, Люсьен ни на одно мгновение не задался вопросом, причиняет ли он страдание своей жене. Он просто говорил, что ему надоело видеть ее с похоронным выражением лица. Люсьен снял с себя ответственность за их разрыв, обвинив Моник в том, что она не сделала всего необходимого, чтобы удержать его.

Отказ от ответственности за неудачу в семейной жизни часто является первым признаком извращенного поведения. Человек, имеющий установившийся идеал семьи, имеет внешне нормальные отношения со своим партнером вплоть до того дня, когда он должен сделать выбор между этими отношениями и новой связью.

Степень извращенного насилия будет настолько велика, насколько сильным был идеал семьи. Невозможно принять на себя эту ответственность, а следовательно, она должна быть целиком возложена на партнера. Если любовь ушла, виноватым в этом считается партнер, якобы совершивший проступок, который, как правило, не называется. Факт, что любовь прошла, на словах чаще всего отрицается, но на деле это именно так.

Когда жертва осознает, что ею манипулируют, это может только ввести ее в состояние сильнейшей тревоги, от которой она не в силах избавиться без посторонней помощи. Кроме гнева, жертвы на этой стадии испытывают стыд: стыд, что их больше не любят; стыд, что мирились с унижениями; стыд, что это произошло именно с ними.

Иногда речь идет не о временном возникновении извращенного поведения, а о проявлении скрытой извращенности. Становится явной близкая к мании преследования ненависть, скрываемая до определенного времени. Таким образом, роли меняются, агрессор становится жертвой, а партнер чувствует себя виноватым. Для большей правдоподобности нужно ущемить чувство собственного достоинства партнера, побуждая того к неблагоприятному поведению.

Анна и Поль, оба архитекторы, познакомились на работе. Очень быстро Поль принял решение поселиться у нее, но ему необходимо было сохранять эмоциональную дистанцию, чтобы не связывать себя с Анной какими-либо обязательствами. Он отказался от нежных слов, от ласковых жестов на публике и посмеивался над влюбленными, которые держатся за руки.

Полю очень трудно было говорить о личном. Он производил впечатление человека, который ко всему относится несерьезно, над всем иронизирует, все обращает в насмешку. Такая стратегия позволяла ему скрывать свои чувства и ничего не принимать близко к сердцу.

Он выступал и с женоненавистническими рассуждениями: «Женщины фригидны, легкомысленны, невыносимы, но без них нельзя обойтись!» Анна принимала холодность Поля за стыдливость, его жесткость за силу, его намеки за подлинные знания. Она верила, что ее любовь сможет смягчить его, что, пожив семейной жизнью и успокоившись, он в один прекрасный день оставит свою суровость.

Между Анной и Полем установилось негласное правило не слишком афишировать свою близость. Анна соглашалась с этим правилом, находила ему оправдание и, следовательно, поддерживала его. Поскольку ее желание установить между

ними более близкие отношения было сильнее, чем желание Поля, именно ей приходилось прилагать усилия для продолжения их связи. Поль оправдывал свою суровость трудным детством, но напускал некоторую таинственность и предоставлял неполную или даже противоречивую информацию: «Когда я был маленьким, мной никто не занимался. Если бы моя бабушка меня не приютила...» или «Может быть, мой отец — совсем мне не отец!».

Заранее выставляя себя жертвой, он вынуждал Анну жалеть его и проявлять к нему больше интереса или снисходительности. Ей же настолько хотелось чувствовать себя нужной, что она спешила утешить этого «маленького мальчика».

Поль был из тех людей, которые «все знают лучше всех». По любому вопросу он имел радикальное мнение, будь то политика или судьбы мира, кто глуп, а кто умен, что нужно делать и чего не нужно... Чаще всего он довольствовался тем, что просто внушал человеку, что он *знает*, начиная какую-либо фразу, он либо не заканчивал ее, либо просто молча кивал головой.

Поль, как зеркало, отражал неуверенность Анны. Анна — сомневающийся человек. Она не уверена в себе и не судит других, напротив, что бы они ни делали, она находит для них смягчающие обстоятельства. Она всегда старается осторожно высказывать свое мнение, Поль называет такое поведение «усложнять себе жизнь». Мало-помалу в присутствии Поля Анна стала бороться со своими слабостями, чтобы больше соответствовать его ожиданиям или, скорее, своим представлениям о его ожиданиях. Она пыталась настаивать на своем мнении и менять привычки.

Таким образом, их совместная жизнь строилась по следующей схеме: он знает — она сомневается. Ей удобно полагаться на уверенность партнера. Он чувствует, что она послушна и готова соглашаться с его неоспоримым мнением.

С самого начала их отношений Поль всегда был очень критичен по отношению к Анне. Он был язвительен и старался уколоть ее по самым незначительным поводам, как правило, в присутствии посторонних, когда она не могла ничего ответить. Когда впоследствии Анна пыталась поговорить с ним об этом, он холодно отвечал, что она злопамятна и делает из мухи слона. Сначала это затрагивало мелкие и в какой-то мере интимные вещи, которые Поль с преувеличением описывал, призывая иногда в союзники окружающих: «Вы не находите, что Анна слушает какую-то бездарную музыку?», «Знаете, она тратит деньги на крем для укрепления груди, которой практически не существует!», «Она этого не понимает! Хотя это всем известно!».

Если они ехали с друзьями на уик-энд, он выставлял напоказ сумку Анны, говоря: «Она принимает меня за носильщика! А почему ты не взяла ванну?» Если Анна протестовала: «Тебе-то что? Я сама несу свою сумку!», Поль возражал: «Да, но если ты устанешь, то мне, чтобы не выглядеть невоспитанным, придется нести ее самому. Тебе же не нужны три тюбика помады и две смены белья!»

Затем он начинал распространяться на тему двуличности женщин, с помощью которой они руководят мужчинами, заставляя их себе помогать.

Для него было важно привести Анну в замешательство. Она ощущала враждебность, но не была уверена в ней, так как Поль говорил все это небрежно-шутливым тоном. Окружающие далеко не всегда чувствовали его враждебность, и если бы Анна на нее отвечала, всем показалось бы, что она лишена чувства юмора.

Поль был особенно критичен, когда Анна в чем-то превосходила его, например когда ей делали комплименты. Она прекрасно знала, что он завидует ее способности непринужденно общаться с людьми, а также тому, что ее карьера складывается успешнее и она гораздо больше зарабатывает. Когда

Поль высказывал по отношению к Анне очередное критическое замечание, то почти всегда добавлял: «Это не упрек, это констатация факта».

Насилие проявилось, когда Поль решил уйти к своей молодой коллеге. Его стратегические действия с целью дестабилизировать Анну стали более откровенными.

Вначале они проявлялись в постоянной демонстрации плохого настроения, которое он объяснял проблемами на работе и нехваткой денег. Чаще всего он возвращался домой вечером раньше Анны и устраивался с бокалом вина в кресле перед телевизором. Когда приходила Анна, он не отвечал на ее приветствие и, не поворачивая головы, спрашивал: «Что у нас на ужин?» (это классический прием человека, который переносит свое плохое настроение на другого).

Он не упрекал открыто, а просто бросал безобидную фразу, которую невозможно было истолковать иначе, как упрек — таким тоном она говорила. Если Анна пыталась ему на это указать, он уходил от объяснений и отрицал любые агрессивные намерения.

Он начал называть Анну «бабуля». Когда она сказала, что ей это неприятно, Поль сменил это прозвище на «толстенькую бабулю», приговаривая: «Поскольку ты не толстая, это к тебе не относится».

Пытаясь высказать то, что заставляет ее страдать, Анна наталкивалась на стену. Он прерывал ее, она настаивала, он становился еще более жестким. В конце концов она неизбежно раздражалась, и Полю ничего не стоило доказать, что Анна — агрессивная мегера. Ей не хватало выдержки, чтобы нейтрализовать насилие, причин которого она не понимала.

В отличие от классических семейных ссор настоящего сражения между ними не происходило, но и примирение оказывалось невозможным. Поль никогда не повышал голоса и демонстрировал только холодную враждебность, а когда Анна

попыталась обратить на это его внимание, все отрицал. Осознав, что диалог невозможен, она начала нервничать и повысила голос. Тогда он принялся высмеивать ее гнев: «Успокойся, моя бедная курочка!», и после таких слов Анна, естественно, почувствовала себя глупо.

Важная часть человеческого общения осуществляется посредством взглядов. Со стороны Поля это взгляды, полные ненависти, со стороны Анны — взгляды, полные упрека и страха.

Единственный факт, который Польш не мог оспаривать, — это его отказ от сексуальной близости. Когда Анна просила его поговорить об этом, момент для объяснений всегда оказывался неподходящим. Вечером он был совершенно вымотан, утром спешил, днем у него всегда находились важные дела. Она решила заставить его объясниться и пригласила для этого в ресторан. Когда Анна начала говорить о своих страданиях, Польш тотчас же прервал ее с нескрываемой злостью: «Ты же не собираешься устроить мне сцену в ресторане, особенно на подобную тему. Определенно, ты совершенно не умеешь себя вести!» Высказано это было без горячности, ледяным голосом.

Анна начала плакать, что окончательно вывело Поля из себя: «Ты просто истеричка, которая все время недовольна!»

Затем Польш нашел себе другое оправдание: «Как можно заниматься с тобой любовью, когда ты просто ужасна, ты — мегера, при взгляде на которую пропадает всякое желание!»

Впоследствии Польш пошел даже на то, что украл блокнот Анны, в котором были почти все ее рабочие записи по бухгалтерии. Анна безуспешно пыталась его найти и потом спросила Поля, не видел ли он блокнота: никто, кроме него, не входил в комнату, где она его оставила. Польш ответил, что не видел и что ей нужно лучше следить за своими вещами. В его взгляде

было столько ненависти, что Анна застыла от потрясения и страха. Она поняла, что на самом деле это Поль украл блокнот, но если она будет на этом настаивать, то Поль может проявить явное насилие. А насилия с его стороны Анна слишком боялась.

Самое ужасное, она не понимала, зачем он это сделал, и пыталась найти разные объяснения: может, он просто хочет навредить ей, зная, к каким неприятностям для Анны приведут его действия? Или все это из зависти? Или он хочет убедиться в том, что она работает больше него? Или надеется найти в блокноте какие-либо просчеты, которые он мог бы использовать против нее?

У нее не было совершенно никаких сомнений, что он сделал это из враждебных побуждений. Эта мысль была настолько ужасна, что Анна старалась прогнать ее, отказывалась поверить в это, и страх трансформировался в физическое беспокойство, которое возникало, как только она встречалась взглядом с Полем.

На этой стадии она отчетливо почувствовала, что Поль стремится уничтожить ее. Только вместо того, чтобы подсыпать ей в кофе мышьяк маленькими дозами, как в английских детективных романах, он пытается сломить ее психологически.

Чтобы страдания Анны его не задевали, Поль относился к ней как к вещи. Он смотрел на нее равнодушно, без всяких эмоций. Естественно, в такой ситуации ее слезы казались глупыми и нелепыми. Анна чувствовала, что для Поля она ничего не значит. Ее чувства его не трогают или, точнее, не существуют для него. Невозможность вести диалог вызывала в ней страшный гнев, который, не имея выхода, трансформировался в беспокойство. Она пыталась сказать, что предпочитает расстаться, чем ежедневно страдать, но затрагивала эту тему только в самые кризисные моменты, когда, что бы она ни сказала, ее понимали неправильно. В остальное время она старалась

сдерживаться, чтобы не создать дополнительного напряжения именно тогда, когда жизнь казалась более или менее сносной.

Анна написала Полю письмо. Она попыталась дать ему понять, что страдает из-за сложившейся ситуации и хочет найти выход из нее. В первый раз, оставив письмо на письменном столе Поля, она ждала, что он заговорит о нем. Поскольку он ничего не сказал, она осмелилась спросить у него, что он об этом думает. Он холодно ответил: «Мне нечего на это сказать!» Анна решила, что выразилась недостаточно ясно. Она написала ему более длинное письмо, которое утром нашла в корзине для бумаг. Разозлившись, она потребовала объяснений. Он ответил, что не обязан отвечать на вопросы истерички.

Что бы Анна ни делала, она не находила понимания. Может, она просто плохо выражает свои мысли? Начиная с этого дня, она стала делать ксерокопии писем, которые писала Полю.

Поль был равнодушен к страданиям Анны, он даже не замечал их. Анна не могла этого вынести, она постоянно беспокоилась, становилась еще более неуравновешенной. Ее незначительные ошибки истолковывались как серьезные промахи, которые нужно исправлять, и этим оправдывалось насилие. Она стала попросту опасной для него. Значит, необходимо было ее «слопать».

Реакция Анны на это обоюдное насилие сводилась к стереотипной попытке начать диалог, Поль пытался уйти от него.

Тогда Анна решила расстаться с Полем.

— Если я правильно понимаю, ты выставляешь меня за дверь без копейки денег!

— Я тебя не выставяю, я говорю, что не могу больше терпеть такое положение вещей. Ты не останешься без копейки, ты работаешь, как и я, и когда мы расстанемся, ты получишь половину нашего имущества.

— Куда я пойду? Ты просто злющая баба! Из-за тебя мне придется жить в трущобах!

Анна во всем винила себя и считала, что Поль так груб с ней из-за того, что разлучен с детьми.

После того как Анна и Поль расстались, дети время от времени проводили выходные с отцом. Однажды, когда после таких выходных Анна встретила их на улице, дети рассказали ей, что провели отличный день с Шейлой, коллегой отца. В тот момент она увидела на лице Поля торжествующую улыбку, смысл которой вначале был ей не ясен.

Дома дети стали рассказывать ей, как влюблен их папа. Он целый день целовал Шейлу в губы и гладил ей грудь и бедра. Поль продолжал передавать Анне завуалированные послания через детей, поскольку у него не хватало смелости открыто объявить Анне о том, что у него есть подруга. Он знал, что, показав детям близость их отношений с Шейлой, возбудит в Анне ревность, но при этом сам будет находиться далеко и ему нечего будет бояться ее справедливых упреков. Таким образом, он подставлял детей под первый удар горечи или обиды их матери, что говорило о неуважении и к матери и к детям.

Анна потеряла почву под ногами. Чем больше она боролась, тем глубже увязала в этой борьбе. Горечь переходила в ярость, и она ничего не могла ни сказать, ни сделать, а поэтому вообще не стремилась что бы то ни было делать. Ее горе было так сильно, что она в конце концов перестала бороться и, смирившись, плыла по течению.

В кругу семьи и друзей Поль рассказывал, что Анна выгнала его из дома, и описывал тяготы своего финансового положения.

Анна не желала играть навязанную Полем роль злодейки и хотела оправдаться. Она написала ему письмо, в котором попыталась выразить свои чувства. Этот способ, однако, тоже оказался недейственным. Испытывая сильный страх перед Полем, Анна не решилась нападать на него в открытую и перело-

жила вину на его любовницу: Шейла воспользовалась кризисом в семье, чтобы соблазнить бедного мужчину.

Истолковав проблему таким образом, Анна попала в ловушку Поля, который как раз и стремился избежать ее гнева и ненависти. Вместо того чтобы принять на себя ответственность за создавшуюся ситуацию, он ушел от нее и оставил лицом к лицу двух соперниц. Анна все еще оставалась послушной, оправдывала Поля и не осмеливалась выступить против него.

Только однажды она отважилась открыто противостоять Полю. Анна отправилась к нему домой, заставила впустить ее и высказала все, что не имела возможности высказать ранее. Это была ее единственная настоящая семейная сцена, ее единственное столкновение с Полем: «Ты сумасшедшая, а с сумасшедшими не спорят!» Когда Поль захотел выставить ее за дверь, она начала царапаться, а потом, плача, ушла. Разумеется, эту сцену Поль немедленно использовал против Анны. Она получила выговор от его адвоката. Поль везде растрезвонил, что Анна безумна и неуправляема. Мать Поля упрекала ее: «Анна, милочка, нужно успокоиться, Ваше поведение недопустимо!»

Адвокаты Анны и Поля вели переговоры о разделе имущества. Анна сознательно выбрала адвоката, не склонного вступать в долгую полемику, решив, что нужно прежде всего успокоить Поля, иначе он может начать затягивать судебный процесс. Она не спорила, потому что хотела быть сговорчивой; он же принимал это за ее силу, а значит, чувствовал со стороны Анны большую угрозу.

Незадолго до отпуска Анны, когда уже была назначена опись имущества, она случайно узнала, что Поль вывез все вещи из ее загородного дома. Он оставил только несколько предметов обстановки, которые принадлежали семье Анны, и детские кроватки. Она опустила руки, так как думала, что имущественные вопросы будут улажены, нападки со стороны Поля прекратятся. Тем не менее они не прекратились.

В переписке, касающейся детей, Поль начал делать косвенные намеки, ставящие под сомнение ее честность. Сначала Анна оправдывалась, объясняя, что все договоренности были сделаны адвокатами и засвидетельствованы у нотариуса, но потом поняла, что это бесполезно и что ему нужно, чтобы она была хоть в чем-то виновата. Однажды сын сказал ей: «Папа всем говорит, что ты у него все забрала, может, так оно и есть. Как ты можешь доказать, что ты порядочный человек и что это неправда?»

Из этого клинического случая видно, что Поль не может принять на себя ответственность за разрыв. Он действует таким образом, чтобы Анна сама стала инициатором разрыва, она «выгнала» его и, следовательно, несла ответственность за неудачу в семейной жизни. В любом случае она во всем виновата, она — «козел отпущения», который избавляет Поля от всяких сомнений на свой счет. На такое предательство Анна могла бы отреагировать агрессивно и в этом случае сама бы считалась агрессором. Если бы она, наоборот, впала в отчаяние, к ней относились бы как к сумасшедшей, склонной к депрессии. В любом случае она оказалась бы виноватой. Поскольку ее реакция не отличалась чрезмерной эмоциональностью, опорочить ее можно было только злословием и гнусными вымыслами.

В этой ситуации необходимо помочь Анне смириться с тем, что для Поля она всегда будет объектом ненависти. Что бы она ни сделала, изменить такое отношение невозможно, и нужно помочь ей признать свое бессилие. Для того чтобы нападки Поля не затронули ее личность, достаточно того,

чтобы в своих собственных глазах она выглядела достойно. Если она перестанет бояться своего агрессора, то выйдет из игры и этим, вероятно, сможет погасить агрессию.

Поля же производит впечатление человека, который может испытывать любовь к кому-либо только одновременно с ненавистью к кому-то другому. В каждом из нас присутствует разрушительный импульс. Один из способов избавления от этого внутреннего импульса заключается в проецировании его на кого-нибудь другого. Некоторые индивидуумы практикуют деление всех людей на «хороших» и «плохих». Тем, кто находится в лагере «плохих», приходится несладко.

Чтобы иметь возможность идеализировать новый объект любви и поддерживать любовные отношения, извращенному человеку необходимо проецировать все плохое на предыдущего партнера, ставшего «козлом отпущения». От всего, что мешает новой любовной связи, нужно избавиться как от ненужной вещи. Следовательно, чтобы где-то возникла любовь, в другом месте должна возникнуть ненависть. Новые любовные отношения строятся на ненависти к предыдущему партнеру.

В период разрыва отношений такой процесс происходит не так уж редко, но чаще всего ненависть затухает по мере того, как ослабевают идеализация нового партнера. Но у Поля, имеющего очень сильный идеал семьи, ненависть, наоборот, усиливается, поскольку является средством защиты его новой семьи. Шейла, сознательно или нет, чувствует, что эта ненависть сохраняет ее отношения с Полем, и не предпринимает ничего, чтобы

положить ей конец. Вполне возможно, что она каким-то образом активизирует это явление, защищающее ее семью.

Анна в силу природной наивности верит, что влюбленности достаточно для того, чтобы сделать человека счастливым, великодушным, «лучше», чем он есть. Поэтому она не в силах понять, что Поль любит по-другому. Она считает, что такое отношение Поля к ней вызвано тем, что она не достаточно «хорошая» и не соответствует его ожиданиям. У извращенных людей любовь, напротив, действует избирательно и непременно сопровождается ненавистью.

Разрыв отношений

К извращенным приемам часто прибегают во время развода или разрыва отношений. В этом случае речь идет о способе защиты, который не может заранее считаться патологическим. К разрушающему эффекту приводит лишь повторяемость и односторонность процесса.

В процессе разрыва отношений извращенные побуждения, до сих пор скрытые, усиливаются, насилие вырывается на волю, потому что извращенный самовлюбленный человек чувствует, что его жертва от него ускользает. Разрыв не прекращает насилия, оно продолжается через родственные связи, которые могут сохраняться, а если у пары есть дети, то через них. Согласно Ж.-Ж. Лемэру, «мстительное поведение после разрыва отношений или развода можно объяснить следующим образом:

человеку, чтобы не возненавидеть самого себя, необходимо перенести всю свою ненависть на другого человека, когда-то составлявшего часть его самого»¹.

Это то, что американцы называют *stalking*, то есть преследование. К преследованию прибегают бывшие любовники или супруги, которые не хотят упустить свою жертву, навязывают «бывшему» свое присутствие, поджидают его у места работы, звонят ему по телефону днем и ночью, сопровождая звонки прямыми или завуалированными угрозами.

В некоторых штатах преследование рассматривают как серьезную опасность. В таких случаях, так же как и в явных случаях семейного насилия, предусматриваются меры по защите граждан (*protective orders*), поскольку было доказано, что, стоит только жертве начать сопротивляться, преследование может перерасти в прямое физическое насилие.

Развод с извращенным самовлюбленным человеком, даже по инициативе последнего, почти всегда сопровождается насилием и длительной судебной тяжбой. Извращенные люди продолжают поддерживать связь со своими жертвами через адвокатов, органы правосудия, с помощью заказных писем. Когда слушается дело о разводе семейной пары, которая фактически распалась, в суде продолжают говорить о ней как о существующей. Чем сильнее насильственное воздействие, тем больше обида и гнев жертвы. Жертвы обычно защищаются слабо, особенно если считают, что разрыв произошел по их инициативе (часто так оно и есть), чувство

¹ J.-G. Lemaire, *Le Couple: sa vie, sa mort*, Payot, 1979.

вины заставляет их показывать свое великодушие, с помощью которого они надеются избавиться от своего преследователя.

Жертва редко настаивает на своих юридических правах, тогда как агрессор, будучи близким к параноидному типу личности, умеет использовать закон в своих целях. Теоретически во Франции может быть вынесено постановление о разводе по вине одного из супругов, но только если с его (или ее) стороны имели место насильственные действия. Но возможно ли учесть утонченное манипулирование чувством вины партнера? Истец в бракоразводном процессе должен доказать факты, приводимые в подтверждение своего иска. Но как доказать извращенное манипулирование?

Нередко случается, что извращенные люди вынуждают партнера совершить какой-либо промах и в дальнейшем стараются воспользоваться им, чтобы обратить бракоразводный процесс в свою пользу. В принципе развод по исключительной вине одного из супругов не может быть осуществлен, если вину одного можно оправдать поведением другого. В действительности же судьи опасаются, что ими тоже манипулируют, и не могут разобраться, кто из супругов в чем виноват, в результате из осторожности подобные случаи извращенного насилия они оставляют без внимания.

Цель извращенного манипулирования — дестабилизировать человека и заставить его сомневаться в самом себе и в других людях. Для достижения цели подходят все средства: намеки, домыслы, ложь. Чтобы не поддаваться воздействию, партнеру нужно постараться не допускать ни малейшего сомнения

в отношении самого себя и принимаемых решений и не обращать внимания на нападки. Для этого при контактах с бывшим супругом надо постоянно быть начеку.

Элиана и Пьер расстались после десяти лет совместной жизни, у них трое детей. Развода потребовала Элиана, мотивируя свой иск насилием со стороны мужа. В суде Пьер высказал то, что реализовал в последующие годы: «Отныне единственной целью моей жизни будет втоптать Элиану в грязь!»

Начиная с этого дня он отказывается от любого непосредственного контакта с ней. Связь между ними осуществляется с помощью заказных писем или через адвокатов. Когда, звоня по телефону своим детям, трубку берет Элиана, он говорит: «Передай трубку детям!» Если они случайно сталкиваются на улице, Пьер не только не отвечает на ее приветствие, но и смотрит сквозь нее, будто она прозрачная. Подобным негативным отношением он без слов дает понять Элиане, что она для него не существует, что она — пустое место.

Как это часто случается в разведенных парах такого типа, навязчивое преследование осуществляется во время общения по поводу детей (организация каникул, здоровье, учеба). Каждое письмо Пьера несет в себе агрессию, с виду незначительную, но тем не менее оказывающую дестабилизирующее воздействие.

На одно из почтовых посланий Элианы, извещающее о ежегодном перерасчете алиментов, он ответил: «Имея в виду твою непорядочность, мне необходимо переговорить с моим адвокатом, надеюсь, ты не против?» Когда она послала ему заказное письмо (ответа на которое, кстати, не получила), он заявил: «Нужно быть или сумасшедшей, или непорядочной, чтобы слать заказные письма каждую неделю!»

На письмо, в котором речь шла о том, какие выходные дни в мае Пьер будет проводить с детьми, он ответил: «Седьмое

и восьмое числа были первыми выходными в мае. Учитывая, что они уже прошли, мой адвокат посоветовал мне официально предупредить тебя: раз ты не следишь за календарем, мне придется подать жалобу на то, что ты не даешь мне видиться с детьми».

Каждый раз из-за этих писем Элиана спрашивала себя: «Что я такого сделала?» Даже если она была уверена в том, что ей не в чем себя упрекнуть, Элиана тем не менее пыталась припомнить, не случилось ли чего-нибудь такого, чего она не заметила, а Пьер — неправильно понял. Вначале она оправдывалась, но потом поняла, что чем больше она оправдывается, тем больше кажется ее вина.

На все эти косвенные нападki Элиана реагировала с яростью, но так как Пьер находился вне досягаемости, всплеск гнева происходил на глазах у детей, которые видели, что она плачет или кричит как безумная.

Элиана хотела вести себя безупречно. Однако для Пьера она все равно оставалась виноватой во всем, что бы ни произошло. Она стала «козлом отпущения», виновной в их разрыве и во всех его последствиях. Ее попытки оправдаться были жалки, бесполезны и тщетны.

Элиана не могла ответить ни на одно из оскорблений Пьера, поскольку не знала, чем они вызваны. Оправдаться она тоже не могла. Элиана была виновной в чем-то, что не называлось открыто, но при этом предполагалось, что и она, и ее бывший муж знают, о чем речь. Когда она рассказывала об этих враждебных взаимоотношениях своим родным или друзьям, те сводили все к банальному ответу: «Он скоро успокоится, не бери в голову!»

Пьер отказывался от прямого общения с Элианой. Если она писала ему, чтобы сообщить что-нибудь важное о детях, он не отвечал. Если она звонила ему, он говорил: «Я не желаю с тобой разговаривать!» — и бросал трубку или хладнокровно

оскорблял ее. Если она принимала какое-либо решение, не ставя его в известность, он, напротив, немедленно давал ей знать заказным письмом или через адвоката, что он не согласен с этим решением, и в дальнейшем делал все, чтобы заставить ее отказаться от своих намерений, оказывая на нее давление через детей. Таким образом, Пьер не позволял Элиане принимать решения, касающиеся детей. Ему было недостаточно того, что он выставлял ее плохой женой, он хотел выставить ее еще и плохой матерью. Действуя подобным образом, он оказывал дестабилизирующее влияние и на детей, но это не имело для него значения. Каждый раз, когда Элиане нужно было принять какое-либо важное решение, касающееся детей, ее терзали сомнения, как спросить мнение Пьера. Если этого не сделать, возникнет конфликт, и в итоге она писала ему письмо, тщательно подбирая каждое слово. Он не отвечал. Она принимала решение сама. Позже приходило заказное письмо: «Это было сделано по твоему желанию, без учета моего мнения и без моего ведома. Считаю необходимым напомнить тебе, что я обладаю родительскими правами наравне с тобой, и, следовательно, ты не можешь что-либо решать; не посоветовавшись со мной». Те же самые речи он произносил и в присутствии детей, которые уже не знали, кто за них решает. Планы, которые обсуждались подобным образом, обычно проваливались.

Через несколько лет после развода Элиана должна была принять важное решение, касающееся детей. Она написала письмо Пьеру и, как обычно, не получила ответа. Тогда она решила позвонить ему и сразу поняла, что ничего не изменилось:

— Ты прочел мое письмо, ты с ним согласен?

— С такой матерью, как ты, ничего нельзя поделать, не стоит и пытаться, ты все равно сделаешь так, как хочешь, ты всегда поступаешь как хочешь, и дети тоже делают так, как

ты хочешь! В любом случае тебя не исправить, ты воровка и лгунья, ты все время оскорбляешь людей, только это тебя и интересует, только это ты и умеешь!

— Но сейчас я тебя не оскорбляю, я тебя спокойно спрашиваю, не можем ли мы вместе кое-что сделать для наших детей.

— Ты меня еще не оскорбила, потому что не было подходящего момента, но это обязательно случится, ты не меняешься, ты никогда не изменишься, ты просто сука, нет другого слова, и это правда.

— Это ты оскорбляешь меня!

— Я говорю только то, что есть, а именно что ты не меняешься в лучшую сторону, что ты не способна усомниться в себе. И речи не может быть о том, чтобы я согласился с твоим решением. Я совершенно его не одобряю. Впрочем, я не одобряю твои методы воспитания детей, я не одобряю людей, которые их воспитывают, мне не нравится, как их одевают.

— Что бы ты ни думал обо мне, речь идет о наших детях. Что ты предлагаешь?

— Я ничего не предлагаю, потому что такой, как ты, мне нечего предложить, ничего не изменится, потому что не изменишься ты. Я считаю, что разговаривать можно с людьми, но не с тобой, потому что тебя не переделать. Ты даже не способна понять, о чем ты говоришь, ты все время говоришь ни о чем.

— Но нам нужно принять решение по поводу наших детей!

— Так обратись к Богу, разговаривай с равными себе! Я не знаю его координат, потому что у меня нет привычки звонить ему по телефону! Мне больше нечего тебе сказать. Я подумаю и, может быть, дам тебе ответ. Но в любом случае это ни к чему не приведет, потому что это будет не то, чего ты хочешь, а ты делаешь только то, что хочешь. В любом случае так не пойдет!

— Но тебе заранее ничего не нравится!

— Да, потому что, если за дело берется такая, как ты, заранее ясно, что ничего не выйдет. А впрочем, я не желаю спорить с тобой. Ты меня не интересуешь, и то, что ты хочешь сказать, меня интересует не больше. До свидания, мадам!

Элиана, видя, какой оборот принимает разговор, записала его на пленку. Она была не в силах поверить собственным ушам и принесла запись к психотерапевту. Ей хотелось понять, то ли это она сошла с ума, что чувствует такую ярость со стороны Пьера, то ли он, спустя пять лет после развода, всё еще испытывает желание ее уничтожить.

Элиана была права, что записала этот телефонный разговор. Это позволило ей взглянуть на ситуацию со стороны. Как и все жертвы подобного преследования, она никак не может поверить, что кто-то может так ее ненавидеть, не имея на то веских причин. Из этого разговора видно, что Пьер использует любые средства (оскорбления, сарказм), чтобы застопорить дело. Он пытается показать ничтожность Элианы, заранее возлагая на нее ответственность за провал всего мероприятия. Тем самым он делает невозможным какое-либо изменение ситуации, в том числе и для детей, потому что, вполне вероятно, это изменение может дестабилизировать и самого Пьера. К тому же появляется зависть. Пьер завидует Элиане, потому что из-за своей склонности к инфантилизму воображает ее всемогущей матерью (дети делают все, что ты хочешь), матерью настолько влиятельной, что она общается на равных с богами, и упоминание о боге в контексте их разговора отнюдь не метафора — это больше похоже на бред сумасшедшего.

Слушая грубости Пьера, которые он произносил ледяным тоном, я могла только посоветовать Элиане быть осторожной, так как знаю: такая ненависть не утихнет никогда. Речь идет об автономном процессе, который, однажды начавшись, укореняется в человеке и становится навязчивой идеей. Здравый смысл и доказательства не изменят ситуации. Только закон может ограничить радиус действия насилия, поскольку извращенный самовлюбленный человек обычно старается казаться законопослушным. Разумеется, запись телефонного разговора не имеет юридической силы, поскольку записывать частные разговоры без согласия заинтересованного лица запрещено. Это вдвойне неприятно, поскольку извращенное насилие особенно сильно проявляется при телефонном разговоре. В отсутствие физического и визуального контакта агрессор может использовать свое излюбленное оружие — слова, которые ранят, не оставляя следов.

Отказ от непосредственного общения безусловно является оружием извращенных людей. Партнер вынужден брать инициативу на себя, задавать вопросы и давать ответы, что, естественно, приводит к ошибкам, которые агрессор тотчас же отмечает, чтобы подчеркнуть ничтожность жертвы.

Недомолвки и намеки в заказных письмах — это ловкий маневр, который позволяет дестабилизировать жертву, не оставляя следов. Посторонний читатель (психолог, судья) может усмотреть в них лишь банальную язвительную перепалку между двумя бывшими супругами. Однако такое мнение ошибочно. Это односторонняя агрессия, при которой жертве не дают возможности сопротивляться и защищать себя:

Подобные извращенные нападки оказывают дестабилизирующее влияние и на семью. Дети и другие очевидцы не отдают себе отчета в том, что подобное недоброжелательство не имеет под собой никаких оснований. Для агрессора жертва становится жертвой обязательно — он всегда найдет какую-либо причину. В случае с Элианой, несмотря на то что у нее отличные отношения с детьми, каждое письмо привносит в их семью напряженность или агрессию: «Надоело, что у тебя плохое настроение каждый раз, когда ты получаешь письмо от папы!» При любой ситуации, когда может прийти заказное письмо, своего рода ящик Пандоры, сеющий насилие на расстоянии, дети становятся напряженными. Агрессор может сказать, что он здесь ни при чем и руки у него чисты. Это вина его бывшей жены, которая обезумела, не умеет ни контролировать себя, ни воспитывать детей.

Отношения Элианы и Пьера пока что остаются без изменений. Но это история без конца, так как действительно извращенный человек никогда не отпускает свою жертву. Пьер убежден, что он прав, и не испытывает ни стыда, ни угрызений совести. Люди, подвергающиеся агрессии с его стороны, должны постоянно быть очень внимательны, чтобы вовремя заметить очередную извращенную атаку.

Элиане потребовалось много времени, чтобы понять, что причина сложившейся ситуации не в недоразумениях, вызванных бурным расставанием, а в патологическом поведении Пьера, которое влечет за собой ее патологическое поведение. Решив, что между ними невозможен никакой диалог, они

вовлекли друг друга в адский круг, разрушительно действующий как на них самих, так и на детей. Чтобы остановить этот процесс, на данной стадии необходимо вмешательство со стороны.

Элиана долгое время задавала себе вопрос: «Что вызвало такое отношение ко мне, мое поведение или моя сущность?» Теперь она понимает, что Пьер только воспроизвел то, что сам испытал в детстве, то, что творилось в его собственной семье, и что ей самой было трудно выйти из роли утешительницы, свойственной ей с детства. Ее привлек в Пьере маленький несчастный мальчик, которого надо было утешить. Теперь она попала в ловушку капризов этого мальчика.

Извращенное насилие среди родственников

Извращенное насилие среди родственников порождает ответное насилие и представляет собой замкнутый круг, который трудно разорвать, поскольку в него вовлекаются представители разных поколений. Обычно такое насилие выражается в психологически жестоком обращении, которое часто ускользает от внимания окружающих, оказывая все более губительное влияние на личность.

Иногда такое жестокое обращение скрывается под маской воспитания. Алиса Мишлер¹, говоря о черной педагогике, разоблачала губительное действие

¹ A. Miller, *C'est pour ton bien*, traduction Jeanne Étoré, Aubier, Paris, 1984.

традиционного воспитания, целью которого является сломить волю ребенка, чтобы сделать из него послушное и покорное существо.

Дети не могут сопротивляться, так как «перед силой и подавляющим авторитетом взрослых они немеют и могут даже потерять сознание»¹.

В международной конвенции по правам ребенка психологически жестоким обращением с детьми считаются:

- словесное насилие;
- садистское и унижающее обращение;
- эмоциональное отторжение;
- чрезмерные или несоответствующие возрасту ребенка требования;
- противоречивые или непосильные воспитательные приказания или распоряжения.

Подобное насилие, которое опасно всегда, может быть косвенным и задевать ребенка случайно или рикошетом, но оно может быть направлено непосредственно на ребенка с целью уничтожить его как личность.

Косвенное насилие

Такое насилие направлено чаще всего на супруга с целью его морального уничтожения, и в случае неудачи переносится на детей. Дети становятся жертвами, потому что находятся рядом и неотделимы от того супруга, которому в данной ситуации

¹ Ferenczi, «Confusion de langue entre les adultes et l'enfant.» in *Psychanalyse IV*, Payot, trad. fr., Paris, 1985.

уготована роль жертвы. Они подвергаются агрессии как дети другого супруга. Поскольку они становятся свидетелями конфликта, который не имеет к ним отношения, они принимают на себя всю враждебность, предназначенную одному из родителей. Обиженный партнер в свою очередь, не имея возможности выплеснуть свои эмоции, относящиеся к агрессору, также отыгрывается на детях. Изоляция — единственный выход для детей, которые постоянно слышат, как один из родителей оскорбляет другого. В такой ситуации они теряют всякую способность к индивидуализации и самостоятельному мышлению.

В дальнейшем каждый из них несет в себе часть страдания, которую он воспроизведет в иной ситуации, если решение не созреет в нем самом. В этом случае происходит перенос ненависти и стремления к разрушению. Агрессор не может обуздать свою патологическую страсть. Ненависть, которая изначально относилась к бывшему супругу, переходит на детей, которые, в свою очередь, становятся мишенью для психологического уничтожения.

Родители Нади имели обыкновение настраивать своих детей друг против друга, используя для этого завуалированное насилие, вплоть до своего развода. Мать лучше других использовала злобные фразы и оскорбления. Своими косвенными нападениями она оставила в памяти детей ядовитый след.

После того как муж бросил ее, она живет одна вместе с младшей дочерью Леа, а в других своих детях подозревает сообщников их отца. Вокруг нее существует гигантский заговор, центром которого является Леа, ее сторонница. Когда Надя посылает Леа подарок на день рождения, мать отвечает:

«Мы с твоей сестрой благодарим тебя!» Мать поверяет Леа свои горечи и подозрения, изолирует ее от остальных членов семьи до такой степени, что та возмущается и не понимает, почему ее братья и сестры продолжают видеться с отцом.

Мать постоянно жалуется на своих детей. Если она и хвалит кого-нибудь, то последующие слова тут же сводят похвалу на нет. Она без остановки плетет свои сети, чтобы достичь мнимой победы. Она действует теми способами, которые более или менее успешно вызывают у детей скрытое чувство вины.

Когда Надя подарила ей на Рождество шарф, она ответила: «Спасибо за шарф, он как раз такой же длины, как и остальные мои шарфы!», «Твой подарок — первый за сегодня подарок от детей!». Когда ее зять совершил самоубийство, она сказала: «Как бы то ни было, он был слабым человеком, хорошо, что он умер!»

У Нади создается впечатление, что она бредит, когда видит или слышит свою мать. Любую агрессию она воспринимает как вторжение в свою жизнь. Надя чувствует, что должна защищаться, чтобы сохранить свою целостность. С каждой новой атакой ее ярость и желание уничтожить свою мать усиливаются, она стремится положить конец всесилию матери, благодаря которому та заставляет всех испытывать чувство вины. Это вызывает у Нади боли и спазмы в животе. Даже на расстоянии, общаясь с матерью по телефону или письменно, ей кажется, что какая-то невидимая рука тянется к ней, чтобы причинить зло.

Какие бы ни были причины подобного поведения, оно неприемлемо, непростительно, так как извращенное манипулирование приводит к серьезным расстройствам и у детей, и у взрослых. Как можно мыслить здраво, когда один из родителей велит тебе думать так, а другой — совершенно иначе. Такая

путаница может довести ребенка до фатального саморазрушения, если ситуацию не прояснит разумными словами какой-нибудь другой взрослый человек. Очень часто у взрослых, которые будучи детьми подвергались извращенному насилию со стороны одного из родителей, а также у жертв инцеста наблюдают поочередную смену анорексии и булимии или другое аддитивное поведение.

Извращенные намеки и замечания воспринимаются детьми как «промывка мозгов», в результате у них вырабатывается негативный условный рефлекс. Дети не жалуются на жестокое обращение, а, напротив, постоянно стараются завоевать признание отталкивающего их родителя. В них закладывается отрицательная самооценка (я — ничтожество!), которая воспринимается ими как заслуженная.

Стефан сознает, что еще задолго до своего депрессивного состояния он чувствовал себя опустошенным, не мог что-либо делать без сильного внутреннего стимула, например использовать в полную силу свои профессиональные возможности. Чтобы скрыть эту опустошенность и скуку, он регулярно принимал наркотики, хотя и говорил, что они ему не помогают.

Вплоть до полового созревания Стефан был смелым, подвижным, веселым, хорошо воспитанным ребенком. Он потерял свою непосредственность после развода родителей; тогда ему было десять лет. Сейчас у него такое чувство, что в обоих домах его родителей ему не рады. Поскольку его брат решил остаться с матерью, Стефан счел себя обязанным пойти жить к отцу и стал заложником этого развода.

Его отец — равнодушный, уставший, постоянно недовольный человек. Он никогда не проявляет чувства привязанности, иронизирует, пользуясь саркастическими и обидными словами.

Он не наслаждается жизнью и не позволяет наслаждаться ею другим. Стефан никогда не рассказывал ему о своих планах. Рядом со своим отцом он был только тенью самого себя, и когда ушел от него, то сказал себе: «Я свободен, это все в прошлом».

Стефан уже взрослый, но все еще боится гнева своего отца: «Если бы только я один так реагировал на него, то сказал бы, что именно я не в себе. Но, общаясь с ним, все в конце концов перестают с ним спорить или рассказывать что-нибудь, дабы избежать конфликта». Стефан всегда настороже, ведь, если отец не сумеет обуздать свою агрессию, терпение Стефана может лопнуть.

Он признает, что вообще слишком легко подчиняется власти, так как не выносит конфликтов; что если он прекратит подчиняться отцу, это будет разрывом отношений, причем разрывом со скандалом. Но сейчас он не чувствует в себе достаточно сил, чтобы противостоять ему.

У родителя есть под рукой живой объект, которым можно распоряжаться, манипулировать и заставить переживать унижения, которые прежде испытывал или все еще продолжает испытывать сам родитель. Любая радость ребенка для такого родителя невыносима. Ребенка притесняют, что бы он ни сделал и что бы он ни сказал. Существует своего рода необходимость заставить его платить за страдания, пережитые самим родителем.

Мать Даниеля не выносит, когда ее дети радуются, потому что она несчастлива в семейной жизни. Она повторяет всем, кто только может ее слушать: «Жизнь — это бутерброд с дерьмом, который нужно есть понемногу каждый день!» Она объясняет, что дети мешают ей жить, что она вынуждена посвящать себя им, хотя ей этого не хочется.

Она постоянно в плохом настроении. Она придумала семейную «игру», чтобы сделать детей более черствыми. «Игра» заключается в том, чтобы регулярно во время обеда насмеяться над одним из них. Тот, кто является объектом ее нападок, должен сохранять спокойствие. Она повторяет колкости, обидные, но недостаточно серьезные, чтобы их обсуждать. Впрочем, дети не уверены, что все эти мелкие обиды наносятся сознательно; может быть, мать просто небрежна в выборе слов.

Она все время говорит о ком-нибудь плохо, но не прямо, а завуалированно, и постоянно презрительно говорит с одним из детей о его брате или сестре, поддерживая таким образом соперничество и разлад между детьми.

Она с удрученным видом говорит о Даниеле, что он ни на что не годен и никогда не преуспеет в жизни. Она всегда находит язвительные слова и категоричные суждения, чтобы осадить его, когда он высказывает свое мнение. Хотя Даниель уже взрослый, он все еще боится того, что может сказать о нем мать. Он не умеет защищаться от нее: «Нельзя быть агрессивным по отношению к собственной матери!» Но ему постоянно снится один и тот же сон: он хватается за плечи и трясет, вопрошая: «Почему ты так зла со мной?»

Манипулировать детьми очень легко. Они всегда стараются оправдать тех, кого любят. Их терпимость безгранична, они готовы все простить своим родителям, взять вину на себя, стараются узнать, почему один из родителей недоволен ими. Одним из способов, который часто используют, чтобы манипулировать ребенком, является шантаж страданиями.

Селин рассказала своему отцу, что ее изнасиловали и она подала заявление в полицию. Благодаря хладнокровию Селин

насильник был пойман, и вскоре должен был состояться судебный процесс. Первой реакцией отца были слова: «Тебе лучше не говорить об этом твоей матери. У нее, бедняжки, станет одной заботой больше!»

Его жена Виктория постоянно жаловалась на боли в животе и под этим предлогом большую часть дня проводила в постели, избегая таким образом сексуальных отношений со своим мужем. Объясняя свою изоляцию, она говорила своему сыну: «Ты был очень большим ребенком, ты мне всё порвал внутри!»

Супруг, который сам подвергается извращенному воздействию, может лишь изредка помочь детям и выслушать их горести, не оправдывая партнера и не становясь его адвокатом. Дети очень рано понимают извращенность таких отношений, но, поскольку они зависят от своих родителей, признать эту извращенность не могут. Ситуация ухудшается, когда другой родитель, желая защитить себя, отдаляется и оставляет ребенка в одиночку противостоять презрению и эмоциональному отталкиванию.

Мать Агаты привыкла переносить ответственность за все свои несчастья на детей. В то же время она оправдывает себя и избавляется от любого чувства вины. Она говорит об этом спокойно, как если бы агрессия была только плодом их воображения. В этом семейном болоте ничего не обсуждается: «Да нет же, ничего страшного не произошло, ты опять начинаешь об этом!»

Агрессия стирается из памяти матери Агаты, оставляя лишь смутные следы. Проблемы никогда не обсуждаются прямо. Мать Агаты никогда не начинает разговор сама, если беседа

все же завязалась, она пытается увильнуть от нее. Она уговаривает детей оставить ее в покое, жалуется на мужа, который ее бросил.

Дети знают, что под кроватью мать хранит коробку с их фотографиями, начиная с самого раннего детства, хотя она и сказала, что выкинула их. Однажды Агата отважилась спросить, что стало с той коробкой: Говорить об этих фотографиях — значит определенным образом выйти из-под влияния, осмелиться поставить под сомнение истины, навязанные матерью. Та ответила: «Не знаю, я посмотрю... Может быть!»

Агата ни в чем не уверена, сомневается в своих собственных чувствах и ощущает себя сиротой. Есть два человека, являющихся ее родителями, но с обоими у нее нет ничего общего. У нее нет родного плеча, на которое можно было бы опереться. Ей приходится постоянно защищаться от возможных психологических ударов и оправдываться за любой поступок.

Прямое насилие

Прямое насилие является проявлением сознательного или подсознательного эмоционального отторжения ребенка одним из его родителей. Родитель оправдывает себя тем, что действует в интересах ребенка, в воспитательных целях, но на самом деле ребенок ему мешает, и в целях самосохранения родителю необходимо разрушить собственное «я» ребенка.

Никто, кроме жертвы, не может опознать этот процесс, но разрушение вполне реально. Ребенок несчастен, хотя объективно ему не на что жаловаться. Если он и жалуется, то на обычные жесты или

слова. В таких случаях обычно говорят, что ребенку не по себе. Однако кто-то действительно хочет его уничтожить.

Часто ребенка, с которым плохо обращаются посторонние, считают мучителем. Говорят, что он не оправдывает ожиданий, причиняет родителям беспокойство: «Это трудный ребенок, он ничего не понимает, все ломает, делает глупости!» Такой ребенок не отвечает представлению о детях, которое сложилось у его родителей.

Он мешает родителям или потому, что занимает особое место в их проблемах (например, нежеланный ребенок виноват в том, что семья стала такой, какой не должна была быть), или потому, что он не такой, как все (инвалид или умственно отсталый). Одно его присутствие проявляет и усиливает конфликт между родителями. Мишенью становится ребенок, чьи недостатки нужно исправить, чтобы он вел себя как надо.

Бернар Лампер¹ очень хорошо описал это эмоциональное отторжение, направленное на невинную жертву: «Нелюбовь — это разрушительная система, которая в некоторых семьях обрушивается на ребенка и может быть смертельно опасна для него; это не *просто* отсутствие любви, а образование вместо и на месте любви постоянного насилия, которое ребенок испытывает. Насилие оседает в ребенке до такой степени, что порождает ответное насилие, в конце концов жертва перенимает эстафету насилия; направленного на нее, посредством саморазрушающего поведения».

¹ B. Lempert, *Désamour*, Seuil, Paris, 1989.

Получается нелепый круговорот: ребенка ругают за то, что он неловок или ведет себя не так, как надо; от этого он становится еще более неловким и все больше отдаляется от родительского идеала. Ребенка унижают не потому, что он неловок; он неловок потому, что его унижали. Родитель, подвергающий ребенка насилию, ищет и обязательно находит оправдание своим действиям (написал в кровать, получил плохую оценку), но на самом деле агрессию вызывает *само существование* ребенка, а не его поведение.

Один из самых часто применяемых способов извращенного насилия — дать ребенку нелепое и обидное прозвище. По прошествии пятнадцати лет Сара все еще не может забыть, что в детстве родители звали ее «помойкой», потому что у нее был хороший аппетит. Сара была толстой и не соответствовала образу ребенка, о котором мечтали ее родители. Но вместо того, чтобы помочь ей справиться с аппетитом, родители еще больше вредили ей.

Случается, что ребенок в значительно большей степени способный, чувствительный, любознательный, чем его отец или мать. Тогда родители пытаются стереть то хорошее, что есть в ребенке, чтобы не видеть своих собственных недостатков. Их высказывания приобретают вид пророчеств: «Ты ни на что не годишься!» В конце концов родители достигают цели: ребенок становится невыносимым, глупым, непослушным, и они имеют все основания обращаться с ним плохо. Под предлогом воспитания они гасят в собственном ребенке искру жизни, которой недостает у них самих. Ломают волю, делают это таким образом, что ребенок не может осудить их за это.

В любом случае дети очень хорошо чувствуют, что они не отвечают ожиданиям своих родителей или что они просто не были желанными для них. Дети приписывают себе вину за разочарование родителей, за то, что недостаточно хороши для них, за то, что их стыдят. Они извиняются за это, потому что хотят возместить ущерб, нанесенный самолюбленности родителя. Напрасный труд.

Несмотря на то что Ариель талантлива в своей профессии, она совершенно не уверена в собственных силах. Кроме того, она испытывает недомогания: головокружение и тахикардию, которые привыкла приписывать беспокойству.

Ей всегда было очень трудно общаться с родителями, особенно с матерью, Элен. У Ариель создается впечатление, что мать ее не любит, но она прощает Элен. А то, что мать мучает ее в первую очередь, Ариель приписывает тому, что она старшая среди детей.

Ариель говорит, что ее отношения с матерью носят парадоксальный характер: она получает от матери информацию, смысла которой не может понять и от которой не может защититься. Однажды кто-то сказал ей, что она послужила причиной разлада между родителями, тогда она почувствовала себя виноватой и даже написала родителям письмо с оправданиями.

У Ариель такое чувство, что мать постоянно практикует на ней развитие негативного условного рефлекса с целью унижить ее достоинство. Каждое слово матери скрывает в себе недоразумение, смысл сказанного настолько извращается, что Ариель непременно попадает в ловушку. Для разжигания конфликтов Элен умеет использовать третьих лиц и ловко менять ситуацию, как бы иронизируя. Она говорит обо всем так, будто знает об этом она одна, и с помощью недомолвок ей сразу удается заставить Ариель чувствовать себя виноватой. Ариель

всегда в напряжении и постоянно спрашивает себя, все ли она сделала правильно, чтобы не вызвать неудовольствие матери.

Однажды Ариель нашла на видном месте в комнате матери открытку, которую послала ей на день рождения. Дата была подчеркнута и под ней стояла пометка: «Пришла на день позже!» Из этого Ариель заключила: «Что бы я ни сделала, я всегда виновата!»

Извращение наносит значительный ущерб семьям; оно незаметно разрушает семейные связи и уничтожает любое проявление индивидуальности. Извращенные люди так умело скрывают насилие, что им часто удается очень хорошо выглядеть в глазах других людей. Унижающий чужое достоинство механизм может действовать еще более извращенным образом через третьих лиц, например через другого родителя, который, не ведая об этом, также находится под воздействием агрессора.

Артур — желанный ребенок для своей матери Шанталь, но не для своего отца Винсента. Винсент оставляет своей жене все заботы о малыше: «Это женское дело!» Когда же она проводит с сыном слишком много времени, он иронизирует: «Ты ласкаешь свой кусочек сала!» Эта фраза, с виду безобидная, говорится таким тоном, что Шанталь чувствует себя виноватой, хотя и возражает мужу, что ее поведение абсолютно нормально.

Однажды, пока Шанталь переодевала Артура, напевая ему песенку и целуя в животик, Винсент с порога комнаты объяснял ей, что многие матери склонны к инцесту со своими сыновьями и что они возбуждают их еще с колыбели. Шанталь ответила шутя, что это замечание к ней не относится, но с этого дня ее отношения с сыном теряют непринужденность, особенно когда Винсент поблизости.

Воспитательные принципы Винсента очень строги — нельзя потакать всем капризам детей: если они хорошо накормлены и переодеты, нечего плакать. Нельзя менять окружающую обстановку ради ребенка, он должен научиться ничего не трогать, для чего хватит и одного хорошего шлепка по рукам. Маленькому Артуру, послушному ребенку, которого легко воспитывать, тем не менее часто попадало.

Красивого толстощекого Артура отец зовет «жирным». Это приводит Шанталь в ярость. Несмотря на все ее просьбы и мольбы, он продолжает его так называть, даже когда говорит ему что-то хорошее: «Это беспокоит только тебя, смотри, его это не расстраивает, он улыбается!» Другие люди, родные и друзья, протестуют, но для Винсента это прозвище стало привычным.

Впоследствии у Артура возникли трудности с навыками опрятности. Он писался вплоть до детского сада и еще долго страдал ночным энурезом. Это раздражало Винсента, который винил в этом своего сына и шлепал его. Особенно жестко он выражал свое раздражение Шанталь, она боялась гнева мужа и пыталась разобраться с проблемой самостоятельно, но, в свою очередь, тоже раздражалась на сына. В конце концов она тоже принялась бить ребенка. Потом Шанталь терзалась чувством вины и упрекала Винсента в том, что он слишком суров с Артуром. Муж холодно отвечал ей: «Это ты была ребенка, это ты несдержанна!» Шанталь уходила в комнату своего сына, брала его на руки и, утешая его, успокаивалась сама.

Убить ребенка физически нельзя, поэтому родители пытаются уничтожить его психически. Действуя таким образом, можно избежать угрызений совести, даже если при этом ребенок потеряет всякое чувство собственной значимости. «При домашней тирании и личной безысходности смерть добывается своей

цели: ощущения, что ты не существуешь. Поскольку физически убить ребенка — это преступление, организуется психическое убийство: сделать так, чтобы ребенок ничего собой не представлял. При этом родители хорошо выглядят в своих глазах: нет следов, нет крови, нет трупа. Мертвец жив и все нормально»¹.

Даже когда насилие со стороны родителей очевидно для окружающих, его нельзя разоблачить юридически, так как установить его наличие не всегда просто.

Почти сразу после рождения стало ясно, что было бы лучше, если бы Жюльетта не появлялась на свет, хотя она и не была нежеланным ребенком. Она мешает, а это никому не нужно. С самого рождения она виновата во всех неприятностях: если она плохо себя ведет, это ее вина, если возникают хозяйственные трудности, то тоже по ее вине. Что бы она ни сделала, ее ругают. Если она плачет, ее попрекают слезами и шлепают: «Вот теперь ты знаешь, почему плачешь!», если она не реагирует, ей говорят: «Такое впечатление, что тебе наплевать на то, что тебе говорят!»

Отцу очень хотелось бы, чтобы Жюльетты не было на этом свете: когда ей было девять лет, ее «забыли» в лесу после пикника. Жюльетту подобрал крестьянин и заявил в полицию. Отец оправдывался следующим образом: «Чего вы хотите, это невозможная девчонка! Она все время сбегает из дома!»

Насилие над Жюльеттой осуществляется скрыто, ее кормят, хорошо одевают, в противном случае социальная служба взяла бы ее под свою опеку. Однако постоянно присутствует ощущение, что она не должна была появиться на свет.

¹ B. Lempert, *L'Enfant et le Désamour*, Éditions L'Arbre au milieu, 1989.

Ее мать подчиняется воле всесильного мужа, но все же старается защитить свою дочь. Она сопротивляется как может, иногда угрожая мужу уйти от него вместе с дочерью, но, поскольку она не работает, у нее нет средств и она полностью зависит от этого сложного человека.

Жюльетта любит своего отца несмотря на насилие, которое он совершает, и когда у нее спрашивают, как дела дома, она иногда отвечает: «Мама всегда устраивает сцены и говорит, что хочет уйти от папы!»

Единственным прибежищем детей-жертв извращенной агрессии являются механизмы защитного расслоения, а это ломает их психический стержень. То, что не преобразовалось в детстве, вновь проявляется во взрослом возрасте в постоянно повторяющихся поступках.

Не все дети, испытавшие на себе моральное насилие, становятся плохими родителями, но нельзя отрицать существование этого разрушительного круговорота. Любой из нас может быть вовлечен в него, когда выплескивает свою внутреннюю агрессию на других. Алиса Миллер¹ показывает нам, что со временем дети или иные жертвы, подвергшиеся насильственному воздействию, забывают об этом — нужно лишь избавить их от желания знать, но впоследствии они воспроизводят насилие, направляя его на самих себя или же на других людей.

Родители передают ребенку не только положительные качества, например честность и уважение к другим людям, они также могут под видом

¹ A. Miller, *La Souffrance muette de l'enfant*, trad. fr., Aubier, Paris, 1988.

«изворотливости» приучить их к недоверию и неуважению закона. Это закон хитрости. В семьях, где извращение является нормой, нередко среди предков можно найти известного преступника, но его существование не скрывается, напротив, его считают героем, потому что он стал известен благодаря своей пронырливости и изворотливости. Если его и стыдят, то не потому, что он преступил закон, а потому, что ему не хватило хитрости, чтобы не попасться.

Латентный инцест

Наряду с извращенным насилием, имеющим целью разрушить индивидуальность ребенка, можно встретить семьи, где царит нездоровая атмосфера, созданная из двусмысленных взглядов, случайных прикосновений, сексуальных намеков. В таких семьях нет четких барьеров между поколениями; нет границы между обычными и сексуальными отношениями. Речь идет не об инцесте в полном смысле слова, а о том, что психоаналитик П.-К. Ракамье назвал инцестностью: «Инцестность — это атмосфера, где веет ветер инцеста, но самого инцеста нет». Я бы назвала это *мягким* инцестом. С юридической точки зрения здесь не к чему придраться, но извращенное насилие присутствует, хотя и без явных признаков.

Что подразумевается под *мягким* инцестом?

Это мать, которая рассказывает своей двенадцатилетней дочери о сексуальных неудачах своего мужа и сравнивает его гениталии с гениталиями своих любовников.

Это отец, который регулярно просит свою дочь сопровождать его и ждать в машине, чтобы обеспечить себе алиби, пока он навещает своих любовниц.

Это мать, которая просит свою четырнадцатилетнюю дочь осмотреть ей гениталии, чтобы проверить, нет ли там красноты: «В конце концов, мы не чужие друг другу, это между нами, женщинами!»

Это отец, который соблазняет подружек своей восемнадцатилетней дочери и ласкает их в ее присутствии.

Такое поведение порождает атмосферу нездорового сообщничества. Барьеры между поколениями не соблюдаются, дети занимают не свое место детей, а вовлекаются в сексуальную жизнь взрослых в качестве свидетелей. Такой эксгибиционизм часто преподносится как один из способов родителя быть современным, «модным». Жертва не может защищаться; если она противится, это порождает насмешки: «Как ты зажата!» Следовательно, она должна отказаться от собственных принципов и, чтобы не сойти с ума, принять те, которые считала нездоровыми. Парадоксально, но бывает и так, что подобное либеральное поведение уживается с другими строгими воспитательными принципами, например с сохранением девственности дочери. Извращенное воздействие со стороны родителей мешает жертве ясно осознавать ситуацию и делает невозможным изменить ее.

Извращенные отношения могут быть основой семейной пары, поскольку партнеры сами выбрали друг друга, но не могут явиться основой отношений на предприятии. Тем не менее даже вне контекста семьи такие отношения выполняют сходные

функции. Следовательно, модель, действующая в семейной паре, может помочь в понимании определенного поведения, проявляющегося на рабочем месте.

На предприятии моральное преследование и насилие порождает именно столкновение жажды власти и извращенности.

В такой ситуации процент серьезных деструктивных извращенных проявлений невелик, но зато вполне привычны ежедневные мелкие извращенные поступки.

В рабочей среде, университетах и организациях способы преследования намного более стереотипны, чем в частной жизни. Но они не менее разрушительны, даже если жертвы менее длительное время подвергаются преследованию, так как чаще всего, для того чтобы избежать насилия, жертвы решают уйти с работы (временно по болезни или уволиться). В общественной сфере (в рабочей политической, в различных ассоциациях) эти способы чаще всего разоблачаются именно жертвами, которые, объединившись, как, например, работницы фабрики «Марифло», рассказали о том, что им пришлось пережить и насколько это было невыносимо.

Моральное преследование на предприятии

О чем идет речь?

Под моральным преследованием на рабочем месте нужно понимать противозаконное поведение, проявляющееся, в частности, в жестях, словах, письменных документах, действиях и посягающее на личность, достоинство, физическую или психическую целостность человека, а также подвергающее риску его работу или ухудшающее рабочую атмосферу.

Хотя моральное преследование на работе — явление такое же старое, как и сама работа, только в начале этого десятилетия оно было действительно определено как явление, ухудшающее рабочую обстановку, уменьшающее производительность труда, а также способствующее прогулам из-за морального ущерба, который оно наносит. Это явление в основном изучалось в англосаксонских и северных странах, где оно получило название моббинг — от слова *mob*: толпа, сборище, чернь.

Так, исследователь психологии труда из Швеции Хайнц Лейманн в течение двенадцати лет проводил анкетирование в различных профессиональных

группах, изучая процесс, который получил название «психотеррор»¹.

В настоящее время этим явлением начинают интересоваться профсоюзы, врачи, компании медицинского страхования во многих странах.

В последние годы во Франции как на предприятиях, так и в средствах массовой информации особое место занимает проблема сексуального домогательства, единственная, которую принимает во внимание французское законодательство и которая, однако, является лишь составной частью морального преследования в широком смысле слова.

Эта психологическая война на рабочем месте объединяет два явления:

злоупотребление властью, которое очень быстро обнаруживается и с которым работники не обязательно соглашаются;

извращенное манипулирование, более скрытое и имеющее более разрушительные последствия.

Моральное преследование появляется незаметно и так же незаметно распространяется. В первое время человек относится к нему легкомысленно, не воспринимая всерьез колкости и обидные слова в свой адрес. В дальнейшем эти нападки множатся; жертва регулярно подвергается воздействию, испытывает на себе враждебные и унижительные приемы в течение длительного времени, в результате чего становится зависимой, со сниженной самооценкой.

От таких нападков не умирают, но теряют часть самого себя. Каждый вечер жертва возвращается

¹ См.: H. Leymann, *Mobbing*; trad. fr. Seuil, Paris, 1996.

домой измученная, униженная, сломленная. От этого трудно оправиться.

Это нормально, что время от времени в каком-либо коллективе возникают конфликты. Обидное замечание в момент раздражения или когда у человека плохое настроение не имеет большого значения, тем более если за ним последует извинение. Разрушительным действием обладает именно повторяемость придираков, унижений и отсутствие всяких попыток их сгладить.

Когда зарождается преследование, оно похоже на машину, которая начинает движение и может все раздавить. Это явление внушает страх, потому что оно бесчеловечно, бездушно и безжалостно. Окружающие из-за собственного эгоизма, трусости или подлости предпочитают оставаться в стороне. Когда этот вид асимметричных и разрушительных взаимоотношений начинает действовать, он может только усиливаться. Остановить его может лишь кто-то со стороны. Действительно, в момент кризиса проявляется такая тенденция: качества, присущие кому-либо или чему-либо, усиливаются на порядок. Так, на предприятии с жесткими правилами правила еще более ужесточаются, подавленный служащий становится еще более подавленным, агрессивный человек — еще более агрессивным и т. д. Обостряются все основные качества человека. Разумеется, кризисная ситуация может стимулировать человека и побудить его отдавать все лучшее, что в нем есть, чтобы найти из нее выход, но в ситуации, отягощенной извращенным насилием, воля жертвы притушается, и она демонстрирует только свои худшие качества.

Это круговое явление. Бесполезно выяснять, кто стоит у истоков конфликта. Забываются даже его причины. Серия хорошо просчитанных поступков со стороны агрессора провоцирует беспокойство жертвы, что вызывает у нее защитное поведение, которое, в свою очередь, становится причиной новой агрессии. Через некоторое время, по мере развития конфликта, возникают двусторонние фобии: присутствие предмета ненависти рождает холодную ярость у агрессора, присутствие преследователя вызывает страх у жертвы. Это условный рефлекс, вызывающий либо страх, либо агрессию. Страх жертвы влечет за собой патологическое поведение, которое может послужить оправданием агрессии. Чаще всего жертва реагирует невнятно и горячо. Что бы она ни предприняла, что бы ни сделала, ее преследователи все обращают против нее. Целью манипуляций является поставить жертву в тупик, подтолкнуть ее к полному замешательству и заставить совершить ошибку.

Даже если преследование происходит в горизонтальном направлении (между двумя коллегами), начальство не вмешивается. Руководитель предпочитает не обращать на это внимания или же потворствует насилию. Иногда он осознает проблему лишь в том случае, когда реакция жертвы слишком очевидна (нервный приступ, плач и т. д.) или когда человек слишком часто не выходит на работу. Конфликт действительно усугубляется из-за того, что руководство предприятия отказывается вмешаться в него: «Вы уже достаточно взрослые, чтобы самостоятельно улаживать свои проблемы!» Жертва не чувствует себя защищенной, а иногда даже чувствует себя обманутой теми, кто потворствует этой агрессии

своим невмешательством, ибо руководство редко предлагает прямое решение проблемы. Скорее всего ответ будет таким: «Потом посмотрим!» В лучшем случае предлагаемое решение со стороны руководства состоит в том, чтобы назначить заинтересованное лицо на другую должность, не спрашивая его согласия. Если на определенной стадии развития насилия кто-либо реагирует на него здраво, этот процесс прекращается.

Кто является целью?

Вопреки мнению, которое агрессоры пытаются внушить всем окружающим, жертвы изначально не подвержены какой-либо патологии, в частности, они не являются слабыми личностями. Напротив, преследование очень часто возникает, когда жертва противостоит авторитаризму начальника и отказывается быть порабощенной. Именно ее способность противостоять власти, несмотря на давление, и делает ее мишенью для агрессии.

Преследование становится возможным, потому что ему предшествует унижение жертвы извращенным человеком, с молчаливого согласия коллектива, а затем и при его поддержке. Это обесценивание *a posteriori* оправдывает жестокость по отношению к жертве и заставляет думать, что она заслужила то, что с ней случилось.

Однако жертвы не являются безобидными овечками; напротив, среди них есть множество щепетильных личностей, демонстрирующих патологический «презантеизм». Эти работники, перфекционисты,

с головой ушедшие в работу, хотят быть безупречными. Они подолгу задерживаются в офисе, без колебаний соглашаются работать по выходным и приходят на работу, даже когда больны. Американцы используют термин *трудоголик*, чтобы подчеркнуть, что речь идет об одной из форм зависимости. Эта зависимость связана не только с предрасположенностью жертвы: главным образом она является следствием воздействия политики предприятия на работников.

Иногда закон о защите прав трудящихся, например запрет на увольнение беременных женщин, становится причиной морального насилия. Женщина, которая до определенного момента была полностью погружена в работу, сообщает о своей беременности. Для работодателя это значит, что теперь сотруднице придется предоставить отпуск по материнству, она будет уходить с работы раньше, чтобы забрать ребенка из яслей, будет отсутствовать по причине болезни ребенка, то есть не будет находиться в полном распоряжении начальства. В этот момент и начинается моральное преследование.

Когда начинается процесс преследования, жертву попрекают ее плохим характером, говорят, что с ней трудно ужиться или что она ненормальна. То, что является следствием конфликта, обычно относят на ее личный счет и легко забывают, какой она была прежде или какой бывает в другой обстановке. Нередко случается, что доведенная до отчаяния жертва становится такой, какой ее хотят видеть. Человек, подвергающийся преследованию, не может работать на максимуме своих возможностей. Он невнимателен, работает без отдачи и дает повод

критиковать качество его работы. Таким образом, его можно уволить из-за его некомпетентности или профессиональных ошибок.

Существование небольшого числа параноиков, выставляющих себя жертвами, — особый случай, который не должен подменять существование истинных жертв морального преследования. Параноики являются сильными личностями, склонными к тирании, легко вступающими в конфликт с окружающими, не приемлющими никакой критики и чувствующими себя отверженными. Они являются не жертвами, а, скорее, потенциальными агрессорами и выдают себя жесткостью характера и отсутствием чувства вины.

Агрессоры и жертвы

Поведение коллектива не является простой суммой поведенческих мотивов и поступков составляющих его людей; коллектив — это новая категория, имеющая свое собственное поведение. Фрейд допускает растворение индивидуальности в толпе и видит в нем двойное уподобление: горизонтальное по отношению к толпе (коллективу) и вертикальное по отношению к вышестоящему лицу.

Агрессия между коллегами

В коллективе существует тенденция к уравниванию людей, очень плохо переносятся различия между ними (половые, религиозные, расовые, социальные,

по сексуальной ориентации): Так, в некоторых профессиях, традиционно считающихся мужскими, поступающей на работу женщине нелегко добиться уважения. Сначала ей придется пережить и сальные шутки, и непристойные жесты, презрение ко всему, что она говорит, неуважение к ее труду. Все это кажется просто шуткой, все смеются, включая присутствующих женщин. У них нет выбора.

Кати стала инспектором полиции, сдав экзамены экстерном. Даже зная о том, что женщины составляют только одну седьмую персонала полиции, она надеялась получить эту работу, чтобы затем перейти в отдел по работе с несовершеннолетними. Во время первого же спора с коллегой-мужчиной тот завершил разговор так: «Ты просто дырка на ножках!» Это развеселило других коллег Кати, которые тоже начали шутить. Она не позволила так относиться к себе, рассердилась и начала протестовать. В отместку ее подвергли изоляции и попытались унижить, поставив в пример других женщин-инспекторов: «Вот настоящие компетентные сотрудницы, которые не строят из себя недотрог!»

Когда был совершен взлом, все засуетились, но ей ничего не объяснили. Она спрашивала: «Где, когда, как, при каких обстоятельствах, каковы юридические нюансы дела?», но ответов не получила. Ей лишь сказали: «Все равно ты не знаешь, как это делается! Оставайся здесь и приготовь кофе!»

Ей не удалось попасть на прием к начальству, чтобы обсудить произошедшее. Как быть с тем, что никто не хочет ее слушать? Она должна либо подчиниться, либо противопоставить себя коллективу. Поскольку Кати нервничала, создавалось впечатление, что у нее плохой характер. Такое мнение о ней дальше будет преследовать ее везде, на любом месте работы.

Однажды вечером после дежурства она, как обычно, оставила свое оружие в запортом на ключ ящике. На следующий день ящик оказался открытым. Ей указали на ее проступок. Кати знала, что только один человек мог открыть ее ящик. Она попросила комиссара о встрече, чтобы все прояснить. Он вызвал ее вместе с подозреваемым коллегой, грозя тому дисциплинарным взысканием. В ходе беседы комиссар «забыл» обсудить проблему, ради которой они собрались, и высказал неопределенные замечания, касающиеся работы Кати. Впоследствии ее рапорт затерялся.

Несколько месяцев спустя, когда она обнаружила своего напарника и друга мертвым — он застрелился, — никто не пришел утешить ее. Когда она отсутствовала несколько дней по болезни, над ее слабым здоровьем посмеялись: «Здесь мир крутых парней!»

Руководство многих предприятий оказывается неспособным заставить персонал соблюдать минимальные права человека и потворствует развитию в коллективе расизма и сексизма.

Иногда преследование бывает вызвано завистью по отношению к человеку, обладающему качествами, которых нет у других (красотой, молодостью, богатством, легкостью в общении). Это также случается, когда молодые дипломированные специалисты занимают пост выше, чем кто-то, кто не обладает таким же образованием.

Сесиль — благородная и красивая сорокапятилетняя дама, замужем за архитектором, мать троих детей. Профессиональные трудности мужа заставили ее искать более высокооплачиваемую работу, чтобы иметь возможность платить за квартиру. Благодаря буржуазному воспитанию она сохранила привычку

шикарно одеваться, хорошие манеры и непринужденность в разговоре. Поскольку у нее не было диплома, она получила невысокую должность. С самого начала коллеги держались от нее на расстоянии, и число мелких неприятных замечаний в ее адрес день ото дня возрастало: «Неужели на твою зарплату ты можешь позволить себе такую одежду?» Приход новой начальницы, черствой и завистливой женщины, усугубил этот процесс. У Сесиль отобрали последние интересные задания, и она стала фактически девочкой на побегушках. Когда Сесиль попыталась протестовать, ей ответили: «У мадам завышенные требования, она не хочет делать простую работу!» Сесиль, и так не очень уверенная в себе, совсем перестала понимать, что происходит. Вначале она пыталась показать свою готовность работать, соглашаясь выполнять самые непривлекательные поручения. Потом почувствовала виноватой себя: «Это моя вина, должно быть, я делала что-то не так!»

Даже в тех редких случаях, когда Сесиль выражала свое недовольство, начальница холодно упрекала ее в том, что у нее просто плохой характер. Тогда Сесиль перестала говорить на эту тему и впала в депрессию. Дома муж не слушал ее жалоб, поскольку его работа приносила куда более скромное жалование. Терапевт Сесиль, которому она рассказала о своей усталости, унынии, отсутствии интереса ко всему, быстро отмахнулся от проблемы, прописав ей успокоительные таблетки (прозак). Впоследствии он удивился неэффективности прописанного лекарства и посоветовал Сесиль обратиться к психиатру.

Личная неприязнь, связанная с частной жизнью каждого из действующих лиц или с конкуренцией, когда один человек пытается поднять себе цену за счет другого, тоже может стать источником агрессии между коллегами.

Вот уже несколько лет у Денизы плохие отношения с одной из ее коллег, которая была любовницей ее бывшего мужа. Эта неприятная ситуация вызвала у нее первую депрессию. Чтобы избежать встреч с той женщиной, Дениза попросила начальство перевести ее на другую должность. Но просьба Денизы не была удовлетворена.

Три года спустя из-за кадровых перемен Дениза перешла в непосредственное подчинение к этой женщине. Та ежедневно ее унижала, высказывала недовольство ее работой, насмехалась над ее ошибками, подвергала сомнению ее умение писать, считать и пользоваться компьютером. В ее присутствии Дениза не осмеливалась защищаться, она только замыкалась в себе, делая все больше ошибок. В конце концов это повредило ее работе. Она попыталась связаться с вышестоящим начальником, чтобы добиться перевода на другую должность. Ей сказали, что все необходимое сделано. Ничего не изменилось.

Подавленная, в тревоге, она взяла больничный. Вне рабочей обстановки ее состояние улучшилось, но, как только Дениза возобновила работу, она снова заболела. Так продолжалось два года: Дениза брала больничный, но вскоре после возвращения на работу снова заболевала. Врач предприятия делал все, что мог, чтобы повлиять на ситуацию, но дирекция ничего не хотела знать. Из-за ее жалоб и частого отсутствия по болезни ее считали «психологически неустойчивой». У нее не было выхода. Из-за частых болезней она могла бы получить инвалидность, но после экспертизы медицинский совет социального обеспечения посчитал, что она в состоянии возобновить работу.

Чтобы не возвращаться в контору, где ей так плохо, Дениза думает об увольнении. Но что ей делать в сорок пять лет без квалификации? У нее появляются мысли о самоубийстве.

Руководители предприятий обычно с трудом улаживают конфликты между коллегами и, как правило, не умеют этого делать. Случается, что поддержка начальника усугубляет процесс: сплетники начинают говорить о фаворитизме или о сексуальной подоплеке!

Чаще всего процесс усугубляется из-за некомпетентности мелких начальников. Действительно, они сильны в профессиональном плане, но не умеют руководить и часто не осознают человеческих проблем, которые возникают в том числе и из-за их манеры управления. Впрочем, если они и знают о существовании проблем, то очень часто пугаются их, потому что не представляют, каким образом можно их разрешить. Подобная некомпетентность — один из факторов, усугубляющих моральное преследование, ибо, когда противоборствующими сторонами являются коллеги, первая помощь должна прийти от непосредственного руководителя коллектива или от высших эшелонов власти. Если в рабочем коллективе не существует доверительного климата, невозможно попросить помощи у своего начальника. Каждый пытается спрятаться за спину другого, а причины этого — некомпетентность, равнодушие или подлость.

Подчиненные — агрессоры своего начальника

Это гораздо более редкий случай. В подобную ситуацию может попасть человек, пришедший со стороны, чей стиль или метод руководства не вызывает одобрения коллектива или который не старается

адаптироваться и добиться признания. На месте такого начальника может также оказаться бывший коллега, который был повышен в должности, причем мнение отдела при этом не было учтено. В любом случае дирекция недостаточно считалась с мнением персонала, с которым этому человеку придется работать.

Проблема усугубляется, если заранее не было установлено четкое разграничение служебных обязанностей и обязанности повышенного в должности человека могут затронуть сферу деятельности одного из подчиненных.

Вначале Мюриель была секретарем-помощником директора большого коллектива. Благодаря упорной работе и вечерним курсам в течение нескольких лет она получила ответственную должность в том же коллективе.

Когда Мюриель заняла свой пост, она немедленно подверглась враждебным нападкам со стороны секретарей, с которыми до этого проработала много лет. Они не доставляли ей почтовую корреспонденцию, теряли документы, подслушивали частные телефонные разговоры, не передавали сообщений... Мюриель пожаловалась руководству, но ей возразили, что раз она не может добиться от секретарей уважения к себе, значит, она не способна занимать руководящий пост. Ей предложили занять менее ответственную должность.

Начальник — агрессор подчиненного

В настоящее время это чрезвычайно распространенная ситуация: служащим дают понять, что они должны быть готовыми на все, чтобы сохранить

работу. Руководство предприятия позволяет сотруднику управлять своими подчиненными извращенным образом, даже устанавливая тиранию: либо это устраивает руководство, либо оно не придает этому значения. Для подчиненных последствия могут быть очень тяжелыми, например:

простое злоупотребление властью: начальник чрезмерно гордится своим высоким положением и изводит подчиненных из боязни потерять контроль над ними. Это прерогатива мелких начальников;

извращенное манипулирование: человеку, желающему возвыситься в собственных глазах или даже просто существовать, необходимо подавить другого человека или уничтожить того, кто был выбран на роль «козла отпущения».

Мы увидим, как, применяя извращенные методы, можно поймать служащего в западню.

Как лишить жертву способности сопротивляться

Страх перед безработицей не может объяснить покорности жертв преследования. Владельцы предприятий и начальники коллективов, стремясь к всемогуществу, сознательно или нет используют в своем прессинге извращенные методы, которые психологически парализуют жертву и лишают ее возможности сопротивляться. Кстати, те же самые методы, благодаря которым жертва попадает в ловушку, использовались в концентрационных лагерях и продолжают использоваться при тоталитарных режимах.

Для сохранения власти и контроля над другим человеком применяются безобидные с виду манипуляции, которые в случае сопротивления со стороны служащего приобретают все более насильственный характер. Для начала у жертвы отнимают способность мыслить критически, и жертва уже не может понять, кто прав, а кто виноват. Человек попадает в стрессовое состояние, его ругают, с него не спускают глаз, следят, как он использует рабочее время, из-за чего он постоянно должен быть настороже, ему не говорят ничего, что могло бы помочь ему разобраться в том, что происходит. Служащий загнан в угол. Он взваливает на себя все больший объем работы и не имеет возможности сказать, что ему не под силу выполнить его. Какой бы ни была отправная точка и кто бы ни являлся агрессором, методы остаются одинаковыми: о проблеме не говорят, а действуют исподтишка, так, чтобы устранить человека, вместо того чтобы найти решение проблемы. Этот процесс развивается в коллективе, который является свидетелем или даже активным участником прессинга.

В дальнейшем моральное преследование на рабочем месте проходит различные этапы, общим пунктом которых является отказ в общении.

Отказ в непосредственном общении

Существование конфликта не признается, но с каждым днём отношение к жертве ухудшается. Агрессор отказывается объяснить свое поведение. Этот отказ парализует жертву, которая не может

защищаться, что способствует продолжению агрессии. Отказываясь признать существование конфликта, обсудить его, агрессор препятствует обсуждению, которое могло бы помочь найти выход из сложившейся ситуации. Извращенный характер общения мешает жертве думать, понимать, сопротивляться.

Уклонение от диалога — это ловкий способ усугубить конфликт, выставив виновным другого человека. Таким образом можно сказать, не произнося ни слова, что другой человек вам не интересен или даже не существует для вас. И поскольку ничего не сказано, все можно поставить в укор.

Ситуация ухудшается, если жертва склонна к самокритике: «Что я ему сделал(а)? В чем он может меня обвинить?»

Когда жертву в чем-то упрекают, то упреки эти расплывчаты или неясны, и, таким образом, становятся возможными любые интерпретации, любые недоразумения. Иногда упреки парадоксальны: «Моя дорогая, я Вас очень ценю, но Вы бездарны!», что позволяет избежать всяких возражений.

Все попытки жертвы объясниться вызывают новые туманные обвинения.

Ущемление чувства достоинства

Агрессия не осуществляется открыто, что могло бы позволить ответить на нее, — она осуществляется скрыто, через невербальное общение: раздраженные вздохи, пожимание плечами, презрительные взгляды или же недомолвки, дестабилизирующие

или недоброжелательные намеки, обидные замечания и т. д. Таким образом можно постепенно заставить служащего сомневаться в своей компетентности, ставя под вопрос все, что он сказал или сделал.

Когда подобные нападки носят косвенный характер, защититься от них трудно. Как описать взгляд, полный ненависти? Как сообщить о намеках, недомолвках? Иногда сама жертва сомневается в своих собственных ощущениях, она не уверена, что не преувеличивает свои чувства. Доходит до того, что человек начинает сомневаться в самом себе. Мало того что подобные речи сеют недоверие к работнику, он теряет веру в себя и отказывается защищаться.

Есть множество приемов, позволяющих ущемить чье-либо чувство собственного достоинства: можно не замечать человека, не здороваться, говорить о нем как о вещи (с неодушевленными предметами не разговаривают!), можно сказать кому-то о жертве в ее присутствии: «Нужно совсем не иметь вкуса, чтобы носить такую одежду!» — или, воспользовавшись ее пятиминутным отсутствием в конторе, положить ей на стол досье с приказом «Напечатать!», вместо того чтобы прямо попросить ее это сделать.

К приемам относится также завуалированная критика под видом шутки, насмешки, саркастических замечаний. Потом можно сказать: «Это просто шутка, еще никто не умирал от шутки!» Речь агрессора носит извращенный характер. Каждое слово скрывает намек, направленный против жертвы.

Дискредитация

Чтобы дискредитировать человека, достаточно посеять сомнение в умах других людей: «Тебе не кажется, что...» Потом можно лживыми речами, недомолвками и намеками привнести недоразумения, чтобы извлечь из них выгоду для себя.

Чтобы одержать победу над жертвой, ее высмеивают, унижают, осыпают саркастическими замечаниями до тех пор, пока она не потеряет веру в себя. Ее награждают нелепым прозвищем, издеваются над недостатками или слабостью. Используются также клевета, ложь, враждебные намеки. Этим добиваются того, что жертва находится в курсе всего, что происходит, но не имеет возможности защищаться.

Подобные манипуляции исходят от завистливых коллег, которые, чтобы выпутаться из затруднительной ситуации, самый легкий выход видят в том, чтобы переложить вину на другого, или от руководителей, которые считают, что стимулируют работников, беспрестанно критикуя и унижая их.

Когда жертва срывается, раздражается или впадает в депрессию, это может послужить оправданием преследования: «Это не удивительно, этот человек не в себе!»

Изоляция

Если кто-либо замысливает психологически уничтожить сотрудника, то для того, чтобы он не мог защититься, сначала изолируют его, для исключения возможных альянсов. Находясь в одиночестве, намного

труднее сопротивляться агрессору, особенно если жертву заставили поверить, что весь мир против нее.

Намеками или демонстративными предпочтениями вызывается зависть, людей настраивают друг против друга, сеется раздор. Таким образом, вся работа по дестабилизации выполнена завистливыми коллегами, а настоящий агрессор может сказать, что он здесь ни при чем.

Когда коллеги объявляют сотруднику бойкот, это значит, что человеку придется обедать в одиночестве, что его не пригласят пить чай и т. д.

Если агрессия исходит от вышестоящего лица, выбранная жертва постепенно лишается любой информации. Ее изолируют, не приглашают на собрания. Она узнает о своих рабочих обязанностях из служебных записок. Затем жертва подвергается полнейшей изоляции, с ней прекращают всяческие отношения. Ей не дают заданий, хотя ее коллеги загружены работой, в то же время жертве не разрешают почитать газету или уйти с работы пораньше.

На одном крупном государственном предприятии произошел такой случай: одного руководящего работника, которого хотели изолировать, разместили в красивом кабинете в отдалении, ему не давали заданий, он ни с кем не мог контактировать, его телефон не был подключен. По прошествии некоторого времени в такой обстановке этот сотрудник покончил жизнь самоубийством.

Полнейшая изоляция больше способствует стрессу, чем перегруженность работой; ее разрушающее действие невероятно сильно. Руководителям удобно применять такую тактику, чтобы заставить уволиться сотрудника, в котором они больше не нуждаются.

Притеснение

Пример притеснения — это когда жертву заставляют выполнять бесполезные или унижительные задания. Так, например, девушке, которая имела степень магистра, пришлось клеивать конверты в тесном и непроветриваемом помещении.

Можно поставить перед сотрудником задачу, которую заведомо невозможно выполнить в реальные сроки, обязать жертву оставаться до позднего вечера и работать по выходным с той только целью, чтобы подготовленный с таким трудом срочный отчет выбросить в мусорную корзину.

Применяется также и физическая агрессия, но не явная — скорее, небрежность, приводящая к несчастным случаям, например, какой-нибудь тяжелый предмет, будто случайно, падает жертве на ноги.

Вынужденные ошибки

Очень ловкий способ ущемить чье-либо чувство собственного достоинства — заставить человека ошибиться, чтобы иметь возможность его критиковать, унижать или понизить его самооценку. С помощью презрительного отношения или провокационных действий нетрудно довести импульсивного человека до агрессивного поведения, вывести его из себя, чтобы все стали тому свидетелями. Потом можно сказать: «Вы видели, этот человек совершенно безумен, он мешает работе всего отдела».

Сексуальное домогательство

Сексуальное домогательство является только продолжением морального преследования. Оно затрагивает людей обоих полов, но большинство описанных в литературе или дошедших до суда случаев касается женщин, подвергшихся агрессии со стороны мужчин, чаще всего начальников.

Речь идет не столько о том, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности, сколько о том, чтобы продемонстрировать свою власть, свое отношение к женщинам, показав, что женщина — вещь, в том числе и в сексуальном плане. Агрессор считает, что женщина, которой он домогается, находится в его распоряжении. Она должна согласиться, должна быть польщена, должна почувствовать себя «избранной», считать, что ее престиж поднялся. Преследователю не приходит в голову, что возжеленная женщина может сказать «нет». Впрочем, если она так поступает, то в ответ испытывает лишь унижения и агрессию. Нередко агрессор говорит, что она с ним кокетничала, была согласна на сексуальный контакт или даже сама просила об этом.

В литературе описаны различные типы преследователей (но общим у них является доминирующая роль мужчины и негативное отношение к женщинам и феминизму) и различные виды сексуального домогательства, такие как¹:

преследование по половому признаку, заключающееся в том, что к женщине относятся иначе,

¹ Fitzgerald, «Sexual Harassment: the Definition and Measurement of a Construct», in M. A. Paludi (ed.), *Ivory Power. Sexual Harassment on Campus*, State University of New York Press, Albany.

потому что она женщина. Агрессор позволяет себе отпускать замечания и совершать действия, затрагивающие вопросы пола;

поведение, типичное для соблазнителя;

сексуальный шантаж (единственный вид шантажа, с которым во Франции успешно борются);

нежелательное сексуальное внимание;

принуждение к сексу;

нападение с целью добиться близости.

С 1976 года американская юридическая система признала сексуальное домогательство половой дискриминацией, во Франции оно считается правонарушением только в том случае, если включает в себя явный шантаж с угрозой увольнения.

Согласно опросу, проведенному в Соединенных Штатах¹, от 25 до 30% студентов университетов заявили, что хотя бы раз были жертвами сексуального домогательства (комментарии сексуального характера, соблазняющие взгляды, неуместные сексуальные прикосновения или замечания) со стороны преподавателей.

Отправная точка преследования

Несмотря на то что на предприятиях редко встречаются извращенные люди, занимающие важный пост, тем не менее большую опасность представляет сила их притяжения и способность вывести другого человека за пределы его собственных возможностей.

¹ MacKinney et Maroules, 1991, cité par G.-F. Pinard, in *Criminalité et psychiatrie*, Ellipses, Paris, 1997.

Борьба за власть законна между соперниками, когда речь идет о соревновании, где каждый может использовать шанс. Бывает, однако, борьба неравная с самого начала. Это борьба с вышестоящим лицом или ситуация, когда агрессор доводит жертву до полного бессилия, в результате чего жертва не в состоянии дать отпор, и агрессор может безнаказанно преследовать ее.

Злоупотребление властью

Совершенно очевидно, что здесь идет речь об агрессии. Наглядный пример: вышестоящий начальник, который подавляет подчиненных своей властью. Чаще всего этот способ используется начальниками невысокого ранга, чтобы выставить себя в выгодном свете. Чтобы компенсировать свою личную слабость, ему необходимо иметь власть, и осуществить это легче, когда его сотрудник, боясь увольнения, не имеет другого выхода, кроме как подчиниться. Мнимая причина — хорошая работа предприятия — оправдывает все: ненормируемый рабочий день, который не обсуждается, сверхурочная работа в случае срочной необходимости, непоследовательные требования.

Однако систематическое давление на подчиненных представляет собой неэффективный и малопродуктивный стиль управления, поскольку стрессовые перегрузки могут привести к профессиональным ошибкам и пропускам по болезни. Счастливые сотрудники работают с большей производительностью. Тем не менее начальники невысокого ранга

или сама дирекция тешат себя иллюзией, что таким образом они добиваются максимальной производительности.

В принципе злоупотребление властью не направлено непосредственно на какого-либо человека. Его цель — раздавить более слабого. На предприятиях злоупотребление властью может иметь вид цепной реакции: от самого главного до мелкого начальника.

Злоупотребление властью руководителями существовало всегда, но в настоящее время оно часто маскируется. Перед своими служащими руководители разглагольствуют о самоуправлении и духе инициативы, но требования послушания и покорности не отменяются. Служащие вынуждены соглашаться; иначе перед ними встает перспектива увольнения и постоянного напоминания об их ответственности, а значит, об их вероятной вине.

Ева проработала год на небольшом семейном предприятии торговым агентом. Ритм работы был очень напряженным, сверхурочные часы никто не считал. Даже когда по выходным проходили выставки, от работников ждали, что в понедельник утром они будут на рабочем месте к восьми часам.

Хозяин — вечно-недовольный тиран. Все должны были беспрекословно повиноваться ему. Если сотрудники были недостаточно усердны, он начинал кричать. Способа защитить себя не было: «Если ты недоволен, ты свободен!» Подобные словесные нападки парализовывали Еву. Каждый раз она чувствовала себя дурно и вынуждена была принимать желудочные и успокоительные средства. Почувствовав сильное истощение, она попыталась восстановить силы, стараясь побольше спать в выходные, но ее сон был беспокойным и почти не помогал.

После одного из очень напряженных в профессиональном плане периодов у нее стали все чаще случаться приступы беспочвенной тревоги, она плакала по пустякам, мало спала, плохо ела. Ее врач выписал ей больничный по причине депрессии. После двух месяцев отдыха она почувствовала себя в состоянии возобновить работу. Когда Ева вернулась к работе, коллеги, которые сомневались в ее болезни, встретили ее прохладно. Она не нашла на месте ни своего письменного стола, ни своего компьютера. Ева попала в атмосферу террора: несправедливые упреки, громкие обвинения, унижительные по сравнению с уровнем ее знаний задания, систематическая критика выполненной работы.

Она не осмеливалась ничего возразить и уходила в туалет, чтобы поплакать. К вечеру снова чувствовала себя истощенной. По утрам, как только приступала к работе, ощущала себя виноватой, даже если не совершила никакой ошибки, потому что все работники предприятия, казалось, специально следили за ней и ждали ее промахов.

Ева описывает свою работу как завод по производству стрессовых ситуаций. Все ее коллеги жалуются на психосоматические симптомы: головную боль, боли в спине, колиты, экзему, но, как испуганные мальчишки, не отваживаются сказать об этом непосредственно хозяину, который в любом случае ничего не изменит.

Через шесть месяцев после болезни Ева получила письменный вызов на предварительную беседу по поводу увольнения. Это произошло как раз после ее однодневного отсутствия из-за плохого самочувствия во время выставки. Письмо послужило толчком к ее действиям. Впервые в жизни она была в ярости, осознала несправедливость и лицемерие хозяина и твердо решила, что просто так этого не оставит. Несмотря на чувство вины («Я спрашивала себя, в какой мере я могла это спровоцировать»), она решила действовать.

Посоветовавшись с консультантом по вопросам труда, который работал в другой организации, она пошла на встречу вместе с ним. Официально предъявленным мотивом увольнения стала потеря доверия в связи с тем, что она часто не являлась на работу без предупреждения. Консультант указал, что в последний раз Ева отсутствовала во время выставки в выходной день, а с хозяином невозможно было связаться. Никакие обвинения, выдвигаемые хозяином, не представляли серьезного мотива для увольнения. Он сказал, что подумает над этим, а уведомление об увольнении он всегда успеет отправить.

Чтобы защита была эффективной, нужно быть уверенным в своих правах. Ева узнала о своих правах. Она узнала также, каких ошибок ей следует избегать. Если бы она пошла на встречу одна, хозяин запугал бы ее, как всегда, после чего снисходительно дал бы ей «последний шанс».

Ева ждала уведомления об увольнении, которое, однако, не приходило. Она продолжала выполнять свою работу с некоторым удовольствием, но стрессовая обстановка настолько влияла на нее, что у нее началась бессонница, она чувствовала себя измученной. С момента встречи с хозяином ее положение стало еще менее комфортным. Каждый день она получала факсы с мелкой критикой. Ее коллеги говорили ей: «Тебе не следовало этого делать, ты разожгла его гнев!» Она должна была оправдываться за все и предусмотрительно делать ксерокопии всей важной корреспонденции. Ей нужно было следить за тем, чтобы не допустить ошибки и не совершить промаха. В обеденный перерыв она уносила с собой свои записи, несмотря на шутки коллег по поводу ее паранойи: «Ты, как школьница, идешь обедать с портфелем!» Некоторые из них швыряли ей досье на письменный стол, не говоря ни слова. Если она возмущалась, ей отвечали: «У тебя проблемы?» Ева старалась быть незаметной, чтобы не вызывать насмешек. Шеф избегал ее и давал ей указания в письменном виде.

Месяц спустя он возобновил процедуру увольнения, потому что, как он сказал, отношение Евы к работе не изменилось. На этот раз, так как было ясно, что у него нет других мотивов, кроме того, что он ее не переносит, консультант потребовал для нее увольнения по собственному желанию. Боясь, как бы Ева не обратилась в третейский суд по решению производственных конфликтов, хозяин подписал соглашение.

После своего ухода Ева узнала, что пятеро ее коллег, трое из которых занимают руководящие должности, тоже собираются увольняться. Впоследствии один уволился, потому что нашел работу лучше, а четверо других уволились без какой-либо выгоды для себя.

Извращенные манипуляции

Когда извращенный человек становится частью коллектива, он стремится собрать вокруг себя наиболее послушных его членов, соблазняя их различными выгодами. Если кто-либо не позволяет себя завербовать, коллектив его отвергает, и человек становится «козлом отпущения». Так, между членами коллектива создается социальная связь, которая заключается в совместной критике изолированного человека, с использованием для этого сплетен и пересудов. В таком случае коллектив подпадает под влияние извращенного человека, подыгрывая его эгоизму и отсутствию уважения к людям. При этом люди не изменяют своим моральным принципам, но, находясь в зависимости от человека, не испытывающего никаких угрызений совести, теряют способность мыслить здраво.

Стэнли Милгрэм, американский психосоциолог, с 1950 по 1963 год изучал феномен повиновения власти¹. Его метод заключается в следующем: «Человек приходит в психологическую лабораторию, где его просят совершить ряд поступков, которые постепенно вызывают у него чувство стыда. Цель метода — определить конкретный предел, до которого человек будет следовать инструкциям экспериментатора, когда он откажется выполнять четкие инструкции». В заключение автор приходит к мысли, что «обычные люди, лишённые всякой враждебности, могут, просто выполняя данное им задание, стать участниками страшного разрушительного процесса». Этот вывод делает и Кристоф Дежур², который говорит о социальной банализации зла. Действительно, есть люди, нуждающиеся в высшей власти, чтобы достичь некоторого психологического равновесия. Извращенные люди используют чужую покорность для извлечения выгоды и с помощью этой покорности причиняют страдания другим людям.

Цель извращенного человека — приход к власти и ее сохранение любыми средствами или же маскировка собственной некомпетентности. Для этого ему необходимо избавиться от того, кто мог бы явиться препятствием для его возвышения или слишком ясно видел бы способы, с помощью которых оно достигается. При этом недостаточно только напасть на слабого, как это бывает в случаях злоупотребления властью, но необходимо выявить или даже искусственно создать те слабые места, которые помешают защищаться и другому.

¹ S. Milgram, *Soumission à l'autorité*, trad. fr., Calmann-Lévy, Paris, 1974.

² C. Dejours, *Souffrance en France*, Seuil, Paris, 1998.

Страх делает поведение выбранного человека, а также его коллег, которые предпочитают не вмешиваться, послушным и даже покорным. Устанавливается царство индивидуализма, в котором действует закон «каждый за себя». Окружающие боятся, что, если они продемонстрируют свою солидарность с жертвой, их тоже заклеят и они окажутся следующими кандидатами на увольнение. («На работе не следует мутить воду», «Нужно вести себя так, как принято в данном учреждении, не слишком отличаться от других».)

В американском фильме Джорджа Хуанга «В одной воде с акулами» (1995) показываются все унижения и нравственные мучения, которые эгоцентричный и жестокий хозяин заставляет испытать амбициозного работника, готового на все, лишь бы добиться успеха. Мы видим, как хозяин оскорбляет персонал, лжет без угрызений совести, отдает непоследовательные приказы, заставляет служащего днем и ночью быть в распоряжении шефа, меняет правила, чтобы тот постоянно был начеку. Персонал предупрежден: «Бить ниже пояса можно и нужно!» При этом хозяин кокетничает с новым служащим и соблазняет его повышением по службе: «Доставь мне удовольствие. Заткнись, слушай и записывай. У тебя нет мозгов. С твоим личным мнением никто не считается. Никому не интересно, что ты думаешь. Никому не интересно, что ты чувствуешь. Ты в моем распоряжении. Ты здесь, чтобы защищать мои интересы и соответствовать моим потребностям... Я не хочу тебя мучить. Я хочу тебе помочь, и если ты будешь хорошо выполнять свою работу, слушать и записывать, тогда будешь иметь все что хочешь».

Плохая организация производства, несовершенная структура предприятия, состояние упадка организации — все это облегчает деятельность извращенного человека. Ему достаточно лишь найти брешь, которую он углубит, чтобы утолить свою жажду власти.

Методы остаются все теми же, агрессор использует слабое место другого человека и заставляет его сомневаться в самом себе, что позволяет избежать сопротивления с его стороны. Подвергаясь воздействию незаметных приемов, ущемляющих чувство собственного достоинства, жертва постепенно теряет веру в себя, а иногда запутывается настолько, что в итоге находит оправдание своему агрессору: «Я ничтожество, у меня ничего не получается, я никогда не могу показать себя!» Таким образом, разрушение происходит настолько изощренно, что жертва винит во всем себя.

Мириам — дизайнер в одной стремительно развивающейся рекламной фирме. В принципе она единственный автор своих произведений, но все ее работы согласовываются с директором, который является непосредственным представителем генерального директора. Мириам ответственно относится к своему труду. Она вкладывает в него всю душу, работает даже по выходным и по ночам, за что ей дополнительно не платят. Но когда она слишком явно показала свою самостоятельность, заинтересовавшись дальнейшей судьбой своих проектов, ей тут же указали на ее место.

Когда она представляет какой-либо проект, директор, который даже не является дизайнером, берет то, что она сделала, и изменяет все по своему желанию, даже не ставя ее в известность. Если она требует объяснений, он беззастенчиво, с широкой улыбкой отвечает ей: «Но послушай, Мириам, это же не

имеет никакого значения!» Мириам чувствует, что в ней просыпается гнев, который она редко может выплеснуть: «Я работала над этим проектом три дня, а он за несколько секунд все стер, даже не потрудившись мне объяснить причину. Он хочет, чтоб я с удовольствием работала на тех, кто ни во что не ставит мой труд!»

Она не имеет возможности поговорить об этом. Все эмоции остаются невысказанными. В присутствии директора никто из работников не может сказать то, что думает, все боятся разозлить начальника. Единственный выход — это постоянно избегать его. В коллективе воцарилась атмосфера недоверия. Каждый спрашивает себя, во что все это выльется. С помощью насмешек начальник делает сотрудников такими, какими хочет их видеть. Когда он приходит, обстановка сразу становится напряженной, как будто сотрудников застigli на месте преступления. Большинство работников примирились с наличием цензуры, чтобы избежать неприятностей.

Из-за большого объема работы директор согласился, чтобы Мириам наняла помощника, и сразу же постарался сделать их соперниками. Когда Мириам говорит, что она думает о том или ином проекте, над которым работает, директор не слушает ее и, пожимая плечами, поворачивается к помощнику: «У Вас то, несомненно, есть идея получше?»

Он требует от Мириам, чтобы она выполняла все больший объем работы, причем в более короткие сроки. Если он просит сделать что-либо, не входящее в ее компетенцию, и она отказывается, потому что имеет высокое мнение о своем творческом потенциале, он стыдит ее и говорит, что с ней трудно иметь дело. В итоге она соглашается.

Когда она пытается как-то сопротивляться, это вызывает стресс, в результате которого Мириам испытывает боли в животе с самого утра. На работе она задыхается и чувствует себя как в могиле.

Директор Мириам хочет все держать под своим контролем. Он не желает делиться властью. Он завидует Мириам и не прочь присвоить себе ее произведения. Такой метод управления делает начальника всемогущим: Некоторые люди приспособляются к своему «детскому» положению; конфликты между коллегами в этом случае становятся ссорами между братьями и сестрами. Мириам сопротивляется, но не осмеливается идти до конца, потому что боится потерять работу. Тем не менее такая ситуация ее беспокоит и обескураживает: «Я понимаю, как можно довести человека до убийства, я бессильна, но я чувствую жуткую ярость внутри!»

Если некоторые работодатели относятся к своим работникам как к несмышленным детям, то другие считают их своей «вещью», которую можно использовать бесплатно. Если речь идет, как в данном случае, о творчестве, происходит еще более явное посягательство на личность. В человеке убивают все: новаторский дух, любую инициативу. Тем не менее если сотрудник незаменим, то, чтобы он не ушел, нужно парализовать его волю, внушить, что в другом месте он не сможет работать. Нужно заставить его думать, что он не достоин большего, чем то положение, которое он занимает на предприятии. Если же сотрудник сопротивляется, его изолируют. При встрече с ним не здороваются, не смотрят на него, игнорируют его предложения, отказываются с ним общаться. Потом начинаются обидные и оскорбительные замечания, а если и этого недостаточно, применяется насилие.

Когда жертва сопротивляется и пытается бунтовать, скрытое недоброжелательство сменяется явной враждебностью. Тогда начинается стадия морального

разрушения — психотеррор. Для того чтобы уничтожить определенного человека, хороши все средства, включая физическое насилие. Это может довести до психической гибели личности или доводит жертву до самоубийства. Применяя насилие, агрессор, который хочет только уничтожения жертвы, забывает уже об интересах предприятия.

Целью извращенных действий является власть, а особое удовольствие агрессор получает от возможности использовать другого человека как вещь, как марионетку. Агрессор доводит человека до состояния бессилия, чтобы затем безнаказанно его уничтожить. Чтобы достичь желаемого, он, не колеблясь, использует все средства, особенно если это делается во вред другим. Возвышение в собственных глазах за счет другого человека агрессор считает вполне законным. У него нет никакого уважения к другим людям. Поражает безграничная злоба по пустяковым причинам, полное отсутствие сострадания к людям, доведенным до отчаянного положения. Человек, применяющий насилие по отношению к другому человеку, считает, что последний этого заслуживает и не имеет права жаловаться. Жертва является только бездушной вещью, которая мешает агрессору жить. Ей отказывают в праве на какие-либо чувства и эмоции.

Жертва остается одна перед лицом агрессии, причин которой она не понимает, так как все извращенные ситуации сопровождаются подлостью и пособничеством окружающих, которые боятся, в свою очередь, стать мишенью, а иногда и получают садистское удовольствие от зрелища подобного разрушения личности.

Если отношения в коллективе нормальные, то в случае возникновения конфликта всегда можно положить конец всесилию другого человека, чтобы установить равновесие сил. Но извращенный манипулятор не переносит никаких посягательств на свою власть, в этом случае конфликтные отношения трансформируются в ненависть настолько сильную, что у агрессора рождается желание уничтожить своего партнера.

Люси проработала десять лет коммерческим агентом на небольшом семейном предприятии. Она очень привязана к своей работе, потому что в свое время участвовала в создании этого предприятия. Вначале находить клиентов было чрезвычайно трудно. Хозяин фирмы был доброжелательным, снисходительным, практически безупречным, но как только предприятие стало стремительно развиваться, он превратился в тирана и деспота. Приходя на работу, он не здоровался, отдавал приказы работникам, не глядя на них, требовал, чтобы двери кабинетов оставались открытыми, давал указания за пять минут до собраний и т. д. Все эти мелкие детали изматывали людей, так как вынуждали их постоянно быть настороже. Чтобы было легче властвовать, хозяин поддерживал сплетни, конфликты, льстил наиболее послушным и чинил препятствия тем, кто ему сопротивлялся. Чтобы как-то противостоять тому, что Люси квалифицировала как захват власти, она старалась держаться в стороне, что расценивалось как мятеж.

Все вышло из-под контроля, когда начальник нанял еще одного коммерческого агента. К новенькой хозяин отнесся с очевидной всем благосклонностью, и она сразу заняла высокое положение.

Однако новая сотрудница заподозрила в этой явной несправедливости желание обольстить ее, сама стала недоверчивой

и предпочла уйти с работы. Шеф убедил ее вернуться и сообщил всем, что эта неразбериха возникла из-за ревности Люси.

Начальник считал, что, если две женщины станут соперницами и погрязнут в ссорах, ему будет легче держать обеих под контролем.

Начиная с этого момента Люси оказалась в изоляции. У нее не было доступа к информации. Ее работа больше никого не удовлетворяла, всегда что-то оказывалось не так. Распространилось мнение, что она некомпетентна. Хотя Люси и знала, что является хорошим коммерческим агентом, в конце концов она и сама начала сомневаться в своих способностях. Она стала нервной, перестала понимать, что происходит, но старалась не показывать этого, так как чувствовала, что это может быть использовано против нее. Другие работники держались на расстоянии, так как те, кто хорошо с ней ладил, сразу же подвергались осуждению.

Как многие жертвы морального преследования, Люси слишком поздно начала сопротивляться. Подсознательно она относилась к начальнику как к отцу.

Когда Люси услышала от него оскорбительные выкрики в ее адрес в присутствии коллеги, она потребовала объяснений:

- Вы меня оскорбили, в чем моя вина?
- Я не боюсь ничего и никого. Уходите.
- Я не уйду, пока вы не скажете мне, в чем меня упрекаете.

Тогда хозяин потерял самообладание. В ярости он опрокинул ее письменный стол и сломал все, что было рядом с ним: «Вы бездарность, с меня хватит вашей дерзости!»

Не осознавая того, что Люси не уступит, хозяин применил террор. Он поменялся с ней ролями и выставил себя жертвой агрессивного работника.

Люси долгое время считала, что находится под покровительством своего начальника, не могла понять презрения

и ненависти, которые она увидела в его глазах. Но физическое насилие послужило толчком. Она решила предъявить жалобу. Ее коллеги пытались отговорить ее: «Опомнись, у тебя будут неприятности. В конце концов он успокоится!» Она решила твердо стоять на своем и позвонила своему адвокату, чтобы узнать, как ей действовать. В слезах и вся дрожа она пришла в полицию со своей жалобой. Потом она пошла к врачу, который выдал ей больничный на неделю (временная нетрудоспособность, что по юридическим понятиям равносильно приостановке трудовой деятельности). Вечером она зашла в контору за своей сумкой.

Подать жалобу — это единственный способ положить конец психическому террору. Чтобы на это решиться, нужно быть действительно очень смелым или ситуация должна быть совсем невыносимой, ведь такой поступок означает окончательный разрыв с предприятием. Кроме того, неизвестно, будет ли принята жалоба и в чью пользу завершится начатый процесс.

Если руководство потворствует агрессии

Агрессия возможна только в том случае, если предприятие закрывает на нее глаза или поощряет ее. Иногда руководство предпринимает авторитарные меры, если работник некомпетентен или труд его недостаточно производителен, но, как правило, не умеет сдерживать сотрудника, неуважительно или плохо относящегося к своему коллеге. Руководитель «соблюдает» личное пространство сотрудников, не

вмешивается, считая, что они достаточно взрослые люди, чтобы самостоятельно разобраться в своих отношениях, но при этом не уважает человека как такового.

Если атмосфера на предприятии способствует извращенным отношениям, она порождает соперничество между людьми, которые, сами не являясь извращенными, в данной ситуации теряют ориентиры и поддаются влиянию. Они больше не считают оскорбительный для сотрудника психологический террор чем-то из ряда вон выходящим. Неизвестно, где проходит граница между здоровой критикой с целью сподвигнуть сотрудника лучше работать и моральным преследованием. Граница соответствует рамкам уважительного отношения к другому человеку, но при соперничестве все принципы, записанные в Декларации о правах человека, иногда забываются.

Угроза безработицы позволяет превратить высокомерие и цинизм в метод управления. В системе ожесточенной конкуренции равнодушие и жесткость становятся правилами поведения. Соперничество, какими бы ни были используемые средства, считается полезным, а проигравшие оказываются за бортом. Люди, опасаящиеся прямого противостояния, для достижения власти используют косвенные средства воздействия. Они манипулируют другими незаметно и жестоко, чтобы добиться их покорности. Так они самоутверждаются за счет других.

В такой обстановке человек, жаждущий власти, может воспользоваться всеобщим замешательством, чтобы безнаказанно уничтожить своих потенциальных соперников. Человек, не контролируемый

руководством, может в одиночку безнаказанно манипулировать другими людьми и уничтожать их, чтобы завоевать или сохранить власть.

Некоторые особенности предприятия могут облегчить процесс морального преследования.

Ни один из специалистов не станет оспаривать, что в коллективах, работающих под давлением, конфликты рождаются легче. Новые формы работы, целью которых является увеличение производительности предприятий, без принятия во внимание человеческого фактора, порождают стрессы и создают благоприятные условия для проявления извращенности.

Вначале стресс является физиологическим явлением: это адаптация организма к какой-либо агрессии. У животных это инстинкт выживания. Перед лицом агрессии у них есть выбор: убежать или сражаться. У работника такого выбора нет. Реакция его организма, как и организма животного, имеет три последовательные фазы: тревога, сопротивление и затем потеря сил, но это физиологическое явление стресса потеряло свое первоначальное значение подготовки к социальной и психологической адаптации. От рабочих требуют чрезмерной или срочной работы или выполнения сразу нескольких функций. Врачи из Бурга-на-Брессе в своем отчете за 1996 год проанализировали последствия экономического принуждения рабочих на скотобойне. Вот что они пишут: «Экономическое принуждение действительно существует, что оказывает сильное давление на этот сектор деятельности. Но при ближайшем рассмотрении было установлено, что на некоторых скотобойнях существует чрезмерное

по сравнению с „обычным” принуждение, выражающееся в постоянном ускорении ритма труда, сверхурочном и нетипичном графике работы и все более значительной демонстрации неуважения к работникам».

Во Франции все еще мало принимается во внимание стресс, полученный на работе, равно как и стоимость ликвидации его последствий для здоровья. Стресс не признается ни профессиональным заболеванием, ни прямой причиной для отсутствия человека на работе по болезни, тем не менее врачи на производстве и психиатры констатируют рост психосоматических расстройств, злоупотребления алкоголем или психотропными веществами, связанных с чрезмерной трудовой нагрузкой.

Дезорганизация какого-либо предприятия всегда порождает стресс, причиной которого может стать неопределенность обязанностей (неизвестно, какие обязанности кем выполняются, кто несет ответственность за них), нестабильность организационного климата (кого-то назначают на пост, и неизвестно, сохранится ли он за этим человеком) или же отсутствие согласования (решения приняты без согласия заинтересованных лиц). Неуклюжая, слишком сложная иерархическая структура некоторых административных органов или предприятий позволяет некоторым жаждущим власти индивидуумам безнаказанно преследовать других людей.

Некоторые предприятия попросту выжимают все соки из своих сотрудников. Они задевают чувствительные струны, используют персонал, предъявляя ему все более высокие требования, заставляя сотрудников показывать себя во всем блеске. Когда

изнуренный работник уже не может работать с прежней производительностью, предприятие бездушно от него избавляется. В производственной сфере случаи манипуляции чрезвычайно часты. Чувства обычно не играют важной роли, но, тем не менее, нередко бывает, что для повышения мотивации персонала руководство предприятия устанавливает со своими сотрудниками отношения, выходящие за рамки отношений, определенных контрактом. В системе, которую социологи Николь Обер и Винсент де Гольжак квалифицируют как «менеджерскую», от работников требуют отдаваться работе телом и душой, превращая их таким образом в «золотых рабов». С одной стороны, от них требуют слишком многого, что влечет за собой стресс, с другой стороны, из-за своих личностных качеств они не получают должного признания. Служащие становятся разменными пешками. Впрочем, на некоторых предприятиях делают так, чтобы служащие не занимали долгое время одну и ту же должность, иначе они могут стать слишком компетентными. Работников держат в неведении и зависимости. Оригинальность мышления и личная инициатива мешают руководству. Служащим не позволяют брать на себя ответственность, не дают им повысить квалификацию, лишая людей мотивации и желания какой-либо активности.

К служащим относятся как к недисциплинированным школьникам. Если они смеются или расслаблены, их тут же призывают к порядку. Иногда от людей требуют критиковать самих себя на еженедельных собраниях трудового коллектива, практикуя тем самым публичное унижение.

Этот процесс усугубляется тем, что в настоящий момент многие из сотрудников являются работниками с неполной занятостью, а их уровень образования не ниже, а то и выше уровня образования их начальника. В этом случае начальнику ничего не остается, кроме как усиливать давление до тех пор, пока положение работника не станет невыносимым или он не совершит ошибку. Экономическое давление позволяет предъявлять рабочим все большие требования, не обращая внимания на их нужды. Происходит обесценивание личности и трудовых навыков работника. Человека не принимают в расчет; его достоинство, страдания, сама жизнь почти ничего не значат.

Перед лицом такого овеществления, такой роботизации людей, большинство работников акционерных компаний чувствуют, что их положение слишком шаткое, и поэтому не осмеливаются выразить свой протест, мирятся со сложившейся ситуацией и ждут лучших дней. Когда служащий впадает в стрессовое состояние, сопровождающееся бессонницей, усталостью, раздражительностью, он редко уходит в отпуск по болезни, который ему предлагает врач, потому что боится быть наказанным, вернувшись на работу.

Существует несколько способов избавиться от неудобного работника, даже если его не в чем упрекнуть:

реструктуризация отдела влечет за собой упразднение его должности: в этом случае его можно уволить по сокращению штата;

дать трудное задание и постараться обнаружить слабые места, чтобы иметь возможность уволить за допущенную ошибку;

преследовать морально, чтобы сломать психику человека и довести его до такого состояния, что он уволится по собственному желанию.

Моральное преследование может проявиться, хоть и неосознанно, в тот момент, когда состояние работника уже ослаблено факторами, не связанными с работой. Если случается так, что личные неприятности (например, развод) повлияли на работоспособность служащего, и создается впечатление, что он уже не так ценен для предприятия, его по поводу и без повода начинают упрекать за то, что раньше не вызывало никакого недовольства. То, что ему прощалось, теперь не прощается, потому что чувствуется — человек потерял бдительность. Инициаторы морального преследования уверены в своей правоте и в том, что этот человек действительно некомпетентен.

Использование чужой слабости — обычный прием, применяемый и даже одобряемый в деловых или политических сферах. Люди кичатся тем, что могут добиться успеха в мире акул.

Оливье — старший партнер в крупном консалтинговом учреждении. С момента создания учреждение сильно расширилось, и недавно на работу поступили молодые выпускники, надеющиеся сделать быструю карьеру. Другой старший партнер, Франсуа, его старый друг, часто проворачивал разные аферы. Оливье не вмешивался в его дела, хотя не одобрял поступков друга, поскольку не хотел подрывать их партнерство, которое, по его мнению, являлось залогом успеха.

Однажды Оливье узнал, что среди сотрудников прошел слух, будто кто-то плетет вокруг него интриги и у него могут возникнуть проблемы с недовольными работниками из-за конфликта, зачинщиком которого является Франсуа. Он спросил об этом

Франсуа, который со злостью ответил ему: «Если у тебя проблемы, значит, так оно и есть, мне об этом ничего не известно!»

Оливье всегда знал, что этот человек никого не уважает. Он использует других, чтобы утвердить свою власть, и разжигает конфликты между младшими партнерами, чтобы укрепить свои позиции.

В офисе царил нездоровая атмосфера интриг. Один молодой сотрудник предпочел уволиться, поняв, что в случае возникновения проблем крайними окажутся недавно поступившие на работу сотрудники.

Чтобы выбить почву из-под ног Оливье, Франсуа начал прятать документы или доверять их сотрудникам, которые попали под его влияние. Вначале Оливье слабо сопротивлялся. Он не мог поверить, что его старый университетский друг мог так с ним поступить. Именно в университете, где они учились вместе с Франсуа, Оливье, собственно, и узнал о методах авторитарного менеджмента.

Оливье начал сопротивляться и применять защитную стратегию, только когда узнал, что Франсуа снимает деньги с их общего счета, не ставя его в известность.

Если руководство поощряет методы извращенного манипулирования

Предприятие само может превратиться в извращенную систему, если, добиваясь своего, руководство готово на все, в том числе и на разрушение личности, если в обиход вводится правило «цель оправдывает средства». В этом случае обман способствует установлению извращенного манипулирования с помощью механизмов морального воздействия уже на уровне организации труда.

В конкурентной экономической системе многочисленные руководители больше не противостоят друг другу, а лишь придерживаются разрушительной защитной системы, отказываются принимать в расчет человеческий фактор, избегая ответственности и управляя с помощью обмана и лжи. В этом случае извращенное поведение какого-либо человека может сознательно использоваться предприятием в надежде получить от этого рост производительности. Именно такая ситуация сложилась на фабрике «Марифло», небольшом предприятии по производству готовой одежды в Морбиане.

На этой фабрике весь персонал, за исключением генерального директора, составляют женщины. Ради повышения производительности генеральный директор пренебрегает нуждами сотрудниц, унижает и обижает их. Его методы таковы: он морально преследует тружениц, чтобы повысить темп работы, прибегает к оскорблениям, регламентирует время пауз, — и все это при пособничестве одной из руководящих сотрудниц фабрики, которая знает о его методах, но не находит в них ничего предосудительного.

В конце концов работницы объявили забастовку, но даже до начала конфликта, который длился полгода, передача «Стрип-Тиз» сняла фильм о методах руководства на фабрике, в центре внимания которого был именно генеральный директор. Тем не менее, даже зная о выходе этой программы, он не изменил своих методов, так как был убежден в их законности и не сомневался в их правильности. Девятого января 1997 года началась забастовка: 85 из 108 работниц собрались у фабрики, чтобы потребовать

отставки директора. В конце концов они ее добились, но 64 работницы были уволены. Директор, чьи методы осудили средства массовой информации, тем не менее быстро нашел должность на фабрике, в два раза более крупной, чем фабрика «Марифло».

Власть — это страшное оружие, когда она находится в руках извращенного человека (или системы).

Клеманс — молодая красивая женщина, выпускница коммерческого училища, с отличием закончила высшую школу маркетинга. По окончании обучения она нашла только временную работу, потом вновь стала безработной. Понятно, что она испытала большое облегчение, когда поступила на должность менеджера по маркетингу и связям с общественностью в быстро развивающуюся компанию, где раньше эти обязанности выполнял генеральный директор. Она оказалась единственной женщиной среди руководящих работников. Сначала она находилась в подчинении у одного из партнеров, который вскоре оставил свой пост, потом исполняла прямые распоряжения президента компании.

Начиная с этого момента президент стал очень грубо обращаться с Клеманс: «Ты ни черта не делаешь!», «Такое ощущение, что ты ничего не понимаешь в маркетинге!». С ней никогда еще не обращались подобным образом, но она не осмеливалась ничего сказать, поскольку боялась потерять работу, которая несмотря ни на что ей нравилась.

Когда она вносила какие-либо предложения, он присваивал их авторство себе, а потом делал ей замечание, что она ни на что не годна, поскольку не проявляет никакой инициативы. Если она возражала, он раздражался: «Заткнись и делай, что тебе говорят!». Он никогда прямо не просил Клеманс сделать что-либо. Он швырял ей на письменный стол

документы с короткой запиской, объясняющей, что ей надо сделать. Ни разу он не похвалил ее за хорошо сделанную работу и не ободрил.

Коммерческие агенты предприятия, в большинстве своем мужчины, подражая директору, в свою очередь стали плохо говорить о Клеманс и избегать ее. Поскольку рабочие места сотрудников компании не отгорожены, все шпионили друг за другом. Защитить себя в такой обстановке намного трудней.

Однажды она отважилась обсудить сложившуюся ситуацию с президентом. Он ничего не ответил, даже не посмотрел в ее сторону, как будто не слышал. Когда она стала настаивать, то услышала в ответ: «Я не понимаю!»

Несмотря на то что в ее обязанности входили прежде всего связи с общественностью, ей запретили отвлекать сотрудников разговорами. Единственным способом общения с ними оставалась электронная почта.

В этой компании доступ к телефонам и компьютерам осуществлялся через коды. Возвратившись на работу после болезни, Клеманс обнаружила, что все ее коды изменены, и была вынуждена ждать, пока секретарша, приближенная к президенту компании, соизволила предоставить ей доступ. Клеманс начала протестовать:

— Раз уж ты пользовалась моей почтой, могла бы все оставить как было!

— Не делай из меня дурочку, не знаю, что ты о себе воображаешь, но все знают, что у тебя паранойя!

Позже Клеманс узнала, что эта же секретарша по приказу президента прерывала все важные для Клеманс телефонные звонки. После этого она стала общаться с секретаршей по электронной почте, а копии писем отсылала президенту. Намеренно игнорируя Клеманс, президент постарался успокоить секретаршу, которая выразила ему свое беспокойство по поводу того, что отвлекает его.

Мало-помалу Клеманс потеряла веру в себя. Она начала сомневаться в правильности своего поведения («Что я такого сделала, что они со мной так обращаются?») и даже в своей профессиональной компетенции. Стала плохо спать, бояться утра понедельников, когда нужно снова идти на работу. У нее началась мигрень, она внезапно начинала плакать, когда рассказывала вечером мужу о прошедшем дне: Клеманс утратила свою увлеченность, не хотела выходить из дома, видеться с друзьями.

Руководители предприятий снисходительно относятся к тому, что некоторые люди злоупотребляют своим положением, пока это приносит прибыль и не порождает сильного возмущения со стороны других сотрудников. Хотя работа может способствовать раскрытию лучших качеств человека, она часто только уничтожает их.

В фильме Барри Левинсона «Разоблачение» показано, как предприятие способствует осуществлению попытки одного человека уничтожить индивидуальность другого. Действие происходит на одном из предприятий Сиэтла, специализирующемся на производстве электронных микросхем. В результате слияния этого предприятия с другой фирмой, производящей программное обеспечение, должен быть назначен новый начальник. Мередит, которую играет Деми Мур, обходит в борьбе за это место Тома (Майкл Дуглас), у которого, однако, больше опыта, профессионализма и компетентности для данной должности. Можно было бы подумать, что она будет тихо наслаждаться своей победой... Во все нет, ей нужна голова соперника, она завидует счастью других. Том, здравомыслящий человек;

счастливо живет со своей женой и двумя очаровательными детьми. Мередит, которая когда-то была его любовницей, не может смириться с тем, что Том счастлив. Она решает уничтожить его, используя в качестве орудия секс. Она заигрывает с ним, он ее отвергает. Из мести она обвиняет его в сексуальных домогательствах. Сексуальная агрессия в данном случае является просто средством унижить другого человека, дает возможность относиться к нему как к вещи, чтобы в конце концов уничтожить его. Если сексуального унижения недостаточно, найдутся другие способы уничтожения жертвы.

В этом фильме показана борьба за власть, которая характерна для агрессивного, самовлюбленного, извращенного человека, которому также присуще желание присвоить себе счастье другого человека, а если это невозможно, то разрушить его. Для достижения цели агрессор использует слабости другого человека, а если их недостаточно — создает новые.

Неважно, что является отправной точкой — конфликт между работниками или плохая организация управления, — само предприятие обязано изменить эту ситуацию, поскольку если возникает моральное преследование, значит, руководство предприятия допустило его. В процессе прессинга всегда существует момент, когда руководство могло бы вмешаться и найти выход из положения. Но, несмотря на появление в штате ответственных за человеческие ресурсы, предприятия, за некоторым исключением, редко принимают в расчет человеческий фактор и еще меньше психологический аспект производственных отношений.

Нельзя отрицать экономические последствия морального преследования для предприятия. Ухудшение рабочего климата влечет значительное снижение производительности трудового коллектива. Развитие конфликта становится главной заботой агрессоров и жертв (а иногда даже и очевидцев), которые больше не сконцентрированы на своих обязанностях. В этом случае потери предприятия могут иметь значительные размеры: с одной стороны, из-за ухудшения качества труда; а с другой стороны — из-за увеличения стоимости продукции в результате прогулов.

Впрочем, может произойти и так, что это явление будет иметь обратное направление. В этом случае предприятие становится жертвой людей, которые им управляют. Эти хищники, чьей единственной заботой является попытка удержаться в выгодной для них системе, пьют кровь предприятия.

В результате преследования всегда возникает конфликт. Остается узнать, является ли он следствием причастных лиц, или заложен уже в самой структуре предприятия. Не все конфликты порождаются насилием. Чтобы возник конфликт, необходимо совпадение нескольких факторов: обезличивание производственных отношений, сильная власть на предприятии, терпимость или потворство по отношению к извращенному индивидууму.

На рабочих местах именно лица, принимающие решения (руководители предприятия, ответственные работники, мастера), должны вместе сделать выбор и бороться с моральным преследованием, отказаться от него, следить, чтобы личность человека уважали на любом уровне. Даже если ни один

закон не регламентирует моральное преследование, они должны культивировать уважение к другим людям и исключить расизм и сексизм на территории предприятия. Профсоюзы, чьей обязанностью является защита рабочих, должны поставить своей целью эффективную защиту от морального преследования и прочих посягательств на личность и достоинство человека.

Не следует относиться к моральному прессингу как к обыденному явлению, считая его неизбежным в нашем обществе. Оно не является следствием современного экономического кризиса, это просто издержки чрезмерного организационного либерализма.

Глава 2

Главные действующие лица извращенных отношений

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

...the ...

Извращенное обольщение

Из описанных выше клинических случаев видно, что отношения при моральном преследовании проходят в своем развитии две стадии: первая — извращенное обольщение, вторая — открытое насилие.

Первая стадия, которую психоаналитик П. К. Ракамье назвал «дементализация», может длиться несколько лет. Она создается постепенно в течение первого периода отношений с помощью обольщения. Это подготовительная стадия, в течение которой агрессор дестабилизирует жертву, постепенно добиваясь потери ею веры в себя.

Вначале необходимо обольстить жертву, потом заставить ее попасть под свое влияние, чтобы, наконец, подчинить, отняв у нее при этом все остатки свободы.

Цель обольщения заключается в том, чтобы заманить жертву и лишить ее возможности сопротивляться; в юридических терминах это звучит так: подкупить и развратить жертву. Обольститель отвлекает жертву от реальности, действуя внезапно,

исподтишка. Он никогда не действует открыто, а всегда окольными путями, чтобы угадать желание другого человека, того, кто им восхищается, кто способствует поднятию его самооценки. Извращенное обольщение использует защитные инстинкты другого человека. Причиной подобного обольщения является самовлюбленность агрессора: нужно заставить жертву восхищаться только им, производить на него благоприятное впечатление. Используя одностороннее обольщение, самовлюбленный извращенный человек добивается, чтобы им восхищались без притязаний на какие-либо отношения с ним. Согласно Ж. Бодрияру, обольщение избегает действительности и манипулирует видимостью. Это не энергетическое воздействие, обольщение скорее относится к разряду знаков и ритуалов и их пагубного использования. Самовлюбленное обольщение вносит неясность, стирает четкое представление об обольстителе и жертве. Это происходит не в рамках союзничества — как, например, в любовном идеализировании, где для того, чтобы сохранить страстные чувства, человек отказывается видеть недостатки или слабости партнера, — а в рамках ассимиляции с другим человеком с целью его уничтожения. Присутствие этого человека воспринимается как *угроза*, а не как гармоничное дополнение собственного существования.

Цель такого поведения очевидна: надо заставить кого-либо думать, принимать решения или вести себя иначе, чем в обычных условиях. Человек, подвергающийся влиянию, априори не может добровольно согласиться с таким положением вещей. Действие механизма подобного влияния рассчита-

но на ранимость и уязвимость жертвы, и осуществляется оно главным образом с помощью обольщения и манипулирования. Как и при любом манипулировании, первый этап заключается в том, чтобы заставить партнера поверить в то, что он свободен, хотя истинной целью такого незаметного воздействия является как раз лишение его воли. Здесь речь идет не о противостоянии на равных, а о *навязывании* своей воли. Агрессор не дает другому человеку осознать этот процесс, не позволяя оспорить его действия или сопротивляться ему. Жертву лишают способности защитить себя, испытывать критические чувства, сводя к нулю возможность бунта. Сюда можно отнести все ситуации, когда человек, оставаясь в неведении, подвергается чрезмерному влиянию другой личности, злоупотребляющей этим влиянием. В обыденной жизни мы постоянно подвергаемся манипулированию, дестабилизирующему влиянию, привнесенной сумятице. Каждый раз мы злимся на тех, кто обманул наши чувства, но особенно нам стыдно за самих себя. В этом случае речь идет не о материальном ущербе, а об ущербе моральном.

Подчинение — это признание чьего-либо интеллектуального или морального господства в неравноправных отношениях. Человек вынужден подчиняться власти, поскольку он попал в зависимость, как бы дав на это свое согласие и одобрение. Этот процесс может сопровождаться завуалированными угрозами или запугиванием. Агрессору нужно ослабить жертву, чтобы потом было легче навязать ей свои принципы. Принудить человека согласиться на что-либо — значит признать, что не считаешь

его равным себе. Иногда жертва настолько сильно попадает под влияние другого человека, что перестает владеть даже своим разумом. Среди причин, способных повлечь за собой раздвоение личности, в международной классификации психических заболеваний упоминается подвержение длительным методам принудительного убеждения, таким как «промывка мозгов», изменение идеологии и идеологическое давление на жертву.

Подчинение существует только в области отношений: это интеллектуальное или моральное господство, превосходство одного индивидуума или его влияние на другого. Жертву ловят в сети, держат в своем распоряжении, психологически связывают по рукам и ногам, парализуют ее волю. Человек не осознает, что на его свободу покушаются.

Есть три вида подчинения:

захватнические действия посредством лишения жертвы имущества;

удерживание другого человека в состоянии покорности и зависимости;

порабощение: агрессор хочет превратить свою жертву в раба.

Поскольку подчинение нейтрализует желания другого человека и уничтожает всякую его самостоятельность, извращенное воздействие содержит в себе неоспоримые деструктивные составляющие. Постепенно противодействие жертвы и ее способности к сопротивлению разрушаются. Она теряет способность мыслить критически. Потрясенная всем происходящим, не имея возможности сопротивляться, она становится сообщницей своего работодателя. Это ни в коем случае не соглашение:

к человеку относятся как к вещи; он не может иметь собственных мыслей, он вынужден думать так же, как агрессор. Жертва подвергается воздействию не по собственной воле, а значит, не принимает никакого самостоятельного участия в этом процессе.

Согласно извращенной стратегии, вначале необходимо постепенно подчинить человека и держать его в своем распоряжении. Важно сохранить власть и контроль. Сначала манипуляции незаметны, но если партнер сопротивляется, то они становятся все более насильственными. Если жертва слишком послушна, игра не так захватывает агрессора. Нужно, чтобы жертва сопротивлялась достаточно сильно, тогда у извращенного человека остается желание развивать отношения, но не слишком активно, чтобы жертва чувствовала себя в безопасности. Только агрессор может лидировать в этой игре. Другой участник — лишь вещь и должен оставаться *полезной* вещью, а не действующим субъектом.

Все жертвы рассказывают, что им трудно сосредоточиться, когда их преследователь находится поблизости. Стороннему наблюдателю агрессор кажется абсолютно невиновным. Между его видимым комфортом и беспокойством и страданиями жертв — огромная разница. На этой стадии жертвы жалуются именно на то, что их подавляют и они не в состоянии ничего делать самостоятельно. Они описывают это чувство как нехватку свободы мышления.

Вначале они подчиняются, чтобы доставить удовольствие партнеру или утешить его, когда у того несчастный вид. Потом они будут подчиняться из страха. Сначала жертвы, особенно дети, соглашаются

на подчинение из потребности признания, оно кажется предпочтительнее, чем одиночество. Происходит своеобразный скрытый шантаж: извращенный человек дает мало, а требует много, и жертву гложет сомнение: «Если я буду более послушен, он наконец сможет оценить и полюбить меня». Этот поиск признания *никогда* не увенчается успехом, потому что партнер никогда не будет абсолютно доволен. Скорее наоборот, поиск любви и признания рождает в самовлюбленном извращенном человеке ненависть, пробуждает садистские склонности.

Парадокс ситуации состоит в том, что извращенные люди тем сильнее навязывают свою власть, чем сильнее они сами боятся попасть под влияние партнера — страх превращается в наваждение, если агрессор чувствует в чем-либо превосходство партнера.

Стадия извращенного воздействия — это период, когда жертва находится в относительном спокойствии, если она послушна, то есть позволяет себя подчинить. При этом уже установилось скрытое насилие, которое постепенно может трансформироваться в явное. В течение периода извращенного воздействия внести какие-либо изменения в сложившуюся ситуацию нельзя, такое положение вещей устанавливается раз и навсегда. Страх, который участники испытывают друг к другу, только продлевает эту неприятную ситуацию:

извращенного человека удерживает от непосредственных действий либо внутренняя лояльность, связанная с его собственной ситуацией, либо страх по отношению к партнеру;

жертву удерживает установившаяся над ней власть и страх — результат этих эмоций, а также отказ признать то, что ее отвергли.

В течение этой стадии агрессор поддерживает в партнере напряжение, равноценное постоянному стрессу.

Как уже говорилось, извращенное воздействие не всегда очевидно для сторонних наблюдателей. Но даже при очевидных признаках они могут не заметить его. Дестабилизирующие намеки кажутся безобидными для тех, кто не знает контекста и их истинного смысла. Начиная с этой стадии вступает в действие механизм изоляции. Защитная реакция, к которой вынуждена прибегнуть жертва, вызывает поведение, раздражающее окружающих. Жертва становится сварливой, плаксивой или навязчивой. В любом случае она теряет свою непосредственность. Окружающие не понимают ее, и, как результат, мнение о жертве становится негативным.

В этом процессе используются особые методы коммуникации, состоящие из парадоксального поведения, лжи, сарказма, насмешек и презрения.

Извращенное общение

При установлении отношений подчинения используются методы, которые создают иллюзию общения — общения особого рода, предназначенного не соединять людей, а разъединять их и препятствовать их нормальным отношениям. Цель искаженного общения — *использование* другого человека. Необходимо вербально манипулировать человеком, чтобы он продолжал оставаться в неведении относительно происходящего процесса и еще больше его запутать. Главное — полностью скрывать реальную информацию, дабы привести жертву в беспомощное состояние.

Невербальное, скрытое, приглушенное насилие проявляется через недомолвки, намеки и этим вызывает у жертвы беспокойство.

Отказ в непосредственном общении

В извращенных отношениях никогда не используется непосредственное общение, потому что «с вещами не разговаривают».

Когда жертва задает прямой вопрос, извращенные люди уходят от ответа. Поскольку диалог отсутствует, агрессор кажется важным или даже мудрым. В его мире мало словесного общения, только мелкие дестабилизирующие замечания. Ничего не называется своими именами, все говорится намеками. Достаточно просто пожать плечами, вздохнуть. Жертва старается понять: «Что я ему сделала? В чем он меня упрекает?» И так как ничего не объясняется, упрек можно отнести к чему угодно.

Отрицание агрессором упреков или существования конфликта парализует жертву, которая не может защищаться. Агрессия проявляется в том числе и в самом отказе признать то, что происходит, обсудить это и найти вместе решение проблемы. Если бы конфликт был явным, существовала бы возможность дискуссии и можно было бы найти выход. Но в области извращенных отношений нужно прежде всего помешать противнику думать, понимать, начать сопротивляться. Уход от диалога — это ловкий способ усугубить конфликт и вменить все в вину противнику. Жертве отказывают в праве быть услышанной. Ее версия происходящего не интересует агрессора, он просто отказывается выслушать ее.

Отказ от диалога — это способ сказать без слов, что человек вас не интересует или даже просто не существует. Любому другому собеседнику, если вам что-то неясно, можно задавать вопросы. Разговор с извращенным человеком носит уклончивый характер, агрессор не дает никаких объяснений, что ведет к взаимному отчуждению. Такой разговор всегда ведется на пределе понимания.

При отказе в непосредственном словесном общении жертве нередко приходится прибегать к письмам, в которых она просит или требует объяснений ухудшения отношений. Затем, не получив ответа, она пишет еще раз, спрашивая себя, что в ее поведении могло повлечь подобное к ней отношение. Иногда жертва даже извиняется за поступок, который она якобы совершила и который повлек за собой такое отношение агрессора к ней.

Эти оставленные без ответа письма иногда используются агрессором против своего противника. Так, например, после бурной семейной сцены, когда жертва упрекнула своего мужа в неверности и лжи, ее письмо с извинениями оказалось в комиссариате в деле о семейном насилии: «Взгляните, она признает свое грубое поведение!»

На некоторых предприятиях жертвы, которые в целях своей защиты посылают заказные письма, считаются параноиками, зацикленными на судебных процедурах.

Когда ответ все же приходит, он всегда расплывчат и безразличен. Вот письмо одной женщины к своему мужу, наполненное любовью и чувствами: «Скажи, что во мне так отталкивает тебя, за что ты меня так ненавидишь, почему я получаю от тебя только презрение, оскорбления, плевки? Почему ты постоянно упрекаешь меня, говоришь безапелляционно, неоткровенно, не слушаешь меня?..». На это письмо последовал умный, но совершенно бесчувственный ответ: «Объясняю. Таких фактов не существует. Все это спорно. Нет ни доказательств, ни очевидных истин...»

Отказ в общении выражается разными способами. В присутствии жертвы агрессор напряжен, его спина выпрямлена, взгляд бегаёт: «Мой начальник с самого моего послушания на работу так смотрел на меня, что мне всегда было неловко, я спрашивал себя, что я сделал не так».

Извращенная манера в речевом общении

Можно заметить, что извращенные люди говорят со своими жертвами холодным, равнодушным, однообразным, еле слышным голосом. Это речь, лишенная какой-либо эмоциональной окраски, которая леденит, заставляет беспокоиться, придает даже самым безобидным замечаниям оттенок презрительности или насмешки. Сам тон речи, даже для беспристрастного наблюдателя, несет в себе скрытый смысл, невысказанные упреки, завуалированные угрозы.

Тот, кто уже попал под влияние извращенного человека, сразу узнает этот холодный тон, который заставляет насторожиться и вызывает страх. Слова не имеют никакого значения, важна только угроза. Дети, являющиеся жертвами морально извращенного родителя, очень хорошо описывают изменение тона голоса, предшествующее агрессии: «Иногда во время обеда, когда он спокойно разговаривал с моими сестрами, его голос становился еле слышным, ломким. И я уже знал, что сейчас он обратится ко мне, чтобы сказать что-то обидное».

Даже во время бурных споров этот тон не повышается, заставляя нервничать жертву и выводя ее из состояния равновесия. Для агрессора же это повод заявить: «Ты просто истеричка, все время кричишь!»

Очень часто извращенный человек не утруждается отчетливо произносить слова или просто бормочет себе под нос, когда партнер находится в другой комнате. Это заставляет партнера приблизиться, чтобы расслышать или попросить повторить сказанное. В результате у агрессора появляется повод сделать замечание, что его не слушают. Извращенный человек намеренно прибегает к расплывчатым и неопределенным фразам. Он может сказать: «Я этого никогда не говорил» — и избежать любых упреков. Используя намеки, можно сказать все что угодно, не компрометируя себя.

Агрессор дает противоречивую информацию, используя фразы, лишённые логической связи.

Часто извращенные люди не заканчивают фразы, ставя в конце как бы многоточие, в результате чего возникают недоразумения. Или они говорят туманно и отказываются объяснить смысл сказанного. Зять в ответ на просьбу тещи о незначительной услуге говорит:

— Нет, это невозможно!

— Почему?

— Вы сами должны это понимать!

— Нет, я не понимаю!

— Ну так подумайте!

Эти слова несут в себе агрессию, но сказаны *обычным*, спокойным, почти непринужденным тоном. Если жертва, выведенная из себя, ответит

резким тоном; то впоследствии она может начать винить себя.

Дестабилизирующие намеки очень часто хорошо завуалированы. Так, мать говорит дочери, которая безуспешно пытается забеременеть: «Послушай, я занимаюсь своими детьми, как хочу я, ты занимаешься своими, как хочешь ты!» Можно подумать, что это просто случайность и за этим замечанием последовало замешательство, сожаление или извинения. Но это лишь маленький камень, намеренно брошенный в душу жертвы.

Другой словесный прием, присущий извращенным людям, — использование технического, абстрактного или догматического языка с целью вовлечь собеседника в размышления о том, чего он не понимает и о чем не осмелится попросить объяснить, боясь показаться глупым.

Цель этих холодных, чисто теоретических речей — помешать собеседнику думать, а значит, реагировать. Извращенный человек, говорящий слишком ученым тоном, производит впечатление человека знающего, даже если на самом деле он говорит ерунду. Он поражает аудиторию поверхностной эрудицией, используя термины, даже не задумываясь об их смысле. Позднее собеседник скажет: «Он меня заболтал, не понимаю, почему я не остановил его?!»

В словах извращенного человека скорее важна форма, чем содержание; важно показаться умным, чтобы обезоружить собеседника. Чтобы ответить своей жене, которая хотела поговорить об их отношениях, муж использует ученый стиль: «Ты представляешь собой типичную фригидную женщину, которая проецирует на мужчин свои фаллические желания!»

Эти дикие психоаналитические толкования с успехом дезориентируют собеседника; который часто не находит, что сказать, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Жертвы часто говорят, что аргументы агрессора настолько бессвязны, что должны были бы показаться смешными, и такая неискренность приводит их в ярость.

Другой извращенный прием состоит в том, чтобы озвучить намерения собеседника или угадать его тайные мысли, как будто можно знать их лучше, чем он сам: «Я точно знаю, что ты ненавидишь такого-то человека и ищешь предлог, чтобы не встречаться с ним!»

Ложь

Наиболее часто вместо явной лжи извращенный человек вначале использует комбинацию намеков, недомолвок, чтобы ввести жертву в заблуждение и затем обратить ситуацию в свою пользу.

В своем трактате «Искусство войны», написанном приблизительно в V веке до нашей эры, китаец Сун Цзе говорил: «Искусство войны — это искусство обмана, и, если всегда представлять себя не тем, что ты есть, можно увеличить свои шансы на победу».

В разговоре используются незаконченные, парадоксальные фразы, чтобы избежать реакции собеседника. Извращенный человек говорит неопределенно, надеясь, что собеседник поймет смысл, даже если не называть вещи своими именами. В большинстве случаев смысл этих фраз можно понять лишь *a posteriori*.

Говорить неопределенно — это хитрый способ справиться с любой ситуацией.

Эти завуалированные фразы обычно кажутся безобидными, общими или косвенно агрессивными: «Женщины опасны!», «У работающих женщин не хватает времени на домашнее хозяйство!». Если партнер возмущается, всегда можно поправить: «Я говорил не о тебе. Это к тебе не относится!»

Речь идет о том, чтобы одержать верх в разговоре. Слишком откровенное поведение заставило бы партнера сопротивляться авторитаризму агрессора. Напротив, завуалированные методы дестабилизируют его и заставляют его сомневаться в реальности всего происходящего.

Другой вид завуалированной лжи состоит в том, чтобы отвечать на вопрос неопределенно, неточно или прибегать к ответным нападкам, отвлекающим внимание. Женщине, которая выражала сомнение относительно верности мужа, тот ответил: «Раз ты говоришь такие вещи, значит, тебя саму есть за что упрекнуть!»

Лжец может также прицепиться к деталям: жене, упрекавшей мужа за то, что тот уехал на неделю за город с девушкой, он ответил: «Это ты лгунья, во-первых, не на неделю, а на девять дней, а во-вторых, не с девушкой, а с женщиной!»

Извращенный человек всегда найдет способ оказаться правым, тем более что жертва уже дестабилизирована и не испытывает, в отличие от своего агрессора, никакого удовольствия от полемики. У жертвы возникает чувство беспокойства как следствие постоянной путаницы между правдой и ложью.

Ложь извращенных самовлюбленных людей становится явной только в следующей стадии — деструктивной, как мы сможем увидеть в следующей главе. В этот период агрессор лжет несмотря на совершенно очевидные факты. Это прежде всего ложь, в которой человек убежден и которая убеждает его собеседника. Какой бы чудовищной ложь ни была, извращенный человек продолжает настаивать на ней и в конце концов убеждает собеседника.

Правда или ложь — это неважно для извращенных людей: правдой является то, что они говорят в настоящий момент. Эта фальсификация правды иногда очень близка к бреду. Любая фраза, если она сформулирована нечетко, не должна приниматься в расчет собеседником, даже если ее смысл и понятен. Если это необъективно, значит, этого не существует. Ложь попросту соответствует необходимости игнорировать все, что не отвечает эгоистичным интересам агрессора.

Таким образом, извращенные люди окутывают свои рассказы и объяснения завесой тайны, и собеседник начинает им верить: за этими словами кроется нечто очевидное, хотя на самом деле *ничего* не сказано.

Сарказм, насмешки, презрение

Если рассматривать общество в целом, то можно заметить, что презрение и насмешки доминируют в общении между людьми. Презрение направлено на объект ненависти, на то, *что* он думает,

что делает, а также на его окружение. Презрение — это оружие слабого; это защита от нежелательных чувств. Человек прячется за иронической или шутиливой маской.

Презрение и насмешки особенно часто направлены на женщин. В случае с сексуально извращенными людьми это выражается в отказе от секса с партнершей. Самовлюбленные извращенные люди вообще не считают женщин людьми и находят удовольствие в насмешках над ними. Потворство очевидцев только усугубляет этот процесс.

Во время одного из ток-шоу на американском канале NBC молодая пара должна была обсудить на публике следующую проблему: «Он не любит меня, потому что я не похожа на топ-модель». Молодой человек объяснял, что его жена — мать его ребенка — не такая, как ему хотелось бы, она не миниатюрная, не сексуальная, ее зубы и грудь не безупречны, и поэтому она непривлекательна для него. В качестве примера он приводил Синди Кроуфорд. Он высказывался настолько презрительно, что его подруга заплакала. При этом он не выказал ни волнения, ни желания ее утешить.

Зрители должны были высказать свое мнение. Разумеется, женщины выражали протест против подобного отношения со стороны этого мужчины, некоторые давали молодой женщине советы, как изменить внешность, но большинство мужчин согласилось с мужем и позволили себе критиковать внешность этой несчастной женщины.

Психолог на этом ток-шоу объяснил публике, что достаточно посмотреть на Шерри и увидеть, что та никогда не была похожа на Синди Кроуфорд, но Боб

любил ее настолько, что захотел сделать матерью своего ребенка. Никто не спросил мнения психолога ни насчет поведения зрителей и организаторов, ни насчет унижения, испытанного этой женщиной.

Извращенный человек высмеивает всё и вся. Если он ведет себя так постоянно, это снимает с агрессора подозрения — это просто манера поведения, — но при этом он так или иначе создает неблагоприятную атмосферу и делает отношения с окружающими неискренними.

Зависть часто заставляет людей говорить колкости (правдивые, но обидные) и использовать клевету (ложь):

- красивую девушку, показывающуюся в обществе мужчины более старшего возраста, называют путаной;

- требовательная женщина становится сексуально неудовлетворенной;

- успех известной телевизионной ведущей объясняют тем, что она переспала со всеми мужчинами-руководителями;

- преуспевающая коллега продвинулась по службе через постель.

Действительно, чаще всего именно женщины подвергаются подобным нападкам.

Подразумевается, что высказанные вслух насмешки имеют под собой основание. Следовательно, человек, высмеявший кого-либо или что-либо, имеет на это право, а значит, получает в лице собеседника союзника.

Этот прием может действовать прямо: «Неужели ты не знаешь, что...» — или косвенно: «Ты не видел, как он (она)...»

Нередко жертва буквально понимает критику извращенного человека и окружающих ее людей и в конце концов начинает верить, что эта критика оправданна.

Оскорбительные саркастические замечания воспринимаются как дань, которую нужно заплатить, чтобы сохранить отношения с обольстительным, но сложным партнером.

Чтобы держаться на плаву, извращенному человеку необходимо в чем-то превосходить партнера. Для этого он наносит мелкие обиды, которые выводят жертву из состояния равновесия. Лучше делать это на публике, преувеличивая незначительные, а иногда и интимные факты, иногда взяв в союзники окружающих.

Намерения агрессора — привести партнера в замешательство. Жертва чувствует враждебность по отношению к себе, но ведь не исключается возможность того, что это просто шутка. Кажется, что извращенный человек просто дразнит жертву ее большим носом, плоской грудью, косноязычием и т. д., но в действительности он намеренно бьет в слабые места.

Агрессия осуществляется с помощью намеков и недомолвок так, что никогда нельзя сказать, в какой именно момент она началась и действительно ли это агрессия. Нападающий не компрометирует себя, часто он даже кардинально поворачивает ситуацию, указывая на агрессивность жертвы: «Если ты думаешь, что я проявляю агрессию по отношению к тебе, значит, ты сам агрессивен!»

Как видно из клинических случаев, один из привычных извращенных приемов состоит в том,

чтобы наградить другого человека дурацким прозвищем, основанным на каком-либо его недостатке: *толстуха, педик, простак, размазня...* Подобные прозвища, несмотря на их оскорбительность, часто приживаются среди окружающих жертву людей, они смеются над ними и таким образом становятся пособниками агрессора.

Обиды, нанесенные с помощью всех этих неприятных замечаний, невозможно компенсировать проявлениями любезности. Боль, которую испытывает жертва от подобных колкостей, обращается партнером в насмешку.

В словесных нападках, насмешках, в цинизме есть доля игры: это удовольствие от полемики, удовольствие заставить противника защищаться. Самовлюбленные извращенные люди, как мы уже выяснили, любят вступать в дискуссии. Они способны отстаивать одну точку зрения сегодня, а завтра защищать противоположное мнение, просто чтобы возобновить спор или шокировать оппонента. Если реакция партнера недостаточно сильна, его можно слегка спровоцировать. Партнер, являющийся жертвой насилия, может слабо реагировать, поскольку склонен оправдывать агрессора или потому, что насилие происходит незаметно для него. Насильственное поведение, возникающее внезапно и неожиданно, может только спровоцировать ответный гнев, но постепенное внедрение такого поведения притупляет реакцию. Жертва замечает агрессивность общения, только когда оно стало уже почти привычным.

При разговоре самовлюбленный извращенный человек находит ту аудиторию, внимание которой

он способен завоевать и которая к тому же не чувствительна к унижению, испытываемому жертвой. Нередко агрессор требует от окружающих поневоле участвовать в процессе разрушения.

Для того чтобы дестабилизировать противника, достаточно:

- высмеять его убеждения, политические пристрастия, вкусы;

- не обращаться непосредственно к нему;

- подтрунивать над ним при посторонних;

- опорочить его перед другими людьми;

- лишить его любой возможности выразить его мнение;

- обнародовать его слабые стороны;

- делать обидные намеки, никогда их не разъясняя;

- поставить под сомнение способность жертвы к здравым суждениям и принятию решений.

Парадокс

Сун Цзе учил: чтобы выиграть войну, нужно разделить вражескую армию перед тем, как начать сражение: «Старайтесь оказаться победителем, не вступая в битву... <...> Еще до битвы они (предки) старались ослабить уверенность врага, унижая и оскорбляя его, подвергая тяжелым испытаниям крепость его сил: <...> Соблазните всех его лучших воинов заманчивыми предложениями, подарками, обещаниями; подорвите его уверенность, толкая лучших офицеров на постыдные и подлые поступки, и не упустите возможности обнародовать их».

Когда человек испытывает на себе извращенную агрессию, его уверенность пытаются притупить, стараются заставить его сомневаться в своих мыслях и эмоциях. В результате жертва теряет свою самостоятельность. Она не может размышлять, понимать. Целью этого процесса является отрицание жертвы как личности, при этом парализуется ее воля, но делается это таким образом, чтобы избежать конфликта. Можно нападать на жертву, не боясь ее потерять, — она останется в распоряжении агрессора.

Такой эффект достигается двойным противоречием: на словах утверждается одно, а фактически делается другое. Парадоксальная речь состоит из четко сформулированного сообщения и намека, существование которого агрессор отрицает. Это очень эффективный прием дестабилизации противника.

Сама форма парадоксального сообщения призвана посеять сомнение в более или менее значительных фактах повседневной жизни. В конце концов уверенность партнера ослабевает и он уже не знает, кто прав, кто виноват. Достаточно, например, сказать, что ты согласен с предположением противника, показав при этом мимикой, что это согласие лишь видимость.

Или сообщается какая-то информация, которая тут же признается неверной, но жертва сомневается: «Хотел ли он это сказать или я все понимаю не так?» Если жертва озвучивает свои сомнения, к ней относятся как к параноику, который все понимает неправильно.

Чаще всего парадокс возникает из-за несоответствия между сказанными словами и тоном, которым

эти слова были произнесены. Эта разница заставляет очевидцев диалога полностью ошибаться в его понимании.

Парадокс может также заставить противника почувствовать напряжение и враждебность по отношению к себе при том, что ничего особенного сказано не было. Это косвенная агрессия, при которой извращенный человек относится к противнику как к вещи. Агрессор может хлопнуть дверью, швыряться вещами, а потом отрицать любую агрессию.

Парадоксальная информация сбивает противника с толку. Жертва не может четко определить, что она испытывает, и поэтому склонна представлять свое поведение в искаженном виде или оправдываться.

Парадоксальные сообщения нелегко заметить. Их цель — дестабилизировать противника, смутить его настолько, чтобы тот потерял контроль; заставить его испытывать противоречивые чувства. Жертву вводят в заблуждение, не преминув доказать ее неправоту. Как мы уже сказали, когда целью является приобретение доминирующего положения, конечным итогом всех манипуляций становится установление контроля над чувствами и поступками жертвы вплоть до того, что в конце концов она будет одобрять действия агрессора и потеряет чувство собственного достоинства.

Чаще всего партнеры извращенных людей ради примирения решают воспринимать все, что говорит агрессор, буквально, не обращая внимания на противоречивые невербальные сигналы: «Когда я угрожаю, что уйду, муж говорит, что он ко мне привык. Хотя это обидно и унижительно, но в какой-то мере это правда!»

В отличие от обычного конфликта, с самовлюбленным извращенным человеком не может быть настоящих ссор, следовательно, невозможно и примирение. Агрессор никогда не повышает голоса, а только демонстрирует враждебную холодность, которую затем отрицает, если ему на нее указывают. Противник начинает нервничать или плакать. В этом случае можно легко осмеять его гнев.

Даже в случаях явного конфликта настоящая причина раздора никогда не всплывает на поверхность, поскольку жертва о ней не догадывается. Жертва чувствует, что находится в стороне от конфликта, и копит обиды в себе. Как осознать то, о чем говорит интуиция, что подсказывают смутные впечатления, подсознательные чувства? Ведь нет никаких конкретных доказательств.

Такие дестабилизирующие методы может использовать каждый, но извращенные люди применяют их систематически, не возмещая моральный ущерб и не извиняясь.

Затрудняя общение с помощью парадоксальной информации, самовлюбленные извращенные люди исключают возможность адекватной реакции противника, поскольку последний не понимает сложившейся ситуации. Он тщетно пытается найти решение конфликта, которое в любом случае не подходит, и как бы он ни сопротивлялся, он не может избежать тревоги и депрессии.

В семейной паре такой тип общения соответствует внутренней связи и на некоторое время приводит к относительной стабильности. Когда целью является совместное существование, все, что может разъединить пару, отвергается обеими сторонами,

и это вносит некую стабильность в отношения, хоть и ценой страданий. В других случаях жертве ничего не остается, как страдать в одиночку.

Извращенное общение часто состоит из хитроумных сообщений, которые не сразу кажутся агрессивными или деструктивными, потому что произносятся вперемешку с другими, вполне безобидными фразами. Очень часто они становятся понятны только тогда, когда тот, кому они предназначаются, выходит из подчинения.

Только став взрослой, девушка поняла двусмысленность открыток, которые ее отчим посылал ей, когда она была подростком. На них были изображены обнаженные женщины на пляже. На оборотной стороне отчим писал: «Я много думаю о тебе!» В то время она видела в них знак внимания и тем не менее они приводили ее в ярость. Осознание истинного значения этих открыток позволило ей расшифровать и другие знаки, которые она раньше не понимала, но которые заставляли ее чувствовать себя неловко (взгляды на ее грудь, непристойные шутки).

Эта иллюстрация понятия инцестность, введенного Ракамье, показывает, насколько размыта граница между нравственным и сексуальным извращением. В обоих случаях противника используют как вещь. Дементализация унижает человека и ущемляет его чувство собственного достоинства, а также распространяется на всех окружающих, которые не могут разобраться, кто как себя вел или кто что сказал. Через жертву, волю которой нужно парализовать, чтобы заставить молчать, смятение распространяется на всю ее семью, знакомых или профессиональное окружение.

Еще одно общее место — смещение чувства вины. В итоге виноватой чувствует себя только жертва: «Это я виноват!», а у самовлюбленного извращенного человека чувство вины проецируется на противника («Это его вина!»).

Ущемление чувства собственного достоинства

Речь идет о том, чтобы лишить жертву чувства собственного достоинства, повторять ей, что она ничего не стоит, до тех пор, пока жертва сама в это не поверит.

Как уже говорилось, вначале этот процесс осуществляется невербально: с помощью презрительных взглядов, раздраженных вздохов, недомолвок, дестабилизирующих или недоброжелательных намеков, обидных замечаний, насмешек, неявной критики, завуалированной под шутку.

Когда агрессия скрыта, ее трудно распознать, а значит, и защититься от нее. Жертва, если это недостаточно сильная личность, не очень уверенный в себе человек или ребенок, легко принимает на веру высказывания агрессора («Ты ни на что не годен», «Ты — ничтожество, кроме меня ты никому не нужен, без меня ты останешься совсем один!») и вскоре сама начинает так думать. Извращенный человек убеждает и навязывает свое, неверное, видение реальности.

Начиная с фразы «ты — ничтожество», сказанной прямо или в виде намека, жертва принимает это мнение как данность и действительно становится

ничтожеством. Агрессор произносит эту фразу не потому, что человек ничтожен на самом деле. Но он становится таковым, ибо агрессор постановил, что это так.

Ущемление чувства собственного достоинства с помощью использования парадоксов, лжи и других способов в отношении человека, ставшего жертвой, распространяется на его окружение, семью, друзей, знакомых: «Он/она знает только с дураками!»

Такая стратегия используется для обретения превосходства над человеком, чтобы затем легче было его унижить.

Разделяй и властвуй

Сун Цзе сказал: «Вносите смятение в руководство противника, сейте разногласие среди командиров, возбуждая зависть или недоверие, вызывайте неподчинение, предоставьте причину для недовольства. <...> Губительный разлад — вот чего мы добиваемся ложными слухами, мы бросаем тень или подозрение даже самого монаршего двора на генералов, которые при нем служат».

Самовлюбленные извращенные личности очень сильны в искусстве настраивать одних людей против других, вызывать соперничество, зависть. Такого эффекта можно добиться с помощью намеков, посеяв сомнение: «Ты не находишь, что этот человек такой-то?» — или же разгласив то, что кто-либо сказал о противнике: «Твой брат мне сказал, что ты плохо себя ведешь». Подобный эффект достигается

также с помощью лжи, которая вызывает соперничество между людьми.

Самое большое наслаждение для извращенного человека — это способствовать уничтожению одного человека другим и присутствовать при ссоре, из которой оба выйдут ослабленными, что укрепит собственную власть агрессора.

На работе этого можно добиться с помощью сплетен, недомолвок, привилегий, предоставленных одному из служащих по сравнению с другим, различных предпочтений. Можно также пустить слух, который незаметно ранит жертву, причем установить его источник она не сможет.

В семейной паре сеять сомнения с помощью намеков, недомолвок — это хитрый способ мучить партнера и удерживать его в зависимости, возбуждая ревность. Ревность поддерживает сомнения, в отличие от зависти, которая всегда имеет под собой серьезные основания.

Возбуждение в противнике ревности составляет основу конфликта в пьесе Шекспира «Отелло». Главный герой, Отелло, по натуре не ревнив, Шекспир описывает его как благородного и великодушного человека, не расположенного к тому, чтобы верить в существование злых намерений у других людей. Он не мстителен и даже не вспыльчив. Только благодаря ловким манипуляциям Яго он становится ревнивым; несчастный вначале отказывается верить в измену жены, он доверяет ей настолько, насколько доверяет и самому Яго. В одном из монологов Яго заявляет, что любит причинять зло из любви к злу. Позднее он вскользь признается, что добродетель, благородство, «красота обыденных

поступков» такого честного человека, как Кассио, чистота Дездемоны шокируют его и побуждают уничтожить эту добродетель, эту красоту. Он находит наслаждение в низости, его желание — строить козни, которые реализуются благодаря его извращенности и сообразительности.

Заставив жертву ревновать, извращенный человек, который в глубине души просто завистлив, низводит ее до своего уровня: «Мы с тобой так похожи!»

Жертва не осмеливается открыто нападать на своего извращенного агрессора. Для жертвы позволить вовлечь себя в отношения на основе ревности — это способ продолжать защищать агрессора, избегать конфронтации с ним. Жертве легче выступить против третьего лица, которое для извращенного человека также становится жертвой.

Навязывание власти

Логика злоупотребления властью — слабый подчиняется сильному. Захват власти происходит с помощью слов. Агрессору нужно произвести впечатление, что он знает все лучше, что владеет истиной. В речи извращенного человека излагаются предположения, кажущиеся универсальной истиной. Извращенный человек «знает», он прав и старается увлечь противника в свою стихию, заставив его соглашаться с его словами. Например, вместо того, чтобы сказать: «Я не люблю такого-то!», он говорит: «Такой-то — придурок. Все это знают, и ты не можешь с этим не согласиться!»

В дальнейшем речь агрессора приобретает обобщенную форму. Его собеседник говорит себе: «Должно быть, он прав. Похоже, он знает, о чем говорит!» Так извращенный человек приобретает партнеров, не уверенных в себе, полагающих, что другие все знают лучше них. Слабым партнерам извращенные люди внушают абсолютное доверие.

Подобная самодостаточная манера речи, в которой заранее все решено, недалеко от начала процесса параноидного психоза. Параноик в каждом человеке находит негативные черты, обычно причины такого мнения совершенно случайны. Иногда сам противник предоставляет агрессору возможность так думать, но чаще всего подобные мысли вызваны внешними обстоятельствами.

Устанавливается процесс доминирования: жертва подчиняется, она покорена, сломлена, находится под контролем. Если она взбунтуется, ей укажут на ее агрессивность и злобность. В любом случае устанавливаются тоталитарные взаимоотношения, основанные на страхе, целью которых является достижение пассивного послушания: противник должен поступать так, как того хочет извращенный человек, должен мыслить согласно его стандартам. Никакая критика отныне не имеет права на существование. Жертва находится в двойственной ситуации, которая ей предназначена агрессором. Цель — уничтожить жертву как личность.

Агрессор устанавливает отношения подчинения ради собственной выгоды в ущерб интересам партнера. Отношения с партнером находятся в диапазоне зависимости, которая проецируется извращенным человеком на его жертву. Каждый раз, когда

самовлюбленные извращенцы сознательно выражают потребность в зависимости, они делают так, чтобы эта потребность не была удовлетворена, например, обращаются к жертве с просьбой, превосходящей ее возможности. Извращенный человек пользуется этим, чтобы указать на беспомощность жертвы. Как вариант можно обратиться с просьбой в тот момент, когда ее невозможно выполнить. Агрессор добивается того, что его просьбы не выполняются, что уверяет его в том, что жизнь именно такая, какой он ее себе представлял.

В извращенном насилии нужно различать злоупотребление властью и тиранию. Тирания — это способ завоевания власти силой. При этом притеснение очевидно. Один подчиняется, поскольку другой имеет явную власть. Целью откровенного злоупотребления властью является простое доминирование.

Один из примеров откровенного злоупотребления властью: история Эйнштейна, который, устав от присутствия своей первой жены Милены Марик, матери его двоих детей, и не желая брать на себя инициативу по разводу, письменно утвердил драконовские и унижительные условия продолжения совместной жизни¹:

«В ваши обязанности входит:

А. Следить за тем, чтобы мое белье и одежда содержались в порядке; еду подавали мне в кабинет три раза в день; в моей комнате и моем кабинете всегда поддерживался порядок, а до моего рабочего стола никто, кроме меня, не дотрагивался.

В. Отказаться от всех личных отношений со мной, исключая те, которые необходимы для соблюдения

¹ Le Monde, 18 ноября 1996 г.

общественных приличий. В частности, Вы не будете требовать от меня:

чтобы я оставался с Вами дома;

чтобы я путешествовал в Вашей компании.

С. Пообещать твердо следовать следующим пунктам:

не ждать от меня проявлений привязанности и не упрекать меня в этом;

когда я обращаюсь к Вам, немедленно отвечать;

тотчас же и беспрекословно покидать мою комнату или мой кабинет, когда я того потребую;

не ронять моего достоинства в глазах моих детей ни словами, ни поступками».

Здесь злоупотребление властью очевидно и даже зафиксировано документально. Извращенный человек не замечает подобного превосходства и отрицает его. Простого подчинения недостаточно, агрессору нужно завладеть партнером целиком.

Извращенное насилие устанавливается незаметно, иногда под маской мягкости или доброжелательности. Партнер не осознает этого насилия, иногда он даже сохраняет иллюзию того, что он сам руководит всем. Явного конфликта никогда не бывает. Если исподтишка устанавливается подобное насилие, значит, в отношениях между извращенным человеком и его партнером действительно существует разрыв.

Сопротивляться извращенному воздействию — значит навлечь на себя ненависть. На этой стадии партнер, существовавший до этого только как полезная вещь, становится опасным противником, от которого необходимо избавиться любыми способами. Здесь извращенная стратегия обнаруживает себя «во всей красе».

Проявления ненависти

Стадия ненависти начинается, когда жертва пытается сопротивляться, когда она старается самоутвердиться и отвоевать немного свободы. Несмотря на двусмысленный контекст, она старается установить определенные рамки. Что-то подталкивает ее сказать: «С меня хватит!» — либо потому что какой-нибудь внешний фактор помог ей осознать свое рабское положение (например, когда жертва видит, как агрессор преследует кого-то другого), либо когда извращенный человек находит иного

потенциального партнера и старается вынудить предыдущего уйти, увеличивая масштаб насилия.

В тот момент, когда агрессору кажется, что жертва от него ускользает, он впадает в панику и ярость, как будто срывается с цепи.

Когда жертва высказывает, что она чувствует, нужно заставить ее молчать.

Это стадия ненависти в чистом виде, чрезвычайно неистовой, которая проявляется через оскорбления и удары ниже пояса, через слова, которые унижают человеческое достоинство, высмеивают все, что дорого партнеру. Эта саркастическая броня защищает извращенного человека от того, чего он боится больше всего — от общения.

Пытаясь любой ценой добиться осуждения проблемы, партнер подставляет себя под удар. Чем больше он подставляется, тем ожесточеннее на него нападают и тем сильнее он страдает. Извращенному человеку тяжело видеть эти страдания, и он усиливает агрессию, чтобы заставить жертву замолчать. Как только человек показывает свои слабые места, агрессор сразу же использует их против своей жертвы.

Ненависть существовала уже во время стадии извращенного воздействия, но она была скрыта, завуалирована, для того чтобы сохранить такие отношения в застывшем виде. Все, что уже существовало, но тайно, отныне проявляется открыто и в полную силу. Разрушающие действия становятся систематическими.

Здесь речь идет не о любви, которая превращается в ненависть, как все привыкли считать, а о зависти. Это также не чередование любви и ненависти,

которое Жак Лақан называл «любовь-ненависть», так как со стороны извращенного человека любви в прямом смысле этого слова никогда не было. Можно даже вслед за Морисом Урни и Джованной Штоль¹ говорить о ненависти в любви, описывая извращенные отношения. Можно говорить о существовании нелюбви под маской желания, не к человеку как таковому, а к тому, чем он обладает и что извращенный человек хочет присвоить себе. Такая нелюбовь затем переходит в скрытую ненависть, связанную с неудовлетворенностью желаний, с невозможностью добиться от партнера того, что хочется агрессору. Если ненависть проявляется открыто, то только вместе с желанием разрушить, уничтожить партнера. Даже по прошествии какого-то времени извращенный человек не откажется от этой ненависти. Для него причины очевидны: «Потому что так надо!» — и это несмотря на то, что другим людям эти причины неясны.

Свою ненависть агрессор оправдывает преследованием со стороны партнера, от которого он вынужден защищаться. При этом у него, как и у параноиков, появляются мысли, что его преследуют и хотят причинить вред, а ожидание защитной реакции обуславливает преступное поведение и систематическую агрессию. Во всем, что получается не так, как хочет агрессор, виноваты противники, которые объединились против него.

Вследствие феномена проекции ненависть агрессора проявляется в той степени, в какой сильна воображаемая ненависть жертвы. В глазах агрессора

¹ M. Hurni et G. Stoll, *La Haine de l'amour (La perversion du lien)*, L'Harmattan, Paris, 1996.

жертва является чудовищем, все разрушающим, неистовым, несущим гибель. В действительности на этой стадии жертва не способна испытывать ни ненависти, ни гнева, что помогло бы ей защищаться. Агрессор приписывает жертве злые намерения и предпочитает напасть первым. В любом случае жертва всегда виновата, хотя бы и в преступных намерениях.

Эта ненависть, спроецированная на партнера, является для извращенного человека средством защиты от расстройств, которые могли бы быть намного более серьезными, вплоть до состояния психоза. Это также средство защиты от неосознанной ненависти к другому партнеру в случае, если агрессор вступает в новые отношения. Фокусируя ненависть на предыдущем партнере, он защищает нового, который наделяется всеми возможными добродетелями. Когда жертва подобной ненависти осознает, что служит средством укрепления новых отношений с соперником или соперницей, она еще острее ощущает, что находится в ловушке и ею манипулируют.

В мире извращенного самовлюбленного человека все очень четко делится на «плохое» и «хорошее». Человек, так или иначе связанный с «плохой» стороной мира агрессора, не может быть хорошим. Расставание или отдаление от такого человека ни в коей мере не уменьшает ненависти, которую испытывает к нему агрессор.

В такой ситуации имеет место взаимный страх между партнерами: агрессор боится всемогущества, которым якобы обладает жертва; жертва боится психологического, а также физического насилия со стороны своего агрессора.

Как осуществляется насилие

Здесь речь пойдет о хладнокровном словесном насилии: снисходительный тон, враждебные намеки, оскорбления, брань. Разрушительное действие оказывают повторяющиеся нападки, с виду безобидные, но продолжительные, тем более если известно, что они никогда не прекратятся. Речь идет об агрессии по отношению к жертве на всю оставшуюся жизнь. Каждое новое оскорбление переключается с предыдущими и не дает забыть их, чего желала бы жертва, но не хочет агрессор.

Со стороны такое влияние незаметно или почти незаметно. Это стихийное бедствие, которое случается в семьях, учреждениях или с отдельными людьми. Насилие редко носит физический характер, но если такое все-таки происходит, то только из-за слишком бурной реакции жертвы. В этом случае совершенно точно можно говорить о преступлении.

Угрозы всегда имеют скрытую, завуалированную форму: их доводят до сведения через общих друзей, которыми также манипулируют, или через детей, если жертва не следует пожеланиям своего партнера. Письма или телефонные звонки часто ассоциируются с бомбой замедленного действия.

Если к изошренному насилию (шантаж, завуалированные угрозы, запугивание) добавляется физическое насилие (может быть, даже убийство), значит, извращенная игра вышла из-под контроля, так как агрессор предпочитает убивать косвенно или, точнее, доводить противника до самоубийства.

Враждебность появляется не в моменты раздражения или приступов. Она присутствует постоянно,

проявляясь в виде мелких укулов, каждый день или несколько раз в неделю, в течение месяцев и даже лет. Она выражается не в гневном, а в холодном тоне, которым излагают правду или очевидные вещи. Извращенный человек знает, как далеко он может зайти, но он умеет ограничивать свое насилие. Если он чувствует, что жертва начинает реагировать, то ловко дает задний ход. При свидетелях агрессия поступает маленькими дозами. Если жертва реагирует на провокацию и попадает в ловушку, повышая голос, именно она кажется агрессивной, а агрессор изображает из себя жертву.

Намеки делаются таким образом, что только в памяти жертвы восстанавливаются ситуации, к которым эти намеки отсылают. Нередко судьи, которым приходится иметь дело с запутанными ситуациями, например в случае развода, несмотря на недоверие и предосторожности, сами оказываются в замешательстве, а значит, ими тоже можно манипулировать.

Это явление профессор Эмиль Кокарро в своей работе по изучению биологии агрессивности определил как хищническая агрессивность. Здесь можно говорить о людях, которые выбирают свою жертву и заранее обдумывают свои атаки, почти так же, как это делает хищник со своей добычей. Агрессия — только инструмент, позволяющий получить то, чего человек хочет.

Такое насилие асимметрично. При симметричном насилии оба противника соглашаются на конфронтацию и сражаются. Здесь, напротив, тот, кто является зачинщиком насилия, изначально считает, что он превосходит противника, а тот, кто испытывает насилие на себе, обычно с этим соглашается.

Рейнальд Перрон¹ назвал этот тип незаметного насилия «наказание насилием». В этом случае не бывает ни передышек, ни примирений, такое насилие скрыто, интимно, не видно окружающим. Ни один из противников никому не рассказывает о нем. Тот, кто причиняет страдания партнеру, считает, что последний заслуживает такого отношения и не имеет права жаловаться. Если жертва сопротивляется и тем самым перестает быть послушной вещью, ее поступки воспринимаются как угроза или агрессия. Тот, кто с самого начала был инициатором насилия, выставляет себя жертвой. Чувство вины останавливает защитную реакцию жертвы. На любую реакцию, содержащую эмоции или страдание, агрессор отвечает эскалацией насилия или отвлекающим маневром (безразличием, притворным удивлением и т. д.).

Происходящий процесс напоминает возникновение взаимной фобии: вид жертвы вызывает у извращенного человека холодную ярость; вид своего преследователя рождает у жертвы страх.

Если извращенный человек выбрал себе жертву, он уже ее не отпустит. Часто он открыто признает: «Отныне цель моего существования — испортить ему жизнь». И он старается претворить это в реальность.

Однажды начавшись, этот циклический процесс не может прекратиться, так как степень патологии каждого участника растет: извращенные люди становятся все более грубыми и несдержанными, жертвы — все более беззащитными и обиженными. Нет никаких реальных внешних доказательств того, что

¹ R. Perrone et M. Nannini, *Violence et abus sexuels dans la famille*, ESF, Paris, 1995.

происходит на самом деле. Когда насилие носит физический характер, его можно зафиксировать документальными свидетельствами: медицинскими заключениями, показаниями очевидцев, полицейскими протоколами. Извращенная агрессия никак себя не проявляет. Это «аккуратное» насилие. Все остается в тайне.

Как загнать противника в угол

В стадии извращенного воздействия агрессор своими действиями старался в основном подавить способность жертвы трезво мыслить. В следующей стадии он добивается того, чтобы она чувствовала и действовала в соответствии с его приказаниями.

Если противник обладает достаточно извращенными защитными механизмами, чтобы переиграть агрессора, он начинает свою борьбу, которая может закончиться только капитуляцией наименее извращенного из двоих.

Извращенный человек подталкивает жертву к тому, чтобы та противостояла ему, чтобы впоследствии объявить ее «плохой». Важно, чтобы жертва выглядела виновной в том, что с ней происходит. Агрессор пользуется слабостями противника: склонностью к депрессии, истеричностью или вспыльчивостью — чтобы представить его в неправильном свете и заставить дискредитировать себя самого. Заставить жертву ошибиться — значит получить повод критиковать или унижать ее, но главное — это понижает самооценку противника, а стало быть, усиливает его чувство вины.

Если жертве не хватает самообладания, достаточно провокации или выражения пренебрежения, чтобы добиться реакции, за которую ее впоследствии можно будет упрекнуть. Например, если реакцией был приступ гнева, то извращенный человек сделает так, чтобы все заметили агрессивное поведение жертвы, вплоть до того, что очевидцы даже могут вызвать полицию. Известны случаи, когда извращенные люди подталкивали партнеров к самоубийству: «Моя бедная девочка, тебе нечего ждать от жизни. Не понимаю, как ты еще не выбросилась из окна!» Впоследствии агрессору легко выставить себя жертвой душевнобольного человека.

В присутствии человека, который действует на жертву парализующе, она чувствует себя загнанной в угол и вынуждена сопротивляться. Но, скованная по рукам и ногам властью агрессора, она может решиться на это только в отчаянном рывке к свободе. Сторонний наблюдатель склонен считать любой импульсивный поступок, особенно отчаянный, патологическим. Тот, кто отвечает на провокацию, кажется ответственным за конфликт. Ведь по мнению извращенного партнера, виновна жертва, и стороннему наблюдателю сама жертва кажется агрессором. Стороннему наблюдателю невдомек, что жертва находится в ситуации, когда уже невозможно больше соблюдать *modus vivendi*, ставший для нее ловушкой. Она поймана в двойной капкан и, что бы ни сделала, не может выбраться из него. Если жертва сопротивляется, она превращается в зачинателя конфликта. Если не сопротивляется, то позволяет подвергать себя смертельному разрушению.

Извращенному эгоистичному человеку доставляет столько удовольствия указывать партнеру на его слабости, пускать в ход насилие, доводить жертву до осуждения самой себя. Агрессор отнимает у нее гордость. Как только жертва выказывает первые признаки сопротивления, на нее наклеивают ярлыки (например, вспльчивого человека, алкоголика, душевнобольного, склонного к самоубийству). Это обезоруживает жертву, и она старается оправдаться, как если бы на самом деле была виновата. Извращенный человек получает двойное удовольствие: сначала вводя в заблуждение или унижая свою жертву, а затем напоминая ей об унижении. Жертва вновь переживает все это, а агрессор извлекает выгоду из данной ситуации, не преминув переиграть ее в свою пользу.

Поскольку ничего не было сказано и не прозвучало ни единого упрека, невозможно и оправдаться. Чтобы найти выход из этого невыносимого положения, жертва сама может начать действовать, используя недомолвки и манипуляции. Отношения становятся двусмысленными: кто является агрессором, а кто жертвой? В идеале извращенный человек стремится к тому, чтобы противник стал «плохим», что сделало бы злость его обычным состоянием, которое к тому же заметили бы все окружающие. Он старается передать партнеру все, что есть плохого в нем самом. Развратить жертву — вот высшая цель. Наибольшее удовлетворение агрессор получает, когда заставляет жертву стать разрушительницей в свою очередь или подталкивает нескольких людей к взаимному уничтожению.

Люди, извращенные сексуально или извращенно самовлюбленные, стараются вовлечь других людей в свой круг и затем вынудить их нарушать нормы приличия. Их разрушительная сила во многом зависит от пропаганды, с помощью которой они показывают окружающим, что тот, кого они подвергают агрессии, является настолько «плохим», что совершенно естественно обвинять его в этом. Иногда им это удается и они приобретают союзников, которых заставляют нарушать их моральные принципы с помощью насмешек или презрения к моральным устоям.

Извращенный человек терпит поражение, когда ему не удастся уподобить себе других людей, а значит, это единственный способ остановить распространение процесса извращенного насилия.

Агрессор

Любой человек, находясь в кризисе, иногда вынужден использовать для своей защиты извращенные способы. Черты самовлюбленности (эгоцентризм, желание, чтобы вами восхищались, нетерпимость к критике) в достаточной степени присущи многим; тем не менее эти качества не являются патологическими. Впрочем, всем нам приходилось манипулировать другими людьми, чтобы добиться превосходства, и случалось испытывать мимолетную разрушительную ненависть. Но отличие нормальных людей от извращенных в том, что эти чувства или поступки являлись лишь мимолетной реакцией, а за ними следовали сожаление или угрызения совести. Любой человек, страдающий неврозом, осознает свою целостность через внутренние конфликты. Понятие «извращенность» подразумевает стратегию использования, а затем уничтожения другого человека без всякого чувства вины.

Многие психоаналитики считают нормальным присутствие некоторой извращенности в каждом человеке: «Мы все полиморфны и извращены!»

Они ссылаются на извращенные качества, присущие любому невропату и служащие ему защитой. Сущность извращенного самовлюбленного агрессора заключается только в удовлетворении его разрушительных побуждений.

Извращенная самовлюбленность

Слово *perversion* (извращение) появилось во французском языке в 1444 году (от латинского *pervertere* — переворачивать, переставлять) и определялось как замена хорошего на плохое. В настоящее время слово *извращенный* имеет скорее нравственный смысл.

В XIX веке психиатры заинтересовались извращенностью в медико-юридическом плане: они пытались добиться оправдания извращенных людей без признания их душевнобольными. В то время они определяли извращенность как отклонение инстинктов (социальных, моральных, инстинктов питания и т. д.) от нормы.

В 1809 году Пинель объединил в понятие *мания без помешательства* патологии, связанные с различными инстинктами: извращения, антиобщественное поведение, пироманию, kleптоманию и т. д. В дальнейшем Крафт-Эбинг сосредоточит интерес на сексуальных извращениях.

Термин *нарциссизм* впервые появился у Фрейда в 1910 году и был связан с гомосексуальностью. Затем он отделил первичный нарциссизм от вторичного. Понятие первичного нарциссизма широко варьируется в психоаналитической литературе.

Мы не будем спорить по этому поводу, но надо заметить, что Фрейд в первых строках работы «Введение в понятие нарциссизма» заявляет, что позаимствовал термин у П. Наке (1899), который использовал его для описания извращенности. В действительности Наке использовал слово *Narzissmus*, но только с целью прокомментировать взгляды Х. Эллиса, который в 1898 году первым описал извращенное поведение в связи с мифом о Нарциссе¹.

Если Фрейд и признавал существование других побуждений, кроме сексуальных, он не связывал их с извращенностью. В прилагательном *извращенный*, которое соответствует как существительному *извращенность*, так и существительному *извращение*, содержится некоторая двусмысленность. С точки зрения психоанализа извращение — это отклонение от полового акта, называемого коитус, целью которого является достижение оргазма посредством вагинального проникновения, тогда как извращенностью называют характер и поведение некоторых людей, выражающееся в жестокости или в особенной злобности. Ж. Бергерет² разделяет извращения характера, свойственные людям, страдающим извращенностью, и сексуальные извращения.

Психоаналитик П.-К. Ракамье³ одним из первых выработал концепцию об извращенно самолюбленных людях. Другие авторы, в том числе

¹ J. Laplanche et J.-B. Pontalis, *Vocabulaire de la psychanalyse*, PUF, Paris, 1968.

² J. Bergeret, *La Personnalité normale et pathologique*, Bordas, Paris, 1985.

³ P.-C. Racamier, «Pensée perverse et décervelage», in «Secrets de famille et pensée perverse», *Gruppo* n° 8, éditions Apsygée, Paris, 1992.

Альберто Эгюе¹, в дальнейшем постарались дать этому явлению определение: «Извращенно самовлюбленными людьми являются те, которые пытаются построить отношения с другим индивидуумом, основанные на осознании собственной значимости, при этом особенно нападая на нарциссическую сущность партнера с целью обезоружить его. Они уязвляют самолюбие партнера, разрушают его веру в себя, самоуважение, лишают уверенности в себе. В то же время они стараются каким-то образом заставить партнера поверить в то, что его зависимости от них нет альтернативы и что партнер сам желает установления такой зависимости».

Извращенно самовлюбленных людей считают психопатами без симптомов, достигающих душевного равновесия, перекидывая на плечи партнера страдание, которого сами не чувствуют, и внутренние противоречия, которые отказываются замечать. Они не делают зла «нарочно», они причиняют зло, поскольку не умеют существовать иначе. Их самих в детстве обижали, и, действуя таким образом, они пытаются поддерживать свое существование. Этот перенос страданий позволяет им самоутвердиться за счет другого человека.

Нарциссизм

Извращенная самовлюбленность заключается в совершении самовлюбленной личностью извращенных действий.

¹ А. Eguier, *Le Pervers narcissique et son complice*, Dunod, Paris, 1996.

В справочнике Управления естественных наук международной классификации умственных болезней среди расстройств личности извращенная самовлюбленность не значится. В разделах сексуальных расстройств в расчет принимаются только сексуальные извращения.

Самовлюбленный человек описывается следующим образом (должен соответствовать хотя бы пяти следующим факторам):

человек обладает преувеличенным чувством собственной значимости;

поглощен мыслями о безграничном успехе, власти;

думает о себе как об избранном и неповторимом;

испытывает чрезмерную потребность в восхищении собой;

считает, что все ему обязаны;

эксплуатирует другого человека в межличностных отношениях;

у него отсутствует чувство сострадания;

часто завидует другим;

допускает высокомерное отношение и поведение по отношению к другим людям.

Описание нарциссической патологии, сделанное Отто Кернбергом в 1975 году, очень близко к тому, которым пользуются в настоящее время при определении извращенной самовлюбленности¹: «Характерными особенностями самовлюбленных людей являются чувство собственного величия,

¹ О. Kernberg, «La personnalité narcissique», in *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*, New York, 1975 (Privat pour la traduction française).

чрезмерный эгоцентризм, полное отсутствие сострадания к другим людям, хотя при этом они и жаждут восхищения и одобрения. Эти пациенты испытывают сильную зависть к тем, кто, как им кажется, обладает чем-либо, чего нет у них, или же к тем, кто, на их взгляд, получает удовольствие от жизни. Им не просто не хватает эмоциональной глубины и способности понять сложные эмоции других людей, но их собственные чувства остаются неизменными и могут сопровождаться лишь короткими вспышками с последующим затуханием. В частности, им неизвестны подлинные чувства горя или потери; эта неспособность испытывать чувство подавленности — основная черта их личности. Когда от них уходят или разочаровывают их, они на первый взгляд могут казаться подавленными, но при внимательном рассмотрении можно понять, что они скорее испытывают гнев или желание отомстить, чем подлинную грусть от потери человека, в котором нуждались».

Нарциссом, таким, о котором говорится в поэме Овидия¹, является тот, кто считает, что нашел себя, глядя в зеркало. Его жизнь состоит в том, чтобы искать свое отражение в глазах других людей. Эти люди существуют для него не в качестве личностей, а в качестве зеркала. Нарцисс — это пустая оболочка, которая сама по себе не существует; это «получеловек», пытающийся создать иллюзию, чтобы спрятать свою пустоту. Его судьба — лишь попытка избежать смерти. Этот человек, которого никогда не считали за человека, вынужден

¹ Ovide, *Les Métamorphoses* (traduction G. Lafaye), Paris, Gallimard.

играть в игру с зеркалом, чтобы поверить в свое существование. Эта игра, как в калейдоскопе, повторяется и учащается, но напрасно — человек остается пустым.

Переход к извращенности

Нарцисс, не имеющий своей сущности, стремится соединиться с другим человеком и, как пиявка, высосать его жизнь. Поскольку такой человек не способен к нормальным отношениям, он может строить их только извращенным способом, основанным на разрушительной злобе. Извращенные люди, бесспорно, ощущают чрезвычайное наслаждение (жизненно им необходимое, при виде страданий и сомнений партнера) от использования, а затем и от уничтожения человека.

Все начинается и объясняется пустотой Нарцисса, который есть отраженная конструкция, а не реальный человек. Он не имеет внутри ничего, так же как робот только имитирует внешность и функции живого человека. Сексуальная распущенность или злоба являются только неизбежными последствиями этой пустой оболочки. Как вампир, пустой внутри Нарцисс вынужден питаться сущностью другого человека. Когда нет своей жизни, нужно попытаться присвоить себе чужую, а если это невозможно, уничтожить ее, чтобы не было жизни ни у кого.

Извращенно самовлюбленные люди целиком поглощены своим партнером, без которого не могут обойтись. Партнер не является двойником Нарцисса, что предполагало бы его существование как

человека, он просто отражение. Отсюда чувство отсутствия индивидуальности, которое часто испытывают жертвы. Жертва является не самостоятельным человеком, а только отражением. Любая ситуация, ставящая под сомнение эту систему зеркальных отражений, маскирующих пустоту, может повлечь за собой вспышку разрушительной ярости. Извращенно самовлюбленные люди — просто механизмы, напрасно ищущие свое отражение в зеркале партнера.

Они бесчувственны, неэмоциональны. Что может чувствовать машина? Поэтому они не страдают. Страдать — значит существовать, быть живым. У них нет собственной жизненной истории, потому что они не жили. Только живые люди могут иметь собственный жизненный путь. Если бы извращенно самовлюбленные люди могли ощущать страдание, не все было бы потеряно. Но это были бы уже другие люди, они не могли бы существовать как прежде.

Мания величия

Извращенно самовлюбленные люди — это люди, страдающие манией величия, считающие себя образцом для подражания, эталоном правдивости, мериллом добра и зла. Они часто имеют ханжеский, надменный или отчужденный вид. Даже тогда, когда они молчат, партнер чувствует себя виноватым. Они кичатся своими безупречными нравственными ценностями, которые вводят других в заблуждение. Они отказываются верить в человеческую доброжелательность.

У них полностью отсутствует интерес и сочувствие к другим людям, но они хотят, чтобы другие проявляли интерес к ним. Они считают, что все им обязаны. Они всех критикуют, но не признают никаких обвинений и упреков в свой адрес. Под таким давлением жертва неизбежно совершает ошибки. Указывая на чужие ошибки и не замечая собственных, эти люди защищаются от страхов психопатического характера.

Извращенные люди вступают в отношения с другими людьми, чтобы их обольстить. О них часто говорят как об обворожительных и привлекательных людях. Как только рыбка поймана, надо просто удерживать ее на крючке столько, сколько нужно. Другого человека не существует, его не видят и не слышат, он просто «полезен». В извращенной логике нет понятия уважения партнера.

Извращенное обольщение абсолютно неэмоционально, так как сам принцип извращенного образа жизни состоит в том, чтобы избегать любой привязанности. Это делается для того, чтобы не дать застигнуть себя врасплох. Извращенным личностям не интересны сложные эмоции других людей. Им безразличен сам партнер и его отличие от них, за исключением случаев, когда они чувствуют, что это отличие может расстроить их планы. Партнер полностью отрицается как личность, его мысли и поведение должны соответствовать тому представлению, которое имеют о мире извращенные люди.

Сила извращенных людей в их бесчувственности. Им незнакомы угрызения совести. Они не страдают. Они нападают безнаказанно, и даже если

партнер использует в ответ извращенные способы защиты, ему никогда не достичь той виртуозности, которая могла бы защитить его.

Извращенные люди могут увлечься каким-либо человеком, делом или идеей, но эти вспышки бывают лишь поверхностными. Таким людям неизвестны истинные чувства, как грусть или горе. Разочарования вызывают у них гнев или желание отомстить. Этим объясняется та разрушительная ярость, которая овладевает ими во время разрыва отношений. Когда извращенному человеку наносят обиду, затрагивающую его самолюбие (отвергают, бросают), он ощущает безграничное желание отомстить. Это не мимолетная и бездумная реакция, как у вспыльчивых людей, это перманентная злопамятность, которой извращенный человек отдает все свои умственные способности.

Извращенные люди, как все параноики, стремятся сохранять достаточную эмоциональную дистанцию, чтобы не привязаться к человеку по-настоящему. Интенсивность их нападков напрямую связана с тем, насколько жертва или сторонний наблюдатель способны заподозрить отсутствие всякого сочувствия и сострадания к другим людям.

Вампиризм

Партнер ценен не как человек сам по себе, а каким-либо своим качеством, которое извращенные люди стараются присвоить себе. Извращенные люди поглощают энергию тех, кто поддался их обаянию.

Они пытаются завладеть вожделенным самолюбием партнера, захватывая его психологическое пространство.

Проблема извращенно самовлюбленных людей состоит в том, что им необходимо заполнить свою пустоту. Не имея смелости бороться с этой пустотой (что могло бы излечить такого человека), Нарцисс проецирует собственное «я» на своего противника. Он извращен в первом значении этого термина: он старается не замечать своей пустоты, тогда как неизвращенный человек борется с этой пустотой. Отсюда любовь и ненависть Нарцисса к матери, наиболее яркой личности в его внутреннем мире. Нарцисс нуждается в плоти и душе другого человека, чтобы наполнить себя самого. Но он не способен поглотить сущность другого человека, так как изначально сам не располагает той сущностью, которая позволила бы ему принять в себя, удержать и сделать своей сущность партнера. Эта сущность становится его злейшим врагом, поскольку подчеркивает пустоту его самого.

Извращенно самовлюбленные люди испытывают сильнейшую зависть к тем, кто, как им кажется, имеет нечто, чего у них нет, или же просто получают удовольствие от жизни. Присвоение может носить и социальный характер, так, извращенный человек может обольстить партнера, который способен ввести его в определенный социальный круг, пребыванию в котором завидует извращенный человек, например в высшее буржуазное общество, сферу людей науки или искусства и т.д. Польза от этого — обладание партнером, который может помочь добиться власти.

В дальнейшем извращенные люди, для того чтобы повысить собственную значимость, начинают атаковать самолюбие партнера, его веру в себя. Постепенно они завладевают самолюбием партнера.

По причинам, которые зависят от жизненного опыта, извращенные люди не могут реализовать себя на первых этапах своей жизни. Они с завистью следят за людьми, обладающими определенными качествами для самореализации. Они пытаются разрушить счастье тех, кто не обращает внимания на них. Извращенные люди являются пленниками раз и навсегда установленных способов защиты и пытаются разрушить свободу других людей. Не позволяя себе наслаждаться полнотой жизни, они пытаются помешать наслаждаться ей и другим людям, даже собственным детям. Не умея любить, они пытаются разрушить своим цинизмом простоту естественных отношений.

Извращенно самовлюбленные люди могут быть довольны собой, только если одержат победу над другим человеком и уничтожат его, что даст им возможность почувствовать свое превосходство. Они наслаждаются чужими страданиями. Чтобы самоутвердиться, они должны уничтожить.

У них обострено критическое мышление, и они постоянно критикуют всех и вся. Таким образом они убеждаются в своей всемогущности: «Если все кругом — ничтожество, значит, я точно лучше их!»

Основная движущая сила извращенных людей — это зависть, жажда присвоения. Зависть — это алчное чувство, злобное раздражение при виде чужого счастья или чужих преимуществ. Образ мыслей завистников изначально агрессивен, в основе его лежит восприятие действительности по принципу: другой

человек обладает чем-то, а я этого лишен. Такое восприятие субъективно и даже может оказаться навязчивым. Зависть имеет два полюса: эгоцентризм, с одной стороны, и недоброжелательность, сопровождающаяся желанием причинить вред другому человеку, с другой. Это предполагает чувство неполноценности по сравнению с человеком, который обладает тем, чего страстно желает агрессор. Завистнику нестерпимо видеть материальные или моральные блага, которые имеет другой человек, но его желание уничтожить эти блага гораздо сильнее, чем желание завладеть ими. Если бы он их получил, то не знал бы, что с ними делать. Он не обладает необходимыми качествами для этого. Чтобы сократить расстояние, отделяющее завистника от предмета его вождления, достаточно унижить другого человека, обесценить то, чем он владеет. Таким образом, противник наделяется демоническими или колдовскими чертами.

Больше всего извращенные люди завидуют именно *жизни* партнера. Они завидуют чужому успеху, который противопоставляют собственному ощущению якобы пережитой неудачи, поскольку они недовольны другими людьми так же, как недовольны собой; все идет не так, как им хотелось бы, все запутано, все бросает вызов. Они навязывают остальным свое пренебрежительное видение мира и людей и хроническую неудовлетворенность жизнью. Они гасят любое проявление энтузиазма вокруг себя, стараются доказать, что этот мир плох, что плохи другие люди, что плох партнер. Своим пессимизмом они вводят партнера в депрессию, чтобы потом его же в этом и упрекнуть.

Желания партнера, его жизненная сила подчеркивают их отсутствие у агрессора. Именно поэтому чаще всего жертвами завистников становятся люди, полные энергии и имеющие вкус к жизни; агрессоры будто стараются завладеть хоть частью этой жизненной силы. Порабощение, подчинение жертвы своим требованиям, зависимость, которую они создают, обеспечивают их неоспоримыми свидетельствами реальности этого присвоения.

Присвоение является логическим продолжением зависти.

Блага, о которых идет речь, редко бывают материальными. Это в основном нравственные качества, которые трудно украсть: радость жизни, чувствительность, легкость общения, изобретательность, способности к музыке или литературе и т. д. Когда партнер высказывает какую-либо идею, случается так, что эта идея уже не принадлежит ему, а становится идеей извращенного человека. Если бы завистник не был ослеплен ненавистью, он мог бы с помощью взаимовыгодных отношений развить в себе некоторые из этих способностей. Но подобные отношения предполагают наличие в человеке чувства меры, которым извращенные люди не обладают.

Извращенно самовлюбленные люди присваивают страстность партнера в той степени, в какой они сами испытывают страсть к партнеру, или, точнее, партнер им интересен в той мере, в какой он обладает чем-то, к чему они могли бы испытывать страсть.

Таким образом, сначала они страстно желают обладать человеком, а потом жестоко и безвозвратно его отталкивают. Окружающие не могут понять,

как можно в один день вознести человека до небес, а на следующий день уничтожить его, ничем это не обосновывая. Извращенные люди поглощают позитивную энергию тех, кто их окружает, впитывают ее и набираются сил, а затем избавляются от своей негативной энергии, выплескивая ее на других.

Жертва отдает огромное количество энергии, но агрессору ее всегда недостаточно. Извращенно самовлюбленные люди никогда не бывают удовлетворены, поэтому они всегда представляют себя в виде жертвы, всегда считая виноватой свою мать (или человека, на которого проецируют образ своей матери). Извращенные люди преследуют своего партнера, чтобы выйти из положения жертвы, которое познали в детстве. Во взаимоотношениях извращенного человека со своим партнером этот образ жертвы обольщает партнера, у которого возникает желание утешить, возместить ущерб, в чем впоследствии его же и обвинят. После разрыва отношений извращенные люди играют роль брошенной жертвы, что позволяет им обольстить нового партнера и найти утешителя в его лице.

Уход от ответственности

Извращенные люди не могут в полной мере испытать чувство ответственности, поскольку у них нет подлинного ощущения себя как личности. И так как они не существуют для самих себя, то не существуют и для других людей. Когда они обвиняют в чем-либо других людей, в глубине души они не обвиняют, а констатируют факт: поскольку сами они

ни за что не несут ответственности, нужно, чтобы эту ответственность несли другие. Они перекалывают вину на плечи другого человека, злословят на его счет, добиваются того, чтобы этого человека считали плохим. А сами не только остаются в стороне, но и оправдывают себя. Они никогда не берут на себя ответственность или вину за какое-либо действие: во всем, что происходит не так, как нужно, виноваты другие.

Они защищают себя при помощи методов проекции, то есть корят другого человека во всех своих трудностях и неудачах и никогда не обвиняют себя. Еще один способ защиты — отрицание действительности. Они скрывают свою психическую боль, которую преобразуют в негативное отношение ко всему. Таким отрицанием они пользуются постоянно, даже в мелочах повседневной жизни, даже если действительность доказывает обратное. Страдания исключаются, сомнения тоже. Значит, их должны испытывать другие. Проявление агрессии по отношению к другим людям является способом избежать горя, боли, депрессии.

Извращенно самовлюбленным людям трудно принимать решения в обычной жизни, поэтому они нуждаются в том, чтобы кто-то другой взял на себя ответственность вместо них. Они не самодостаточны, не могут обходиться без другого человека, что заставляет их как бы приклеиваться к нему из боязни расставания; однако при этом они считают, что партнер сам добивается такой зависимости. Подобные люди отказываются видеть то, с какой жадностью они цепляются за партнера, так как следствием этого могло бы быть ухудшение их собственной

самооценки. Это объясняет насилие по отношению к слишком доброжелательному или мирящемуся со всем партнеру. Если же тот, наоборот, независим, то его считают недоброжелательной и отталкивающей личностью.

Агрессор чувствует неудобство или беспомощность, когда остается один, и всеми силами старается получить поддержку и опору у других людей. Кроме того, ему трудно начинать какое-либо дело и совершать его в одиночку. Он добивается негативного отношения к себе со стороны партнера, потому что это лишний раз доказывает, что жизнь является именно такой, какой он ее себе представлял. Но когда отношения с партнером прекращаются, он немедленно приступает к поиску другого партнера, который мог бы обеспечить ему необходимую поддержку.

Паранойя

Извращенные люди склонны к нравочениям: они учат порядочности других людей. В этом они похожи на параноиков.

Параноидная личность характеризуется:

гипертрофированным самолюбием: гордыней, чувством собственного превосходства над другими; психической негибкостью (упрямством, нетерпимостью, холодной рациональностью, трудностями в проявлении позитивных эмоций, презрением по отношению к другим людям);

недоверием, преувеличенной боязнью агрессии со стороны других людей, подозрительностью, завистью;

представлением себя жертвой недоброжелательности других людей;

необъективностью суждений — нейтральные события интерпретируются как направленные против них.

Однако, в отличие от параноика, извращенный человек, если он хорошо знает законы и правила жизни в обществе, играет по этим правилам, чтобы в какой-то момент с легкостью их обойти. Он делает это для того, чтобы озадачить жертву, показав ей, что ее система нравственных ценностей не действует, и вынудить ее пользоваться извращенной этикой.

Параноики захватывают власть силой, тогда как извращенные люди делают это при помощи обольщения, но, когда обольщение больше не действует, они могут прибегнуть и к силе. Стадия насилия сама по себе является механизмом параноидной декомпенсации: противник должен быть уничтожен, поскольку он опасен. Нужно напасть первым, пока не напали на тебя.

Как мы видим, извращенная самовлюбленность является средством, с помощью которого можно избежать тревоги, проецируя наружу все плохое и неприятное. Речь здесь идет о защите от психического распада личности. Нападая на другого человека, извращенные люди прежде всего хотят защитить себя. Там, где может появиться чувство вины, рождается невыносимая тревога психопатического характера, которая с помощью насилия проецируется на жертву. Таким образом, жертва становится средоточием всего, что не приемлет агрессор.

Поскольку извращенные люди, чтобы защититься, с детства приучаются отделять здравомыслящую

часть своей сущности от обиженной, то и в дальнейшей жизни это двуличие имеет место. Их мир разделен на две половины: хорошую и плохую. Проецирование всего плохого на кого-то другого позволяет им чувствовать себя лучше и обеспечивает относительную стабильность. Так как они чувствуют беспомощность, то боятся всеисилия, которое приписывают другим. Почти с маниакальной убежденностью они отказываются доверять другим людям, обвиняя их в недоброжелательности, которая является лишь проекцией их собственной недоброжелательности.

Если этот метод работает, ненависти, спроецированной на человека, ставшего теперь жертвой, достаточно для уменьшения внутреннего напряжения извращенного человека, что позволяет ему быть приятным собеседником с другими людьми. Отсюда удивление и даже неверие людей, узнающих об извращенном поведении близкого им человека, которого до сих пор они знали только с положительной стороны. Свидетельства жертвы кажутся невероятными.

Жертва

Кто становится жертвой

Человек становится жертвой потому, что агрессор предназначил ему эту роль. Человек становится виновным во всем, что случается с агрессором. С этого момента жертва становится объектом насилия и избавляет агрессора от депрессии и самобичевания.

Человек, подвергающийся реальной агрессии, не несет ответственности за то, что его избрали жертвой. Между тем в этом его подозревают даже очевидцы этой агрессии. Все происходит так, словно жертва виновна по определению. В представлении людей жертва молчаливо соглашается с агрессией, то есть сознательно или нет является пособником агрессора.

Согласно Рене Жирану¹, в примитивных обществах соперничество между племенами порождало ситуации недифференцированного насилия, которое распространялось благодаря миметизму², и заканчивалось серией жертвоприношений, приводящих

¹ R. Girard, *La Violence et le Sacré*, Grasset, Paris, 1972.

² Миметизм — подражание сильному; в биологии — одна из форм мимикрии — сходства внешнего вида или поведения нехищного,

к устранению, то есть к смерти человека или группы людей, которых считали виновниками насилия. Смерть виновников влекла за собой исчезновение насилия и возведение жертв в ранг святых. В наше время жертв больше не канонизируют, но, не имея возможности казаться невинными, они могут казаться слабыми. Распространено мнение, что человек становится жертвой из-за своей слабости или недостатков, то есть из-за своей предрасположенности к такому состоянию. Мы увидим обратное: жертвы становятся таковыми из-за своих достоинств, которые агрессор старается присвоить.

Почему же выбрали именно их?

Потому что они оказались рядом и так или иначе причинили агрессору неудобство. Агрессор не замечает особенностей своих жертв. Это взаимозаменяемые объекты, которые находятся в нужном месте в подходящий/неподходящий момент и которые допускают ошибку, позволив обольстить себя или показав себя чересчур здравомыслящими. Такие люди представляют интерес для извращенного человека, только когда могут оказаться полезными для него и поддаются его обольщению. Как только они ускользают или им нечего больше отдать агрессору, они становятся объектом его ненависти.

Для агрессора жертва — только вещь и неважно, какая она на самом деле. Тем не менее агрессор избегает тех, кто может представлять для него

неядовитого или съедобного животного одного вида с хищным, ядовитым, несъедобным или защищенным иным образом животным другого вида. Например, сходство кукушки с ястребом, бабочки-стекляницы — с осами, бабочки-пестрянки — с жуками-нарывниками.

опасность. Он также тщательно избегает противостояния с другими извращенно самовлюбленными людьми или параноиками, похожими на него. Если извращенные люди и параноики объединяются, то только для того, чтобы удесятерить то разрушительное действие, которое их агрессия причиняет избранной жертве. Наиболее часто это случается в коллективах и на предприятиях. Намного интереснее унижать или насмехаться над кем-либо в присутствии зрителей, которые могут подбодрить! Однако, даже не имея сообщников, извращенные люди нередко получают молчаливое одобрение очевидцев, на которых сначала они оказывают стабилизирующее влияние, а затем с большим или меньшим успехом убеждают в правомерности своих действий.

Смысл извращенной атаки состоит в том, чтобы затронуть чувствительные струны жертвы, те области ее существования, где есть какая-либо слабость или патология. Как альпинист цепляется за трещины в скале, чтобы лезть дальше, так и извращенные люди пользуются чужими слабостями. У них сильно развита интуиция, благодаря которой они находят слабые стороны противника, и тогда им становится легче причинить жертве зло или нанести обиду. Слабой стороной жертвы может быть и некое качество, которое она отказывается в себе видеть. Это может быть симптом, который жертва старается не замечать, минимизировать, а извращенная агрессия со стороны лишь усиливает это качество. Извращенная атака в этом случае носит характер болезненного разоблачения.

Извращенное насилие сталкивает жертву лицом к лицу с ее слабостью, с забытыми душевными травмами, полученными в детстве. Оно пробуждает тот разрушительный импульс, который в зародышевом состоянии живет в каждом человеке. Извращенные люди стараются найти в противнике зародыш саморазрушения, который затем надо активировать, оказывая дестабилизирующее влияние во время общения. Отношения с извращенным человеком действуют на жертву как кривое зеркало. Высокая самооценка превращается в нелюбовь к самому себе.

Говорить о том, что жертва является пособницей своего агрессора, не имеет смысла, так как жертва, находясь под влиянием агрессора, психологически не может поступать иначе. Ее воля парализована. Тот факт, что она пассивно участвует в этом процессе, не меняет ее положения жертвы: «Я жила с человеком, который меня не любил, он считал, что в этом моя вина; я не замечала, как он меня обманывает, значит, для меня это тоже было выгодно; но расставаться со мной не входило в его планы, и он не мог привыкнуть к этой мысли. Даже если теперь я понимаю, что я не была прямым адресатом его действий, я все-таки считаю, что это была страшная моральная агрессия, попытка психологического убийства».

Сама по себе жертва не имеет склонности к мазохизму или депрессии. Извращенные люди используют те зачатки депрессивности или мазохистских наклонностей, которые присущи каждому.

Как отличить мазохистскую покорность от состояния депрессии, в котором находится жертва извращенного человека?

Мазохизм ли это?

Что поражает с первого взгляда, так это то, с какой обреченностью жертвы соглашаются со своей участью.

Как мы уже видели, речи извращенных самолюбленных людей носят тоталитарный характер, в них отрицается личность партнера. Можно задать вопрос, почему идея этих речей принимается жертвой и укореняется в ней. Почему, даже когда действительность опровергает эти слова, жертвы продолжают на них ссылаться? Мы уже сказали, что жертвы психологически связаны по рукам и ногам. Если их используют, то не потому, что они сами этого хотят.

Фрейд различал три формы мазохизма: эрогенный, женский и моральный¹. Моральным мазохизмом является активный поиск неудач и страданий для того, чтобы удовлетворить жажду наказания. Согласно критериям Фрейда, мазохистский склад характера заключается не только в том, чтобы получать удовольствие от страданий, напряженности, мучений, трудностей жизни, но также и от возможности жаловаться и быть пессимистом. Поведение такого человека притягивает неудачи и вызывает антипатию у окружающих. Он не умеет наслаждаться жизнью. Это описание соответствует скорее самим извращенным людям, чем их жертвам, которые, напротив, кажутся процветающими, полными жизни оптимистами.

¹ S. Freud, *Le Problème économique du masochisme*, PUF, Paris, 1924.

Однако многие психоаналитики склонны рассматривать любую жертву извращенной агрессии как скрытую пособницу своего палача, установившую с ним садомазохистские отношения, являющиеся источником удовольствия.

При садомазохистских отношениях, соответствующих по Фрейду эрогенному мазохизму, оба партнера находят удовольствие в проявлениях агрессивности, очевидцами которых они являются. Это великолепно показано в пьесе американского драматурга Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?» (1962). В ней присутствует скрытая симметрия, в которой каждый находит свою выгоду и имеет возможность при желании выйти из игры.

Действие извращения состоит в том, чтобы уничтожить все проявления либидо. Однако либидо — это жизнь. Значит, нужно уничтожить все проявления жизни, любых желаний, даже желания сопротивляться.

В отношениях с извращенным человеком нет симметрии, а существует господство одного индивида над другим, и подчиненный человек не имеет возможности сопротивляться и прекратить поединок. В этом случае речь действительно идет об агрессии. Предварительно подчинив себе жертву, агрессор лишает ее воли противостоять агрессии, сказать решительное «нет». Невозможны никакие переговоры, все навязано волей агрессора. В жертве активировали долю мазохизма, присущую каждому человеку. Она оказалась втянута в деструктивные отношения и не знает способа избежать их. Ее привязали с помощью ее же слабостей, вне зависимости от того, присущи ей эти слабости изначально

или же они возникли в ответ на агрессию. «Каждый человек колеблется между стремлением к независимости, господству, ответственности и инфантильным желанием находиться в состоянии зависимости, безответственности, а значит, невинности»¹. Основная ошибка жертвы состоит в том, что она была излишне доверчива, не обращала внимания на невербальные сообщения, содержащие в себе насилие. Жертва не сумела расшифровать эти сообщения, буквально понимая то, что ей говорили.

Предполагаемая склонность жертв к мазохизму, желание быть поработенными своим преследователем используется извращенным человеком в своих целях: «Это ему/ей нравится, он/она этого хотел/а!» Можно легко оправдаться: агрессор лучше самой жертвы знает, что она чувствует: «Я отношусь к нему/ней так, потому что ему/ей это нравится!»

Однако в наше время мазохизм вызывает стыд и чувство вины. «Я не мазохист!» — обычно говорят подростки. Нужно казаться напористым, агрессивным. Жертвы страдают не только от своего положения, но и от стыда за то, что не сумели себя защитить.

Жертв извращенных людей отличает от мазохистов то, что, когда им удается расстаться с агрессором, они чувствуют огромное облегчение. Они освобождены, поскольку страдание как таковое их не привлекает. Если жертвы позволяют себе состоять в извращенных отношениях, иногда очень длительное время, то только потому, что они сами любят жизнь и хотят давать жизнь, беря на себя непосильную задачу, надеясь, что с их помощью агрессор изменится.

¹ F. Roustang, *Comment faire rire un paranoïaque*, Odile Jacob, Paris, 1996.

Их динамичность сопровождается некоторой слабостью. Взваливая на себя невыполнимую миссию по оживлению мертвецов, на самом деле они демонстрируют некоторую неуверенность в собственных силах. Их благородные заботы отягощаются своего рода вызовом. Они сильные и одаренные, но им приходится доказывать это. Их уязвимость — в нерешительности, которую они испытывают по отношению к собственным способностям. По всей видимости, именно это делает жертв восприимчивыми в период оболыщения, во время которого извращенный человек не упускает возможности представить их в выгодном свете. Впоследствии настойчивость жертвы может быть опасной. Такие энтузиасты не отказываются от своей затеи, поскольку не могут представить, что ничего нельзя поделить и напрасно ожидать каких-либо изменений. Как мы увидим, они будут испытывать чувство вины за то, что покинули партнера.

Если склонность к мазохизму — основополагающая характеристика жертвы, то почему же она не проявляется в другой обстановке и исчезает после разрыва с агрессором?

Почему жертва испытывает угрызения совести?

Слабость партнера, которая служит объектом нападок извращенных людей, обычно заключается в низкой самооценке или в чувстве вины по какому-либо поводу. Один из очевидных способов дестабилизировать противника — заставить его чувствовать

себя виноватым. В романе Кафки «Процесс»¹ Джозефа К. обвиняют за какой-то проступок, но он сам не знает, за какой именно. Он не будет знать покоя, пока не выяснит, в чем его обвиняют. Он сомневается в собственных воспоминаниях и в конце концов приходит к убеждению, что он — это не он.

Совестливый человек, имеющий естественную предрасположенность во всем себя винить, является идеальной жертвой. В психиатрии этот тип поведения известен и определяется, например, немецким психиатром Телленбахом² как преддепрессивный склад характера, меланхолический темперамент. Это люди, которые ценят порядок в сфере производственных и общественных отношений, полностью отдают себя своим близким и не любят, когда им делают одолжение. Любовь к порядку, желание делать все, как надо, приводят к тому, что такие люди берут на себя такое количество работы, которое превосходит возможности среднего человека. Это успокаивает их совесть, потому что они чувствуют, что обременены работой и делами сверх возможных пределов.

Исследователь человеческого поведения Борис Цирюльник³ очень точно отметил: «Часто меланхолики вступают в брак с людьми, лишенными эмоциональности. Наименее чувствительный из них двоих ведет тихую, без особых эмоций жизнь, тем спокойнее, чем больше забот берет на себя меланхолик из-за постоянного чувства вины. Он заботится обо всем, взваливает на себя неприятные обязанности,

¹ F. Kafka, *Le Procès*, Flammarion, Paris, 1983.

² H. Tellenbach, *La Mélancolie* (trad. fr.), PUF, Paris, 1961.

³ B. Cyrulnik, *Sous le signe du lien*, Hachette, Paris, 1989.

улаживает проблемы до тех пор, пока, лет через двадцать, изнуренный постоянными жертвами, он наконец не сдастся. Он упрекает своего партнера в том, что тот взял от их семейной жизни все хорошее, а ему оставил одни страдания».

Люди с преддепрессивным складом характера завоевывают любовь партнера, отдавая себя целиком, предоставляя себя в его распоряжение, и испытывают большое удовлетворение, оказывая ему услугу или доставляя удовольствие. Они с трудом переносят недоразумения и оплошности и сразу стараются их исправить. В трудных случаях они удваивают усилия, изнуряют себя, но, чувствуя, что обстоятельства сильнее них, работают еще больше, устают и действуют менее эффективно. Порочный круг замыкается, и такие люди обвиняют себя еще больше. Этот процесс может довести человека до самобичевания: «Это моя вина в том, что партнер недоволен и агрессивен». Если происходит какая-либо ошибка, они, как правило, приписывают ее себе. Подобная чрезмерная совесть связана с боязнью неудачи: бремя ошибки, угрызения совести приносят им слишком большие страдания.

Кроме того, они восприимчивы к чужим суждениям и чужой критике, даже необоснованной. Это заставляет их постоянно оправдываться. Извращенные люди, чувствуя эту слабость, получают удовольствие, заставляя людей с преддепрессивным складом характера сомневаться: «Разве не могло получиться так, что я неосознанно совершил нечто, ставшее причиной ошибки, в которой меня сейчас упрекают». Если обвинения необоснованны,

то такие люди никогда не могут быть до конца уверены в своей правоте и спрашивают себя, не лучше было бы, несмотря ни на что, согласиться с обвинением.

Подобный аналитический склад ума присущ и агрессорам и жертвам. В обоих случаях имеет место гипертрофированное критическое отношение: у извращенных людей — к внешнему миру, у жертв — к самим себе.

В действительности жертвы принимают на себя *чужую* вину. Они не признаются себе в том, что по отношению к ним были продемонстрированы агрессивные проявления: взгляды, жесты и слова. Агрессоры проецируют свою вину на жертву. В период агрессии извращенным людям достаточно отрицать что-либо, чтобы жертва начала сомневаться. Поэтому некоторые жертвы прибегают к хитростям, чтобы постфактум убедиться в реальности насилия. Они сохраняют копии почтовой корреспонденции, пытаются найти тайного свидетеля агрессии или же записывают на пленку телефонные разговоры.

Впрочем, у жертв обнаруживается скрытое чувство неполноценности, которое им обычно удается компенсировать, если их не заставят чувствовать себя виноватыми. Жертвы уязвимы, когда им навязывают чувство вины, а это и есть та самая слабость, которая ведет к агрессии. Но это не депрессивное состояние, признаками которого являются грусть и подавленность, а, наоборот, состояние, заставляющее человека проявлять гиперактивность во взаимодействии с обществом.

Встреча с извращенным человеком в первое время может осознаваться как стимул для того,

чтобы выйти из меланхолической утрюмости. В одной из статей английский психоаналитик Масуд Хан описывает, что именно пассивность женщины с преддепрессивным складом характера дает возможность распоряжаться ею в извращенном супружеском союзе: «Мне кажется, что сильная воля извращенного человека проявляется только в сфере *иллюзий*, в которой его жертва при своей пассивности соглашается с этой сильной волей»¹. Это начинается как игра, как интеллектуальный поединок. Возникает вызов, на который нужно ответить: быть или не быть партнером такого требовательного человека. Меланхолики «сделаны из эмоций», поэтому они выбирают трудную ситуацию или трудного партнера, чтобы в подобных отношениях найти необходимое возбуждение, которое позволит им почувствовать нечто такое, что поднимет их самооценку.

Можно было бы сказать, что потенциальные жертвы несут в себе какую-то часть меланхолии, в которой сочетаются, с одной стороны, слабости, связанные, возможно, с детскими травмами, а с другой стороны, очень высокая жизнеспособность. Извращенные люди атакуют не меланхоличность, а *жизнеспособность* жертвы, которую они чувствуют и пытаются присвоить.

Здесь речь идет о противостоянии двух самовлюбленных личностей. Из-за нехватки самолюбия жертву парализует ярость, которая мешает ей сопротивляться, и эта ярость оборачивается против нее самой.

¹ М. Хан, «L'alliance perverse», *Nouvelle Revue de psychanalyse*, 8, 1973.

Жизненная сила жертв

Жертвы не скрывают своей эмоциональности, что не может не вызывать зависти извращенных людей. Жертвы не могут скрыть удовольствия от обладания чем-либо, не могут не афишировать своего счастья. Во многих культурах считается хорошим тоном пренебрежительно относиться к имеющимся моральным или материальным благам. В противном случае человек вызывает в других зависть.

В нашем обществе, превозносящем равенство, принято считать, что зависть рождает зависть, сознательно или нет (например, если кого-то обокрали, то потому, что он выставил напоказ свое богатство). Идеальной жертвой морально извращенного человека является тот, кто, не имея достаточной веры в себя, чувствует себя обязанным делать как можно больше, чтобы любой ценой поднять свою самооценку.

Именно эта жизненная сила превращает людей в легкую добычу.

У потенциальной жертвы есть желание отдавать, а у извращенных людей — желание брать: о лучшей встрече нельзя и мечтать. Один не хочет брать на себя никакой ответственности, другой имеет естественную склонность во всем винить себя.

Для того чтобы игра стоила свеч, нужно, чтобы жертва была «на высоте», то есть чтобы она первое время сопротивлялась, а в конце концов уступила.

Открытость жертвы

Жертвы производят впечатление людей наивных и доверчивых. Они не могут представить себе, что партнер может быть разрушителем до мозга костей, они стараются найти всему логическое объяснение и исправить недоразумение: «Если я ему объясню, он поймет и извинится за свое поведение!» Нормальный человек не может заранее представить, что такое недоброжелательство и манипулирование вообще возможно.

Чтобы отмежеваться от своего агрессора, жертвы пытаются открыться ему и оправдаться. Когда такой человек открывается человеку недоверчивому, становится возможным подчинение ему. Жертва как будто вручает агрессору ключ к себе, а это только усиливает демонстрируемое ей презрение. При извращенной атаке жертвы сначала стараются проявить понимание и приспособиться к агрессии, они прощают ему все, потому что любят его или восхищаются им: «Он так ведет себя, потому что он несчастен. Я успокою его, я его выпечу». В жертве будто пробуждается материнский инстинкт, она считает, что должна помочь агрессору, поскольку она единственная, кто его понимает. Жертва хочет дать жизнь партнеру, наполняя его своей жизнью, иногда ей даже кажется, что это ее миссия. Она думает, что может все понять, все простить, все оправдать. Находясь в святом убеждении, что, обсудив проблему, можно найти решение, жертва позволяет извращенным людям, которые отказываются от любого диалога, срывать все их планы. Жертва думает, что партнер изменится и поймет, какое страдание ей причиняет, осознает

свою вину. Кроме того, жертва надеется, что ее объяснения и доказательства внесут ясность в сложившуюся ситуацию, при этом отказываясь признавать, что терпеть все нападки своего партнера только потому, что он ей близок на интеллектуальном или эмоциональном уровне, неправильно.

Извращенно самовлюбленные люди непреклонны в любых ситуациях, в то время как жертвы, наоборот, стараются приспособиться, понять, чего добивается, сознательно или нет, их преследователь и какова доля их ответственности в сложившейся ситуации. Задача агрессора облегчается, если жертва ему доверяет, то есть если агрессором является отец или мать, супруг, начальник. Присущее жертвам всепрощение и незлопамятность наделяют их властью. Эти качества невыносимы для агрессора, так как означают, что жертва ускользает от него: «Я не хочу больше играть с тобой в эти игры!» Агрессор разочарован. Жертва становится живым упреком, что только распаляет ненависть агрессора.

Возможно, такая подверженность жертв чужому влиянию может приобретаться еще в детстве. Часто спрашивают, почему жертвы не сопротивляются. Мы видим их страдания, отречение от собственной жизни, однако они предпочитают не менять сложившуюся ситуацию, даже боятся расставания со своим агрессором. Мы знаем, что в расставании их спасение, но они не могут на это согласиться, пока не освободятся от душевных травм, полученных в детстве.

Алиса Миллер¹ показала, что репрессивное воспитание, имеющее цель «укротить» ребенка «для

¹ А. Miller, *La Souffrance muette de l'enfant*, Aubier, Paris, 1990.

его же блага», ломает его волю и заставляет подавлять в себе подлинные чувства, творческие способности, восприимчивость, способность протестовать. По ее мнению, такой способ воспитания предрасполагает ребенка к зависимости, как индивидуальной — от извращенно самовлюбленного человека, так и коллективной — в секте или тоталитарной политической партии. Воспитанный таким образом еще в детстве, человек может позволить манипулировать собой и будучи взрослым.

Тот, кто в подавляющей или инцестной атмосфере семьи сумеет сохранить возможность сопротивляться оскорблениям и унижениям с помощью слов или гнева, во взрослом состоянии сможет эффективнее противостоять извращенному человеку.

Жертвы умеют понимать и «видеть». Они обладают чрезвычайной трезвостью ума, которая позволяет им разглядеть слабости и недостатки своего агрессора. Одна из бывших жертв говорит, что, как только обнаружила в своем партнере фальшь, она перестала быть для него открытой. Жертва хорошо понимает, что подобное поведение имеет патологический характер: «Я не заслуживаю такой ненависти ни потому, что я слишком хороша, ни потому, что слишком плоха!»

Как только жертва начинает говорить о том, что распознала маневры агрессора, она начинает представлять для него опасность. Нужно ее запугать, чтобы заставить замолчать.

**Последствия извращенной
агрессии для жертвы
и методы их лечения**

Как в одном из фильмов Хичкока или как в фильме «Испанский узник» режиссера Давида Мамета (1997) интрига разворачивается всегда по одной и той же схеме: жертва не замечает, что ею манипулируют; тайна раскрывается только с помощью постороннего вмешательства и лишь тогда, когда насилие становится очевидным. Сначала агрессор очаровывает и обольщает жертву, затем его поведение приобретает страшный психопатический характер. Признаки извращенного поведения можно заметить только случайно, если жертва частично выйдет из подчинения и поймет, что ею манипулируют.

Мы видели, что в течение первой стадии отношений воля жертв парализована; в следующей стадии жертвы будут психологически уничтожены.

Период извращенного воздействия

Отказ от собственных интересов

В течение первой стадии извращенного воздействия оба действующих лица подсознательно соглашаются на частичный отказ от собственных интересов, чтобы избежать конфликта: агрессор использует мелкие завуалированные нападки, чтобы дестабилизировать партнера, но не спровоцировать откровенный конфликт; жертва также идет на компромисс и подчиняется из боязни, что конфликт приведет к разрыву отношений. Она чувствует, что переговоры с партнером невозможны, что он не уступит, и предпочитает пойти на компромисс, чем решиться на разрыв отношений.

Уклончивое поведение помогает избежать наступления насильственных действий, тем не менее оно не меняет условий, провоцирующих их появление. Компромисс в первой стадии позволяет сохранить отношения, чего бы это ни стоило, даже в ущерб самой жертве. Между действующими лицами существует своего рода молчаливый альянс. Жертвы в иллюзорном альтруистическом порыве покоряются тирании партнера. Жалуясь на негативное влияние

партнера, они, тем не менее, продолжают идеализировать в нем другие аспекты (он очень умен, очень хороший родитель и т. д.).

Если жертва соглашается на подчинение, то такие отношения устанавливаются окончательно, один из партнеров становится все более подавленным, другой получает все больше господства и уверенности в своей власти.

Замешательство

Установление власти над жертвой повергает ее в замешательство; жертвы не осмеливаются жаловаться или не знают, как это сделать. Они находятся как бы под анестезией, жалуется на пустоту в голове и невозможность сосредоточиться, говорят о настоящем истощении, частичном уничтожении их способностей, утрате непосредственности и жизнеспособности.

Даже если у жертвы иногда и возникает ощущение несправедливости, она находится в таком замешательстве, что не может сопротивляться. Действительно, в присутствии извращенно самовлюбленного человека, если только ты сам не извращен, последнее слово не может остаться за тобой; единственным выходом остается подчинение.

Замешательство порождает стресс. С психологической точки зрения стресс достигает апогея, когда человек лишен возможности действовать и находится в состоянии неопределенности. Жертвы часто рассказывают, что тревогу вызывает не столько откровенная агрессия, сколько ситуации, когда они не

были ни в чем уверены и ни за что не несли ответственности. Когда агрессор обнаруживал себя, то, по их словам, им становилось легче.

После всего, что он мне наговорил, я в конце концов поверила, что он прав, а я сумасшедшая истеричка. Однажды он сказал мне ледяным тоном и смотря на меня взглядом, полным ненависти, как часто говорил и раньше, что я ничтожество, бездарность, бесполезный для общества человек и что лучше бы мне покончить жизнь самоубийством. Случайно там оказалась моя соседка, он ее не видел. Она была в ужасе и посоветовала мне подать жалобу. Для меня это было облегчением. Кто-то понял меня.

Из этого примера видна важность присутствия неожиданного свидетеля, который не успел испытать на себе влияния одного из действующих лиц.

Трудность в описании извращенного воздействия состоит в том, что сначала происходит размывание внутренних границ между двумя партнерами, потом стирание этих границ, и нелегко определить момент, когда происходит переход к насилию.

В этом психологическом поединке жертва оказывается опустошенной и в итоге отказывается от своей индивидуальности, теряет всякую ценность в своих глазах, а также в глазах агрессора, которому остается только «бросить» жертву, поскольку у нее больше нечего взять.

Сомнения

Когда насилие, до этого скрытое в ходе извращенного воздействия, проявляется открыто, оно оказывает серьезное воздействие на неподготовленную

психику: ведь воля жертвы уже парализована вследствие извращенного воздействия. Этот процесс трудно осмыслить. Жертвы и случайные свидетели не могут поверить тому, что происходит на их глазах, ибо подобное насилие без всякого сострадания невозможно представить, если только ты сам не являешься извращенным человеком. Часто извращенному человеку приписывают эмоции (чувство вины, печаль, угрызения совести), которые на самом деле у него напрочь отсутствуют. Жертва не в состоянии осознать того, что происходит, она потрясена и отрицает реальность того, чего не может увидеть.

Находясь под воздействием насильственного отторжения, которое жертвы ощущают, но отвергают на словах, они тщетно стараются понять и объяснить себе все происходящее. Они пытаются найти причины того, что с ними происходит, и, поскольку их поиск обречен на неудачу, в итоге теряют уверенность в себе, становятся раздражительными или агрессивными, постоянно повторяют: «Что я такого сделал, чтобы ко мне так относились?! Должны же быть причины?» Они ищут логическое объяснение, тогда как этот процесс происходит сам по себе и никак не связан с какими-либо их поступками. Они часто говорят своему агрессору: «Скажи, в чем ты меня упрекаешь? Скажи мне, что я должен сделать, чтобы наши отношения улучшились?» — а тот неизменно отвечает: «Мне нечего тебе сказать, все идет как надо. Все равно, ты ничего не хочешь слышать!» Бессилие хуже, чем осуждение.

Даже если жертвы сознают свою долю ответственности за происходящее насилие, они все же понимают, что этот разрушительный процесс начался

не по их вине. Только жертва несет бремя ответственности за агрессию, а настоящие виновники всегда умеют оправдаться. Такие отношения трудно прекратить, так как первые нанесенные удары вызывают у жертвы отупляющее чувство вины. Оказавшись однажды в положении виноватого, жертвы чувствуют себя ответственными за все происходящее. Их чувство вины не соотносится с действительностью. Всю агрессию они пропускают через себя.

Это чувство вины часто усиливают окружающие, которые, находясь в неведении, редко могут поддержать, не осудив; комментируют, делают абсурдные предположения: «Ты должен был делать так... или не делать иначе!.. Ты не думаешь, что подливаешь масла в огонь? Он так себя ведет, потому что ты гладишь его против шерсти...»

В современном обществе принято негативно относиться к чувству вины: нельзя проявлять душевную слабость, надо казаться сильным. Как говорят, нет дыма без огня или нет без вины виноватых. По мнению очевидцев, извращенные люди заставляют своих жертв брать вину на себя.

Стресс

Жертва соглашается на подчинение только ценой значительного внутреннего усилия, позволяющего не вызывать недовольства партнера, успокаивать его, когда он раздражен, подавлять в себе сопротивление. Подобное напряжение рождает стресс.

На стрессовую ситуацию организм реагирует постоянным ощущением тревоги, повышенным

выбросом гормонов, ослаблением иммунитета и изменением функций мозговых центров. Вначале наступает период адаптации, которая позволяет противостоять агрессии, что бы ни являлось ее источником. Когда стресс незначителен и человеку удается с ним справиться, все быстро становится на свои места. Если же такая ситуация более продолжительна или повторяется часто, через определенные интервалы, и превосходит способности данного человека к адаптации, функционирование нейроэндокринной системы нарушается.

Первые признаки стресса зависят от чувствительности человека. Это могут быть сбои в сердцебиении, удушье, одышка, усталость, проблемы со сном, нервозность, раздражительность, головная боль, расстройства пищеварения, боли в животе, а также психические проявления, например тревожность.

Долгое время считалось, что чувствительность к стрессу у людей закладывается генетически. Сейчас известно, что чувствительность может приобретаться постепенно в то время, когда человек сталкивается с постоянной агрессией. Как бы то ни было, люди с импульсивным характером более чувствительны к стрессу, тогда как извращенные люди, наоборот, совершенно не чувствительны. Они находят разрядку в чужих страданиях. Например, только такие люди по возвращении с войны не испытывают посттравматического стрессового синдрома, как это происходило, например, со многими после вьетнамской войны.

Агрессор избегает стресса или страдания, возлагая вину за все, что его беспокоит, на другого

человека. Жертвы не могут прибегнуть к такой уловке, поскольку не понимают сути-происходящего процесса. У жертвы нарастает моральное истощение, переходящее затем в нейровегетативную дисфункцию.

Так как давление на жертву продолжается в течение долгого периода (месяцы, а иногда и годы), сопротивляемость организма снижается, и появляется *хроническая* тревога. Из-за нейрогормональных перебоев у человека могут возникнуть функциональные и органические расстройства.

После долгой череды неудач жертва падает духом и больше не верит в возможность успеха в противостоянии агрессору. Это усугубляет стресс и делает попытки защититься тщетными.

Хронический стресс может выразиться в общем расстройстве, сопровождающемся состоянием страха, постоянного ожидания, тревожного размышления над одним и тем же. С подобным состоянием постоянного напряжения и чрезмерной бдительности человеку трудно совладать.

• Страх

Извращенные люди, вне зависимости от того, достигают они своей конечной цели или нет, выявляют в партнере ту долю насилия, присущую каждому, но о которой люди предпочитают не знать.

Переживая эту стадию отношений, все жертвы рассказывают о чувстве страха. Они постоянно на чеку в ожидании недоброжелательного или презрительного взгляда, скупых жестов, ледяного тона партнера, которые могут нести в себе скрытую агрессию. Если жертва делает что-то не так, как того

хочет агрессор, она боится его реакции, напряженности или холодности, обидных замечаний, сарказма, презрения, насмешек.

Подчиняются ли запуганные жертвы или сопротивляются агрессору; они все равно считаются виноватыми. В первом случае извращенные люди или окружающие, возможно, скажут, что это определено природенные жертвы; во втором жертвам укажут на их агрессивность, обвинят в ухудшении отношений и во всем, что происходит не так, как нужно, несмотря на то что действительность свидетельствует об обратном.

Чтобы избежать насилия, жертвы склонны становиться все более мягкими, сговорчивыми. Они сохраняют иллюзию, что ненависть может раствориться в любви и доброте. Напрасный труд, ведь чем больше великодушия они проявляют к извращенному человеку, тем сильнее его дестабилизирующее влияние. Стараясь выглядеть доброжелательной, жертва на самом деле демонстрирует свое превосходство, что, разумеется, провоцирует насилие.

Когда у жертвы возникает ответная ненависть, извращенных людей это только радует. Ведь это оправдывает их: «Это не я его/ее ненавижу, это он/она меня ненавидит».

Одиночество

В противостоянии с агрессором жертвы чувствуют себя одинокими.

Как рассказать обо всем происходящем окружающим? Тайное разрушение не оставляет следов.

Как описать взгляд, полный ненависти, насилие, которое осуществляется только посредством недомолвок и намеков? Насилие проявляется только в присутствии преследуемого партнера. Как друзья могут представить то, что на самом деле происходит? И если даже они узнают, что агрессия существует, то все, что они могут, — это удивляться, беспокоиться и ужасаться. Обычно окружающие, даже очень близкие, предпочитают держаться в стороне: «Не хочется в это впутываться!»

Жертвы сомневаются в своих собственных ощущениях, у них нет уверенности, что они не преувеличивают. Когда агрессия осуществляется в присутствии посторонних, случается, что жертвы, защищая своего агрессора, осуждают чрезмерную реакцию свидетелей. Чтобы не усугублять существующее положение, жертвы оказываются в парадоксальной ситуации, выгораживая того, кто на них нападает.

Последствия морального преследования

Шок

Когда жертвы осознают агрессию, они испытывают шок: До этого момента они ни о чем не подозревают, быть может, они даже чересчур доверчивы. И если посторонние люди указывают им на их покорность или слишком большую терпимость при явном недостатке уважения к ним, жертвы отказываются это видеть. Спустившись с неба на землю, они осознают, что были жертвами манипуляций.

Они чувствуют себя растерянными и обиженными. Все рухнуло. Масштаб травмы зависит от степени внезапности и неподготовленности к последствиям извращенного воздействия. Во время эмоционального шока у жертвы смешиваются чувства страдания и беспокойства, появляется ощущение насильственного вмешательства, потрясения, бессилия, краха, которое некоторые жертвы описывают как психическую агрессию: «Это как удар кулаком!», «Он говорил мне ужасные слова, и я чувствую себя как боксер, который уже лежит на полу, но его продолжают беспощадно избивать!».

Странно, но гнев и возмущение проявляются редко, даже после того как жертвы принимают решение расстаться с агрессором. А гнев мог бы помочь освобождению. Жертвы будут жаловаться на несправедливость своей судьбы, но тем не менее не смогут взбунтоваться. Гнев появится позднее, и чаще всего он будет сдерживаться, а значит, не будет эффективным. Чтобы испытать настоящий, освобождающий, гнев, нужно, чтобы жертва вышла из-под влияния агрессора.

Когда жертвы начинают осознавать, что ими манипулируют, они чувствуют себя обманутыми, как если бы стали объектом мошенничества. У них появляется чувство, что их ввели в заблуждение, что их не уважают. Немного позднее они окончательно уверятся в том, что были жертвами, что ими манипулировали, из-за чего теряют самоуважение и чувство собственного достоинства. Им стыдно за поступки, спровоцированные манипулированием: «Я должен был начать сопротивляться раньше!», «Почему я ничего не видел?».

Стыд появляется от осознания своей патологической снисходительности, которая сделала возможным насилие со стороны партнера.

Иногда люди хотят отомстить за себя, но чаще они стараются реабилитироваться, восстановить свою самооценку. Они ожидают извинений от своего агрессора, которых не будет. Если они и добьются возмещения ущерба, то намного позднее, со стороны очевидцев или пассивных сообщников, которые поддерживали агрессию, тоже попав под влияние извращенного человека.

Ослабление защитных функций

Когда оцепенение, которое жертва испытывает в период извращенного воздействия, отступает, человек начинает ощущать явную агрессию. Защитные способности человека не безграничны, они постепенно уменьшаются. После некоторого количества стрессов способность к адаптации исчезает и наступает психическое истощение, возникают более длительные и тяжелые расстройства.

В основном именно на стадии декомпенсации жертвы приходят к нам, психиатрам. У них отмечается общее состояние беспокойства, психосоматические расстройства или депрессия. У более импульсивных людей декомпенсация может выражаться в переходе к насильственным действиям, что может довести их до психиатрической лечебницы. В глазах агрессора эти расстройства часто выглядят оправданием морального преследования.

Удивительно, что на этой стадии, когда мы предлагаем служащим, подвергающимся преследованию на рабочем месте, на время прекратить работу, они очень редко соглашаются: «Если я прекращу работу, будет еще хуже! Это мне дорого обойдется!» Страх заставляет мириться со всем.

Подобное депрессивное состояние связано с психическим истощением, с переизбытком стресса. Жертвы чувствуют опустошенность, усталость, апатию. Они ничем не интересуются. Им не удается сосредоточиться даже на самых простых действиях. У них могут появиться мысли о самоубийстве. Риск особенно велик в тот момент, когда жертвы осознают, что были обмануты и что ничто не поможет

им вновь обрести полноту своих прав. Если в таких случаях происходит самоубийство или попытка самоубийства, это поддерживает уверенность извращенных людей в том, что партнер был слабым, что его рассудок помутился, или он изначально был сумасшедшим, и что агрессия, которую они заставили его испытать, оправданна.

Во время агрессии извращенный человек ведет себя так, чтобы казаться всесильным, демонстрируя нравственную строгость и благоразумие. Из-за этого процесс утраты иллюзий по поводу партнера усугубляет состояние жертвы. Вообще, к жизненным событиям, способным повлечь за собой состояние депрессии, можно отнести не только смерть близкого человека или развод, но и потерю идеала или сверхценной идеи. Как следствие, возникает чувство ненужности, бессилия, поражения. Отправной точкой, ведущей к состоянию депрессии, скорее станет именно чувство поражения и бессилия, униженности и загнанности в угол, чем сложная или опасная ситуация.

В течение морального преследования после провала многочисленных попыток установить диалог с агрессором у жертвы наступает состояние перманентного беспокойства, которое поддерживается непрекращающимися нападениями. Такое состояние предвещает наступление страха и постоянного ожидания, для излечения которого нередко требуется дополнительный прием лекарств.

У некоторых жертв реакция проявляется физиологически (язва желудка, сердечно-сосудистые, кожные заболевания и т. д.). Тело отзывается на посягательство на психику жертвы, о котором последняя и не подозревала, но которое может привести

к разрушению ее личности. Некоторые люди, доведенные до такого состояния, худеют и ослабевают. Психосоматические расстройства являются прямым следствием не агрессии, а неспособности человека сопротивляться ей (что бы человек ни делал, это будет неправильно, он всегда будет виноват).

Реакция некоторых жертв сводится к изменению поведения, которое является прямым следствием извращенных провокаций. Это выражается в напрасных попытках заставить себя услышать (например, нервные припадки на публике) или же в насильственных действиях по отношению к агрессору, которые лишь послужат оправданием последнему: «Я вас предупреждал, он/она в жутком состоянии!»

Известно, что импульсивная агрессивность может привести к жестокому преступлению в той же мере, что и хищническая, но создается впечатление, что люди с агрессивностью импульсивного типа более подвержены риску совершить преступление. Извращенные люди, чтобы доказать, насколько плоха их жертва, готовы вызвать в ней насилие, направленное против них самих. В фильме Франсиса Жиро «Перейти к действию» (1996) извращенный человек своими манипуляциями доводит своего психоаналитика до того, что тот его убивает. Он ведет свою игру до конца. Случается, что жертва обращает это насилие на саму себя, и самоубийство становится единственным способом избавления от своего агрессора.

Другим последствием, которым часто пренебрегают, является диссоциация личности (более известный термин «раздвоение личности»¹).

¹ C. Classen, C. Koopman et D. Spiegel, «Trauma and Dissociation», *Bulletin of the Menninger Clinic*, vol. 57, n° 2, 1993.

В справочнике Управления естественных наук диссоциация (раздвоение) личности определяется как нарушение функций, в нормальном состоянии не отделимых друг от друга, таких как сознание, память, самоидентификация или восприятие окружающей среды. Это феномен защиты от страха, горя или бессилия после какого-либо травмирующего события, которое настолько чуждо нормальному восприятию, что психика его либо трансформирует, либо изгоняет из сознания человека. При диссоциации личности происходит разделение того, что можно вынести, и того, что вынести невозможно, а это может привести к амнезии. Пережитый опыт фильтруется, принося таким образом облегчение или частичную защиту.

Явление диссоциации усиливает извращенное воздействие и представляет дополнительную трудность, которую необходимо учитывать при терапии.

Разрыв отношений

На все более ясно проступающую угрозу жертвы могут реагировать двояко:

подчиниться и признать превосходство агрессора, позволив ему спокойно продолжать свою разрушительную деятельность;

взбунтоваться и бороться за то, чтобы уйти.

Покорившись слишком сильному или слишком давнему влиянию, некоторые люди не способны ни бороться, ни уйти. Иногда они могут проконсультироваться у психиатра или психотерапевта, но при этом сразу отказываются от любого фундаментального

исследования. Они просто хотят «держать удар», переносить свое порабощение без особых последствий и «сохранять лицо». Длительной психотерапии эти люди обычно предпочитают медикаментозное лечение. Однако после череды депрессий в организме человека может произойти передозировка транквилизаторов и токсических веществ, и психиатр будет вынужден еще раз предложить психотерапию. В действительности редко случается, чтобы процесс морального преследования прекратился иначе, чем с разрывом отношений, и отнюдь не лекарства позволят жертве спасти свою жизнь.

Чаще всего жертвы начинают сопротивляться, когда могут наблюдать насилие по отношению к другому человеку или когда находят союзника или опору на стороне.

Расставание, если оно вообще возможно, всегда происходит по инициативе жертвы. Процесс освобождения от агрессора сопровождается горечью и чувством вины со стороны бывшей жертвы, так как извращенно самовлюбленные люди изображают из себя брошенных жертв и в этом находят новый повод для насилия. При разрыве отношений извращенные люди считают свои интересы ущемленными и становятся придиричвыми, пользуясь тем, что жертвы, стремясь поскорее закончить этот процесс, все еще готовы идти на любые уступки.

В семейной паре шантаж и давление осуществляются через детей, если они есть, или посредством судебных процедур, касающихся совместного имущества. В профессиональной среде нередко возбуждают дело против жертвы, которую всегда можно

в чем-нибудь обвинить, например в том, что человек случайно унес домой какой-либо важный документ. В любом случае агрессор жалуется на то, что его интересы ущемлены, хотя на самом деле именно жертва теряет все.

Эволюция

Если жертве все-таки удастся ценой собственных усилий окончательно разорвать отношения с агрессором, все равно нельзя отрицать драматических последствий прежней жизни, в которой жертва была низведена до положения вещи. Начиная с этого момента любое воспоминание или новое событие будет иметь другой смысл, связанный с приобретенным опытом.

Физическая удаленность от агрессора в первое время приносит жертве чувство свободы: «Наконец я могу вздохнуть свободно!» По прошествии шокового периода вновь появляется интерес к работе или активному досугу, любознательность по отношению к миру или к людям и другие чувства, до сих пор заблокированные зависимостью от агрессора. Однако и здесь не обходится без трудностей.

Некоторые жертвы морального преследования выходят из него, лишь сохранив плохие воспоминания, с которыми они могут совладать, — в основном это случаи непродолжительного воздействия или насилия вне семьи. Многие испытывают неприятные моменты реминисценции травмирующих ситуаций, но мирятся с ними.

Попытки забыть чаще всего ведут к возникновению запоздалых психических или соматических расстройств, как если бы страдание жило в другом теле, а психика при этом была активной и недоступной влиянию агрессора.

Пережитое насилие может оставлять легкие последствия, которые практически не мешают нормальной общественной жизни. Психика жертв кажется невредимой, но при этом все же сохраняются менее специфические симптомы, такие как попытка утаить испытанную агрессию. Это может выражаться в общем беспокойстве, хронической усталости, бессоннице, головных (или других) болях, психосоматических расстройствах (артериальная гипертония, экзема, язва желудка или кишечника и т. д.) и особенно в зависимом поведении (булимия, алкоголизм, наркомания). Когда такие люди консультируются у терапевта, им предписывают симптоматические лекарства или транквилизаторы. Врач не может установить связь между испытанным жертвой насилием, так как она о нем не упоминает, и расстройствами, от которых она лечится.

Случается, что жертвы постфактум жалуются на неконтролируемую агрессивность, которая остается с тех времен, когда они не могли защитить себя, и которая также может быть интерпретирована как переданная агрессивность.

У других жертв развивается целый ряд симптомов, близких к посттравматическому стрессу по определению Управления естественных наук. Это определение приблизительно соответствует принятому у европейских врачей определению травматического

невроза, изучение которого началось с исследования военного невроза во время Первой мировой войны¹ и которое особенно развивалось американцами, исследующими психическое состояние ветеранов вьетнамской кампании. Позже этот диагноз использовался для описания психологических последствий, вызванных природными катастрофами, вооруженными нападениями и изнасилованиями. По отношению к супружескому насилию этот термин стал использоваться сравнительно недавно². Обычно термин «травматический невроз» не употребляют по отношению к жертвам нравственного извращения, он предназначен для людей, попавших в ситуацию, в которой под угрозой оказывалась их физическая безопасность или безопасность другого человека. Тем не менее генерал Крок, французский специалист по виктимологии, считает, что те, кому угрожают, кого преследуют, на кого клеветают, являются психологическими жертвами³. Такие жертвы, как и жертвы войны, находились в «осадном положении», которое вынуждает их постоянно быть настороже.

Нападки и унижения откладываются в памяти и вновь переживаются из-за возникновения интенсивных, повторяющихся образов, мыслей, эмоций, будь то днем (внезапные впечатления, напоминающие о неотвратимости идентичной ситуации) или же ночью (бессонница, кошмары). Жертвам

¹ S. Ferenczi, «Psychanalyse des névroses de guerre (1918)», in *Psychanalyse III*, trad. fr., Payot, Paris, 1990.

² M. A. Dutton et L. Goodman, «Post-traumatic Stress Disorder among Battered Women: Analysis of Legal Implications», *Behavioral Sciences and the Law*, vol. 12, 215—234, 1994.

³ L. Crocq, «Les victimes psychiques», *Victimologie*, novembre 1994.

необходимо говорить о событиях, которые их травмировали, но воспоминания о прошлом каждый раз вызывают психосоматические проявления, эквивалентные страху. В таком случае человек испытывает проблемы с памятью и концентрацией внимания. Иногда у жертв пропадает аппетит или, наоборот, возникает булимия, увеличивается употребление алкоголя или табака.

Если рассматривать более длительный отрезок времени, то боязнь противостояния агрессору и воспоминания о травмирующей ситуации вызывают у жертвы уклончивое поведение. Человек вырабатывает стратегию, которая позволяет не думать о событии, вызвавшем стресс, и избегать всего, что может вызвать болезненные воспоминания. Подобная стратегия иногда влечет за собой резкое снижение интереса к некогда важным занятиям или снижению эмоциональности. В то же время сохраняются признаки нейровегетативных расстройств, таких как расстройство сна или чрезмерная бдительность.

Об этих болезненных воспоминаниях говорят почти все жертвы морального преследования, но некоторым удается избавиться от них, отдавая все свое время какой-либо деятельности, профессиональной или благотворительной.

Пережитое не забывается с течением времени, но может приносить меньше страданий. Но уверен ли человек в том, что через десять или двадцать лет он не почувствует отчаяние, когда перед ним возникает образ его мучителя? Даже если жизнь наладилась, эти воспоминания всегда могут причинить страдания. По прошествии лет всё, что хоть

как-то напоминает жертве о том, что ей пришлось испытать, обращает ее в бегство: травма развила в ней способность лучше других видеть извращенные элементы в каких-либо отношениях.

Те, кто испытал преследование на рабочем месте, часто замечают долгосрочные последствия только тогда, когда после длительного отпуска по болезни они вроде бы начинают чувствовать себя лучше и им предлагают возобновить работу. Затем они замечают вновь появившиеся симптомы: приступы тревоги, бессонницу, мрачные мысли. Пациент движется по спирали: рецидив, новый отпуск по болезни, усиление активности, рецидив и т. д., а это может привести к потере трудоспособности.

Иногда случается так, что жертвам не удается освободиться от влияния, в этом случае их жизнь останавливается на этой травме: их жизненные устремления притупляются, исчезает радость жизни и любая личная инициатива становится невозможной. Жертвы постоянно жалуются, что их покинули, обманули, осмеяли. Они становятся желчными, обидчивыми, раздражительными, удаляются от общества и перебирают свои обиды. Такие люди бесконечно повторяют одно и то же, а окружающим их людям это надоедает: «Это старая история, ты должен думать о другом!»

Однако, будь то в семейном кругу или на предприятии, жертвы редко требуют отмщения. Прежде всего они хотят признания того, что они перенесли, даже если полностью восстановить справедливость невозможно. На предприятии подобное возмещение ущерба происходит в виде денежной компенсации, которая в любом случае не может

компенсировать перенесенные страдания. От действительно извращенного агрессора бесполезно ожидать сожаления или угрызений совести. Страдания других людей для него ничего не значат. Раскаиваться могут только окружающие, за то, что они являлись молчаливыми свидетелями или пособниками агрессора. Только они могут выразить сожаление и этим вернуть чувство достоинства несправедливо обиженному человеку.

Практические советы для пострадавших от морального преследования в семье

Победить в противостоянии с извращенным человеком невозможно. Самое большее, чего можно достичь, — это узнать что-то новое о себе самом.

У жертвы появляется искушение воспользоваться для собственной защиты теми же способами, что и агрессор. Однако жертва уступает в извращенности агрессору, иначе она не оказалась бы в положении жертвы. Трудно представить, что они могли бы поменяться местами. Категорически не рекомендуется использовать то же оружие, что и противник; единственный выход в этой ситуации — обратиться за помощью к правосудию.

Как обнаружить агрессию?

Первым делом жертва должна обнаружить механизм действия извращения, который, как правило, состоит в том, чтобы переложить на нее всю ответственность за супружеский или семейный

конфликт, затем жертва должна бесстрастно проанализировать проблему, оставив чувство вины в стороне. Для этого необходимо оставить свои идеалы абсолютной терпимости и признать, что тот, кого она любит или любила, представляет угрозу ее личности и что она должна защищать себя от этого. Матери должны научиться распознавать людей, которые, прямо или косвенно, плохо влияют на их детей, это нелегко, особенно если речь идет о близком родственнике.

Эффективно защищаться можно, только выйдя из-под влияния, только согласившись с тем, что агрессор, какими бы ни были или продолжают оставаться чувства по отношению к нему, враждебен и опасен.

Если жертва больше не желает участвовать в извращенной игре, это вызывает у агрессора переизбыток насилия, который заставляет его совершать ошибки. В этот момент можно, используя стратегию извращенного человека, поймать его в его же ловушку. Нужно ли использовать такие же извращенные методы для своей защиты? Необходимо любой ценой избежать опасности. Конечная цель извращенного человека — сделать партнера таким же извращенным, сделать его злым, поэтому жертва одержит победу только в том случае, если не станет похожей на своего агрессора и не будет агрессивной сама. Но чтобы агрессия не достигла цели, важно знать тактику и способ действий агрессора.

Главное правило для тех, кого преследует морально извращенный человек, — *перестать оправдываться*. Искушение велико, поскольку речь

извращенного человека лжива и неискренна. Любое объяснение или оправдание только заставит жертву увязнуть еще глубже. Любая неточность или ошибка, даже совершенная без злого умысла, может быть использована против жертвы. Начиная с того момента, когда жертва оказывается на мушке у извращенного человека, он запоминает все, чтобы потом вменить это жертве в вину. Так что лучше молчать.

По мнению извращенного человека, собеседник не может быть прав, по крайней мере, извращенный человек всегда с подозрением относится к тому, что говорит собеседник. Агрессор приписывает собеседнику злые намерения, его предположения — это всего лишь лживые измышления; извращенные люди не могут себе представить, что можно не лгать.

Этапы, предшествующие этому процессу, позволяют жертве понять, что любой диалог и объяснения бесполезны. Если необходим обмен мнениями, он должен происходить при посредничестве третьего лица. При прямом контакте нужно всегда иметь запас времени, чтобы обдумать подходящий ответ.

После расставания, если преследование продолжается по телефону, всегда можно изменить номер или фильтровать звонки с помощью автоответчика. Что касается оскорбительных или необъективных писем, лучше, чтобы их вскрывал кто-то другой, так как письма извращенного содержания мелкими дозами яда отравляют жертву, принося страдания и вновь дестабилизируя ее.

Как действовать?

Поскольку жертва находилась в подчинении и слишком терпимо ко всему относилась, ей необходимо изменить стратегию и действовать решительно, не боясь конфликта. Ее решимость вынудит извращенного человека разоблачить себя. Любое изменение поведения со стороны жертвы, как правило, сперва вызывает всплеск агрессии и провокаций. Извращенный человек попытается вызвать у жертвы еще большее чувство вины: «Определенно, у тебя совсем нет сострадания!», «С тобой невозможно говорить!».

Из человека с парализованной волей жертва должна превратиться в серьезное препятствие для агрессора. Будучи инициатором открытого противостояния, она сама может показаться агрессором, но приходится на это соглашаться, так как только такое поведение может что-то изменить. Этот кризис, как рывок на свободу из унижительного подчинения, позволит жертве возродиться. Это единственная возможность решить проблему или, по крайней мере, сделать более комфортным свое существование. Чем позднее начато противостояние, тем более яростным оно будет.

Психологическое сопротивление

Чтобы оказать психологическое сопротивление, очень важно ощущать чью-либо поддержку. Иногда для обретения уверенности в себе достаточно, чтобы один человек просто выразил свое доверие

к жертве. Тем не менее не следует доверять советам друзей, семьи и любого человека, пытающегося выступить посредником, так как близкое окружение не может оставаться беспристрастным. Окружающие также дезориентированы и поддерживают одну из сторон. Извращенная агрессия в кругу семьи позволяет быстро узнать, кто является надежным другом. Некоторые люди, которые казались близкими, позволяют собой манипулировать, не верят жертве и упрекают ее. Другие, не понимая ситуации, предпочитают оставаться в стороне: Реальная поддержка исходит только от тех, кто находится рядом с жертвой, кто не осуждает ее; это те люди, которые останутся самими собой, что бы ни произошло.

Как получить юридическую помощь?

Иногда кризис может разрешиться только при вмешательстве правосудия. Такой взгляд со стороны позволяет прояснить многие вещи и сказать «нет» агрессии.

Но судебное решение выносится только при наличии доказательств. Женщина, которую избивают, может предъявить следы от ударов; если она защищается, скажут, что она действовала в целях самообороны. Оскорбленная и униженная женщина с трудом может добиться понимания, поскольку не может представить доказательств своего унижения.

Когда жертва решает расстаться со своим супругом-агрессором, нужно найти способ, чтобы агрессия

происходила в присутствии свидетеля, который сможет потом ее подтвердить. Жертва также должна сохранять любые подходящие письменные доказательства. Оскорбления, унижение чувства собственного достоинства, издевательства являются мотивом для развода, если они доказаны. Преследование по телефону квалифицируется как преступление: можно потребовать от прокурора поставить телефон на прослушивание, чтобы выяснить источник агрессии.

В случае с людьми, не состоящими в браке, найти решение проблемы гораздо сложнее, и только если агрессия перерастает в правонарушение, правосудие может вмешаться, применив уголовную статью.

Если жертвы сами отвечали на агрессию поведением с элементами насилия, они опасаются подавать жалобу. Однако ответ на провокацию (например, оскорбления) не подпадает под уголовную статью. Правосудие признает, что насилие жертвы по отношению к агрессору было вынужденным, защитным средством в ответ на оскорбления.

Судьи с большим подозрением относятся к извращенному манипулированию. Они опасаются, что ими также будут манипулировать и, пытаясь добиться примирения сторон любой ценой, на самом деле уклоняются от общения с обеими сторонами. С помощью невольного пособничества посредника происходит тот же процесс, унижающий достоинство жертвы, на которую возлагается ответственность за все, что случилось. Перспектива добиться диалога с извращенным человеком обманчива, последний всегда может прибегнуть

к хитрости и воспользоваться посредничеством, чтобы унижить достоинство своего партнера. Примирение не должно происходить в ущерб кому-либо. Жертва уже многое перенесла, и не стоит думать, что она пойдет на уступки.

Единственный способ защитить жертву и помешать ей реагировать на явные или неявные провокации — дать строгие юридические предписания и сделать невозможным любой контакт между сторонами, надеясь на то, что однажды извращенный человек найдет новую жертву и ослабит свое давление.

Если в семье есть дети, особенно если они сами подвергаются манипулированию, жертва прежде всего должна спастись сама, чтобы потом защитить от извращенных отношений детей. Иногда приходится применять жесткие методы, чтобы побороть нерешительность детей, которые предпочли бы, чтобы все осталось как есть. Правосудие должно принять меры по их защите, чтобы пресечь контакты, способные возродить извращенные отношения.

Практические советы для пострадавших от морального преследования на работе

Осознать

Прежде всего нужно обнаружить моральное преследование и, если возможно, проанализировать его. Если у человека есть ощущение, что на его достоинство или психическую целостность покушаются регулярно, в течение долгого времени, и при этом имеет место враждебное отношение со стороны одного или нескольких человек, можно заключить, что речь действительно идет о моральном преследовании.

В идеале следует начать реагировать как можно раньше, до того как возникнет ситуация, единственным выходом из которой будет увольнение.

С этого момента важно фиксировать все провокации и проявления агрессии. Так же как и в случае психологического преследования в семье, основная трудность защиты заключается в том, что редко имеются явные доказательства.

Следовательно, жертва должна собирать любые доказательства: хранить документы, записывать оскорбления, делать ксерокопии всего, что в той или иной мере может способствовать ее защите.

Желательно также заручиться поддержкой свидетелей. К несчастью, в конфликтной обстановке коллеги часто отдаляются от человека, подвергающегося преследованию, из боязни мести со стороны агрессора. Однако чтобы утверждениям жертвы поверили, достаточно одного-единственного свидетельства.

Как найти помощь на предприятии?

Если у жертвы есть решимость бороться, сначала нужно искать помощь на самом предприятии. Слишком часто служащие начинают реагировать только тогда, когда уже начинается процедура увольнения. Найти помощь не всегда легко, ведь если обстановка на предприятии могла настолько ухудшиться, значит, вышестоящий начальник не смог эффективно прореагировать. Если невозможно найти поддержку в своем отделе, можно поискать ее в другом.

Работник на предприятии может избежать преследования, если ему представится возможность встретить собеседника, способного его выслушать. Но раз преследование стало возможным, значит, жертве такой возможности до сих пор не представилось.

Если предприятие достаточно велико, в первую очередь надо встретиться с ответственным работником, в ведении которого находятся вопросы психологического климата на предприятии. К сожалению, некоторые из них являются просто профессиональными менеджерами по кадрам, не имеющими

ни возможности, ни времени решать проблемы взаимоотношений работников. На предприятии от всех, в том числе и менеджеров по кадрам, требуют высоких результатов. Среди их задач большое место отводится увеличению цифровых показателей, но внимание и помощь, «человеческие отношения» в буквальном смысле слова, не могут быть выражены с помощью цифр, таким понятиям зачастую нет места в рабочем графике. Может случиться так, что подобные вопросы ответственных работников просто не интересуют.

Если менеджер по кадрам не смог или не захотел ничего сделать, самое время посетить производственного врача. Поначалу он может помочь жертве выразить словами ее проблему, затем, приведя в доказательство записи, сделанные жертвой на рабочем месте или врачом во время посещений, он может донести до работников и начальников всю серьезность последствий психологического насилия. Но подобное посредничество возможно только в том случае, если на предприятии к мнению врача прислушиваются и он хорошо знает действующих лиц конфликта. В большинстве случаев производственный врач слишком поздно устанавливает контакт с психологически дестабилизированным работником и может только посоветовать ему медицинскую помощь и дать больничный. Врач находится в сложном положении, так как в его обязанности, помимо всего прочего, входит и вынесение решения о профессиональной пригодности, которое может иметь тяжелые последствия для работника. Многие работники опасаются посещать врача еще и потому, что знают: врач является таким же наемным.

работником, как и они, и нельзя быть уверенным в независимости его суждений о предприятии, в стенах которого осуществляется моральное преследование.

Психологическое сопротивление

Чтобы иметь возможность защищаться на равных, нужно быть в хорошем психологическом состоянии. Мы знаем, что целью первой стадии морального преследования является дестабилизация жертвы. Следовательно, жертве нужно проконсультироваться у психиатра или психотерапевта, чтобы обрести энергию, которая позволит ей защитить себя. Чтобы уменьшить стресс и его неблагоприятные последствия для здоровья, единственно верное решение — прекратить на время работу. Но в первое время многие жертвы отказываются от этого из боязни усугубить конфликт. Если человек находится в состоянии депрессии, ему действительно необходимы лекарства — транквилизаторы и антидепрессанты. Человек не должен возобновлять работу, пока не будет в состоянии себя защищать. Это может привести к довольно длительной остановке в работе (возможно, она продлится несколько месяцев), которая, по всей видимости, перерастет в долгосрочный отпуск по болезни. Врачам-психиатрам и врачам-консультантам из службы социального обеспечения тоже приходится принимать участие в защите жертв и улаживать профессиональные проблемы, хотя разрешение конфликтов должно носить юридический характер.

Жертва сдалась. Врач предписал ей отпуск по причине депрессии, это устраивало агрессора и руководство предприятия. Когда жертва объявила о своем возвращении на работу, дирекция посоветовала ей продлить отпуск. Врач отказался, ссылаясь на то, что истоки проблемы находятся именно на рабочем месте и уладить ее можно только на предприятии. Жертва возобновила работу, но получила упрек в том, что «не долечилась».

Другая жертва, которой в течение нескольких месяцев не давал покоя ее начальник, взяла больничный по причине депрессии. После каждой попытки возобновить работу она снова заболела. Начальник стал действовать настолько угрожающе, что жертва подала жалобу. Чтобы избежать приговора третейского суда, начальник согласился уволить служащую по собственному желанию, но начал тянуть с формальностями. Жертве, все еще находящейся в отпуске по болезни, стало лучше. Нужно ли было позволить ей возобновить работу до тех пор, пока не вступит в действие приказ о ее увольнении? Привлеченный врач-консультант вынес отрицательное решение. Он предпочел защитить жертву, продлив ее отпуск по болезни вплоть до момента увольнения.

Принимая во внимание, что цель действий преследователя заключается в том, чтобы спровоцировать жертву и заставить ее ошибиться, вызвав у нее гнев или растерянность, жертва должна научиться защищаться. В определенной ситуации легче подчиниться, чем начать сопротивляться и тем самым вызвать конфликт. Что бы они ни испытывали, я советую жертвам имитировать безразличие, сохранять улыбку и отвечать с юмором, но без иронии. Они должны оставаться невозмутимыми и никогда не вступать в извращенную перепалку.

Не следует перебивать агрессора, нервничать, надо только записывать все оскорбления, чтобы подготовиться к защите.

Чтобы снизить риск профессиональной ошибки, жертва должна быть безупречна. Действительно, даже если преследователь и не является ее начальником, она как будто находится в свете прожекторов. За ней наблюдают, чтобы понять, что происходит. Малейшая задержка, ничтожная ошибка станут доказательством ее вины в сложившейся ситуации.

Было бы также неплохо, если бы жертва научилась не быть доверчивой и запирает свои ящики на ключ, унося с собой свои рабочие записи или важные документы, над которыми она работает, даже во время обеденного перерыва. Естественно, жертвам это неприятно. Чаще всего они прибегают к таким действиям только тогда, когда ситуацию нельзя исправить и они готовят дело для третейского суда.

Чтобы вновь обрести относительную независимость мышления и способность к критике, жертвы должны применять новую шкалу общения, своеобразный фильтр, который поможет им здраво оценивать действительность. Это значит попытаться понимать буквально все сообщения, при необходимости просить уточнить их и отказываться выслушивать намеки.

Это предполагает, что человек, подвергающийся преследованию, должен сохранять хладнокровие. Он должен научиться не реагировать на провокации агрессора. Быть хладнокровным особенно трудно для того, кто был выбран на роль жертвы.

из-за своей импульсивности. Жертва должна отказаться от обычных схем поведения, научиться сохранять спокойствие, ждать своего часа. Важно, чтобы она сохраняла в глубине души убежденность, что закон на ее стороне и что рано или поздно ей удастся заставить себя выслушать.

Переход к активным действиям

Для того, чтобы выйти из-под влияния агрессора в семейных отношениях, я советую перестать оправдываться. В профессиональной сфере, чтобы противостоять извращенному общению, нужно быть чрезвычайно скрупулезным. Необходимо предвосхитить агрессию, удостовериться в том, что в распоряжении и приказах нет никакой двусмысленности, заставить себя устранять неточности и прояснять сомнительные моменты. Если есть сомнения, служащий должен попросить о встрече, чтобы добиться объяснений. В случае отказа нужно оставить колебания и требовать этой встречи заказным письмом. Такие письма смогут послужить доказательством отказа от диалога в случае конфликта. Лучше считаться чересчур недоверчивым и даже прослыть параноиком, чем допустить ошибку. Нет ничего плохого в том, что в результате смены ролей жертва внушит беспокойство агрессору, дав ему понять, что отныне она не будет так покорна.

Обычно только тогда, когда жертва констатирует, что ее проблема не имеет решения, или начинает бояться увольнения, или ее вынуждают уволиться по собственному желанию, она обращается

в профсоюз или к представителям рабочих. Но нужно отдавать себе отчет в том, что, когда о моральном преследовании становится известно профсоюзу, конфликт становится открытым. В этом случае вмешательство третьей стороны ограничивается ведением переговоров об условиях увольнения. На этом уровне очень трудно добиться посредничества, так как роль профсоюзов заключается в большей мере в отстаивании прав служащих, чем в отслеживании ситуации.

Закон позволяет присутствие на предварительных переговорах об увольнении работника третьего лица, выбранного служащим. Это может быть делегат профсоюза, если таковой есть на предприятии, или консультант. Консультанты — это деятели профсоюзов, не работающие на предприятии, бесплатно защищающие работников мелких компаний. Список этих консультантов есть в мэриях и префектурах. При моральном преследовании важно, чтобы третьим лицом на переговорах был кто-то, кому жертва полностью доверяет и о ком заранее известно, что этот человек не позволит собой манипулировать.

Увольнение жертвы принесет агрессору слишком легкую победу. Если жертва должна уйти, и на этой стадии преследования увольнение — это ее спасение, то она должна бороться за то, чтобы ее увольнение прошло по всем правилам.

Если нет реального повода, чтобы уволить работника из-за профессиональной ошибки, работодатель может уволить его по причине несовместимости с коллективом. Этот повод редко применяется, поскольку он должен быть подкреплён конкретными

фактами, в противном случае работодатель предстанет перед третейским судом, что особенно вероятно, если служащий работает на предприятии в течение долгого времени. Но если удастся настроить против одного человека весь коллектив, если все будут на него жаловаться, этот повод может послужить основанием для увольнения.

Если моральное преследование не было остановлено работодателем, маловероятно, что именно он предложит сделку. Это придется осуществить самому работнику при помощи профсоюза или адвоката.

Юридическая помощь

Моральное преследование

В юридическом арсенале не существует закона, позволяющего обуздать моральное преследование. Поэтому трудно привлечь работодателя к уголовной ответственности. Однако резолюция Генеральной Ассамблеи ООН в приложении к Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью определяет жертв таких процессов следующим образом: «Под термином „жертва“ понимаются лица, которым в индивидуальном или коллективном порядке был причинен вред: телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы государств —

членов ООН, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью».

Во Франции в Трудовом кодексе не предусмотрено никакой защиты для жертв морального преследования. Имеется лишь расплывчатый термин «непристойное поведение» в комментариях к статьям закона о дисциплинарных полномочиях работодателя: «В принципе тип поведения, рассматриваемый здесь и относящийся к частной жизни работника, не является основанием для постановления об увольнении, но может стать таковым в случае, если соответствующие действия способны нанести ущерб нормальному функционированию предприятия. Постоянное непристойное поведение одного из работников по отношению к коллегам-женщинам является серьезным основанием для увольнения».

В Швеции сексуальное домогательство на работе считается преступлением с 1993 года. Оно также признается в Германии, Соединенных Штатах, Италии и Австралии. В Швейцарии на частных предприятиях применяется федеральный закон о труде, касающийся вопросов гигиены и охраны здоровья, а также статья № 328 Кодекса обязанностей о защите личности работника или работницы: «Работодатель обязан предпринимать все необходимые меры для того, чтобы обеспечить и улучшить охрану физического и психического здоровья работников. <...> Борьба с домогательствами должна являться составной частью этих мер, так как домогательство угрожает физическому и психическому здоровью преследуемого человека».

Но если агрессор занимает руководящий пост и систематически использует извращенные методы, чтобы терроризировать одного из своих работников, тем более если имеет место физическое или сексуальное насилие, нужно остановить его с помощью закона. Агрессоры, которые не осмеливаются открыто противостоять своему работнику, еще больше опасаются противостояния правосудию. Они боятся и начинают вести переговоры об увольнении. Действительно, извращенные люди опасаются судебного процесса, который мог бы публично разоблачить их агрессивное поведение. Сначала они пытаются запугать своих жертв, чтобы заставить их замолчать, а если этого недостаточно, предпочитают перейти к переговорам, выставляя себя жертвой хитрого работника.

Нравственное извращение оказывает настолько сильное вредное влияние, что его трудно сдерживать. Если люди (или организации) не найдут способа удерживать себя в рамках цивилизованности и уважения к человеку, то однажды возникнет необходимость принять законы о моральном преследовании на предприятиях, как это произошло в случае с сексуальными домогательствами.

В настоящее время, насколько мне известно, не существует обществ, оказывающих специфическую помощь жертвам морального преследования, которые могли бы дать им совет, как вести себя в той или иной ситуации. Только Европейская ассоциация по защите женщин от насилия на работе поддерживает жертв, вне зависимости от пола, в случае дискриминации, сексуального или сексистского насилия на работе.

Сексуальное домогательство

С 1992 года сексуальное домогательство является уголовным преступлением и правонарушением согласно Трудовому кодексу. Закон запрещает наказывать или увольнять работника за то, что он стал жертвой сексуального домогательства или противостоял ему.

Статья № 21 Трудового кодекса, в которой говорится о сексуальном домогательстве, рассматривает только домогательства со злоупотреблением властью: «Работник не может быть наказан или уволен за то, что он испытал или отказался от сексуальных домогательств работодателя, его представителя или любого другого лица, которое, злоупотребляя властью, приказывало, угрожало, принуждало или оказывало давление любого рода на работника с целью получения сексуальных услуг для себя или для третьего лица».

Из этого следует, что законодательная власть запрещает только один из видов сексуального домогательства (шантаж), и эта форма насилия должна быть подавлена вне зависимости от иерархических отношений и угрозы увольнения.

Начать судебный процесс во Франции — задача для настоящих бойцов: жертвы встречаются с сильным сопротивлением и противодействием. Домогательство, даже сексуальное, даже доказанное, не считается чем-то заслуживающим внимания. Так же как совсем недавно в случаях с сексуальной агрессией, нежелание заводить дело о сексуальном домогательстве может приобретать разные формы: начиная с отказа полицейских или жандармов

зарегистрировать жалобу (это для них непривычно) и заканчивая дисквалификацией фактов судьей. Подобные дела часто закрываются «за отсутствием состава преступления».

Проблема сексуального домогательства рассматривается в мировом масштабе. В Японии растет количество жалоб на сексуальное домогательство; в этой стране даже женщины-руководители, следуя традиции, приглашают важных клиентов в бары, роскошные рестораны или даже в клубы, где официантки ходят в мини-юбках и не носят нижнего белья. Новый закон о равенстве полов на рабочем месте, который вступил в силу в апреле 1999 года, предусматривает меры против подобной практики. Вместо того чтобы смеяться над американцами, которые, устраивая судебные процессы по делам о сексуальных домогательствах, впадают в крайности, следовало бы начать превентивную политику, направленную на внушение уважения к человеку на рабочем месте.

Как предотвратить моральное насилие?

Моральное преследование возникает из-за невозможности диалога, во время которого слова человека, подвергающегося агрессии, могут быть услышаны. Предотвратить агрессию — значит снова наладить диалог и настоящее общение. В такой ситуации важную роль должен играть производственный врач. При поддержке руководящих инстанций он может сделать так, чтобы все участвовали в поиске способов разрешения конфликта. На предприятиях, насчитывающих

более пятидесяти работников, существуют Комитеты по гигиене, безопасности и условиям труда. В их работе может принимать участие производственная инспекция, дирекция, представители персонала и производственный врач. К сожалению, чаще всего в задачу этих инстанций входит лишь отслеживание факторов, представляющих риск для здоровья сотрудников, или соблюдение норм охраны труда.

В дальнейшем предотвращение агрессии зависит от образования и компетентности ответственных лиц: их задача — принимать в расчет не только производительность труда, но и «человеческий фактор». Ответственные работники могут пройти курс обучения в специальных организациях, имеющих в штате психологов или психиатров, изучавших виктимологию. Там их обучат метаобщению (метакоммуникации), то есть основам и правилам общения, которые позволили бы им вмешиваться в подобные ситуации еще до начала преследования, объяснят, как распознать, чем партнер раздражает агрессора и каким образом заставить его «выслушать» переживания жертвы. Когда процесс преследования начался, уже слишком поздно что-либо менять. Руководители профсоюзов хорошо умеют вести переговоры о компенсациях по увольнению, но гораздо хуже разбираются в человеческих отношениях. Почему бы не обучить их методам влияния на отношения, как сейчас это начинают делать в Управлении человеческими ресурсами, чтобы они могли вмешаться в любой момент, если в работе предприятия что-то не ладится, а не только тогда, когда дело доходит до увольнения одного из сотрудников.

Желательно, чтобы в устав предприятия и коллективные договоры были внесены пункты по защите от морального преследования и чтобы во французской трудовой юрисдикции были приняты соответствующие строгие юридические нормы.

Предотвращение насилия зависит прежде всего от информированности жертв, служащих и руководителей предприятий. Им следует знать, что такой процесс существует, он довольно распространен и его можно избежать. Большую роль в этом должны также сыграть средства массовой информации.

Только человек может улаживать человеческие проблемы. Моральное преследование в том или ином виде может развиваться только при одобрении и поддержке окружающих. Именно начальники и дирекция должны сделать так, чтобы на их предприятиях люди уважали друг друга.

Психологическое лечение

Как лечить

Как уже было показано, извращенное насилие начинается настолько незаметно, что его трудно осознать, следовательно, трудно и защититься от него. Редко кому это удастся в одиночку. При явно заметной агрессии часто необходима психотерапевтическая помощь. Когда достоинство одного человека затронуто в результате действий другого человека, можно сказать, что это психическая агрессия. Ошибка жертв в том, что они поздно обнаруживают, что их личное пространство было нарушено, и они не сумели внушить уважение к себе. Вместо этого жертвы впитывают агрессию как губки. Следовательно, им нужно определиться, что для них приемлемо, и в дальнейшем придерживаться этого.

Выбор психотерапевта

Первым шагом жертвы, решившей действовать активно, является выбор психотерапевта. Чтобы не попасть в систему сомнительных манипуляций,

лучше выбрать дипломированного психиатра или психолога. Сейчас существует множество новых систем психотерапии, которые могут соблазнить быстрым выздоровлением, но деятельность их приверженцев очень напоминает деятельность сект. Как бы то ни было, в любой серьезной терапевтической методике учитывается, что многое зависит от самого пациента. Жертве лучше всего найти психотерапевта через тех людей, кому она доверяет, или же через своего врача-терапевта. Можно встретиться с несколькими психотерапевтами, чтобы выбрать того, кто внушает больше доверия.

Для пациентов, чье самолюбие уязвлено, неприемлемо доброжелательное беспристрастие, которое у некоторых психотерапевтов превращается в равнодушие. Психоаналитик Ференци, который одно время был учеником и другом Фрейда, порвал с ним отношения из-за разногласий по поводу травматизма и аналитических методов. В 1932 году он отмечал: «Аналитическая обстановка, равнодушная сдержанность, профессиональное лицемерие и стоящая за всем этим антипатия по отношению к пациенту мало отличаются от той обстановки, которая когда-то, то есть в детстве, стала причиной его болезни»¹. Молчание терапевта переключается с отказом агрессора от общения, и жертва становится жертвой вторично.

Вместо того чтобы казаться всемогущими, мы должны взять жертв извращенного преследования под свою ответственность, поставить себя на их место, может быть, даже усомниться в наших знаниях

¹ S. Ferenczi, «Confusion de langue entre les adultes et l'enfant (1932)», in *Psychanalyse IV*, trad. fr., Payot, Paris, 1985.

и психотерапевтической методике. Мы должны научиться мыслить независимо, не полагаясь на какие-либо рекомендации, осмеливаться ставить под сомнение фрейдистские догмы. Впрочем, большинство психоаналитиков, которые берутся за лечение жертв, не следуют Фрейду в том, что касается реальности травмы: «Применяемые к жертвам аналитические методы должны быть пересмотрены исходя из принятия в расчет психической действительности и происходящей действительности. Приоритет, отдаваемый внутреннему конфликту в ущерб реальной объективности, объясняет то незначительное место, которое психоаналитики отводят выяснению травмирующих обстоятельств и их последствиям для психики»¹.

Психотерапевты должны проявлять гибкость и искать новый метод работы, более эффективный, более доброжелательный и стимулирующий. Пока человек не вышел из подчинения агрессору, ему не может помочь традиционный психоаналитический курс лечения. Он только заставит его снова попасть под влияние.

Поставить правильный диагноз: извращенное насилие

Важно, чтобы травма, которую наносит внешняя агрессия, ставилась психотерапевтами на первое место. Часто пациенты с трудом воспроизводят прошлые отношения, с одной стороны, потому, что стремятся скорей забыть их, с другой стороны,

¹ C. Damiani, *Les Victimes*, Bayard Éditions, Paris, 1997.

потому, что они не могут осмыслить эти отношения. Понадобится время и поддержка психотерапевта, чтобы жертва смогла их описать. Недоверие психотерапевта причиняло бы дополнительное насилие, его молчание сделало бы его сообщником агрессора. Некоторые пациенты, пережившие моральное преследование, говорят, что, когда они попытались рассказать об этом психотерапевту, тот не захотел их слушать и сказал, что он больше интересуется внутриспсихическими процессами, чем действительно испытанным насилием.

Признание извращенного манипулирования не заставит пациента вновь вспомнить пережитое, а, напротив, позволит освободиться от чувства несправедливости и вины. Осознать двусмысленности и недомолвки — значит сделать шаг к свободе. Для этого психотерапевт должен позволить жертве обрести веру в свои силы. Какими бы ни были теоретические рекомендации, психотерапевт должен чувствовать себя в достаточной мере свободно во время сеанса общения с жертвой насилия, чтобы разделить эту свободу с пациентом и помочь ему освободиться от извращенного воздействия.

Невозможно лечить жертву извращенного человека (будь то моральное или сексуальное извращение), не принимая во внимание окружающую его обстановку. В первое время психотерапевт должен помочь своему пациенту осознать извращенные методы, не придавая им при этом невротический смысл, назвать их и позволить ему самому понять, в чем виноват он сам или его чувствительность, а что является следствием внешней агрессии. К осознанию извращенности отношений должно добавиться

осознание способа установления подчинения. Начувшись обнаруживать извращенные методы воздействия, жертва больше не позволит своему агрессору ни обольстить себя, ни разжалобить.

Надо также побудить пациента выплеснуть гнев, который он не мог испытывать под влиянием власти, позволить ему высказать и пережить эмоции, которых он себе не позволял испытывать; если пациент не находит нужных слов, нужно помочь ему облечь чувства в слова.

Как выйти из-под влияния?

Начиная сеансы психотерапии с жертвами морального преследования, нужно искать не причину создавшегося положения, а немедленно найти способ освобождения из-под влияния.

Психотерапия, по крайней мере в первое время, служит для того, чтобы подбодрить жертву и позволить ей избавиться от чувства страха и вины. Пациент должен четко осознавать, что психотерапевт на его стороне и страдание пациента не оставляет его равнодушным. Укрепляя психику жертвы, соединяя вместе незатронутые части ее психики, психотерапевт тем самым помогает пациенту обрести веру в себя, чтобы в итоге он осмелился отказаться от того, что несет ему гибель. Это осознание возможно только при условии, что пациент в достаточной степени готов противостоять агрессору и сказать ему «нет».

Когда извращение обозначено, жертва должна переосмыслить происшедшее в соответствии с тем, что она узнала о своем агрессоре. Ее интерпретация

была ложной. Жертва отмечала множество фактов, не имеющих значения в момент их появления, поскольку ничто их не объединяло, их смысл стал ясен только человеку, знающему принцип извращенной логики. Жертва должна смело спрашивать себя, какой смысл имело то или иное слово, та или иная ситуация. Очень часто жертвы чувствовали, что они позволяли делать или говорить вещи, которые отрицательно на них сказывались, но, поскольку они ни на что не могли опереться, кроме собственной нравственности, они подчинялись.

Избавление от чувства вины

В любом случае психотерапия не должна усиливать чувство вины у жертвы, возлагая на нее ответственность за то, что она оказалась в таком положении. Она в этом не виновата, но тем не менее принимает ответственность на себя. Пока жертва не освободится от извращенного влияния, у нее останутся сомнения и чувство вины: «Чем я заслужил такое отношение?» Это чувство вины мешает ей продвигаться вперед, особенно если, как это часто случается, агрессор указывал на душевную болезнь жертвы: «Ты сумасшедший/сумасшедшая!» Лечиться нужно не потому, что агрессор что-то сказал, и вовсе не для него, а для себя самого.

Американский психотерапевт Шпигель так пишет об изменениях, которые нужно внести в традиционную психотерапию, чтобы работать с жертвами агрессии: «В традиционной психотерапии поощряется порыв пациента принять на себя большую

ответственность, чтобы справляться с жизненными проблемами, вместо того чтобы помочь жертве утратить чувство ответственности, чтобы уменьшить травматизм»¹. Избавление от чувства вины позволяет вернуть себе свои страдания, и только позднее, когда страдания останутся в прошлом и жертва пройдет курс лечения, она сможет вернуться к своей истории и постараться понять, почему она вступила в такие деструктивные отношения, почему не сумела защитить себя. Действительно, чтобы быть способным ответить на эти вопросы, нужно *начать жить*.

Психотерапия, которая занимается только внутренним состоянием пациента, может привести к тому, что жертва без конца будет перебирать свои переживания или находить удовольствие в депрессии и чувстве вины, возлагая на себя еще большую ответственность за процесс, в котором принимали участие двое. Было бы опасно искать исключительно в себе травму, которая дала бы прямое причинное объяснение настоящим страданиям, что позволило бы сказать, что жертва сама виновата в своих несчастьях. Однако некоторые психоаналитики не только отказываются давать даже минимальную нравственную оценку качествам характера или поступкам извращенных людей, даже если они явно причиняют вред другому человеку, но и отрицают значение травмы для жертвы, иронизируют над ее постоянными переживаниями. Не так давно психоаналитики, обсуждающие травматизм и его субъективные последствия, продемонстрировали, как, пользуясь своими теоретическими знаниями, они смогли еще раз унижить жертву,

¹ D. Spiegel, «Dissociation and Hypnosis in Post-traumatic Stress Disorders», *Journal of Traumatic Stress*, 1, 17—33.

чтобы потом возложить на нее ответственность за ту ситуацию, в которой она оказалась. Ссылаясь на мазохизм, то есть на активный поиск неудач и страданий, они отметили безответность жертвы перед тем, что ее ранит, а также ее удовольствие видеть себя жертвой. Те же самые психоаналитики поставили под сомнение невиновность жертвы, аргументируя это тем, что жертва испытывает определенный комфорт в своем положении.

Даже если можно согласиться с некоторыми пунктами, эти умозаключения вредят пациенту, так же как и рассуждения извращенного человека, поскольку в них нет ни малейшего уважения к жертве. Нет никакого сомнения в том, что моральное преследование наносит травму, влекущую за собой страдания. Так же как и при любом виде травматизма, существует риск заикленности на определенной точке страданий, которая мешает жертве избавиться от них. Тогда конфликт становится единственным предметом размышлений и подчиняет себе все мысли, в частности о том, что жертву не хотят выслушать и что она одинока. Истолковывать синдром повторения термином *удовольствие*, как это часто бывает, — значит наносить повторную травму. Вначале надо залечить раны, а к исследованию ситуации можно приступить позже, когда пациент будет в состоянии вложить в него все свои мыслительные способности.

Как униженный человек может довериться таким психоаналитикам, которые говорят о нем с такой превосходной теоретической отстраненностью, но без всякого сострадания и с еще меньшим доброжелательством?

Избавление от страдания

Сложность работы с людьми, попавшими под влияние еще в детстве и испытывавшими скрытое насилие, в том, что они не умеют жить по-другому, и может даже показаться, что они свыклись со своим страданием. Именно это часто истолковывается психоаналитиками как мазохизм. «Все происходит так, как если бы психоанализ выявил всю глубину страданий и мучительных воспоминаний, а пациент держится за них, как за свое самое ценное сокровище, как будто, отказавшись от них, ему придется отказаться от самого себя»¹. Его привязанность к страданию сходна с той привязанностью, которую он испытывает к другим людям, претерпевая при этом страдания и боль. Если такие отношения являются частью нашей человеческой сущности, нам кажется невозможным отказаться от них, не расставаясь при этом с данными людьми. Следовательно, любят не страдание в себе, что как раз и было бы мазохизмом, а любят ту обстановку, в которой первоначально формировался характер.

Опасно желание слишком быстро привлечь внимание пациента к его психическому развитию, даже если известно, что он попал под влияние, воспроизводя ситуацию, заложенную в него в детстве. Извращенный человек, с помощью сильной интуиции, привязал его к себе, используя его детские слабости. Можно только подтолкнуть пациента к осознанию связи, существующей между недавней ситуацией и предыдущими травмами. Это можно осуществить

¹ F. Roustang, *Comment faire rire un paranoïaque*, op.cit.

только тогда, когда есть уверенность, что пациент вышел из-под извращенного влияния и достаточно окреп для того, чтобы осознать свою долю ответственности и при этом не дойти до патологического самообвинения.

Нежелательные интуитивные воспоминания наносят своего рода повторную травму. Чтобы избежать тревоги, связанной с воспоминаниями об испытанном насилии, жертвы стараются контролировать свои эмоции. Чтобы снова начать полноценную жизнь, они должны примириться со своей тревогой, понимать, что она никогда не исчезнет. На самом деле пациентам необходимо не обращать внимания на чувство бессилия и примириться с ним, а это действительно адский труд. Тогда они смогут признать страдание как составную часть их самих, но часть, достойную уважения. Только такое признание позволит жертве прекратить стенания и смело смотреть на свои обиды.

Если жертва чувствует себя уверенно, она может вновь вспомнить пережитое насилие и свои реакции, пересмотреть ситуацию, увидеть, какую роль играет она в этой агрессии, какое оружие против себя она дала агрессору. Ей больше не нужно избегать своих воспоминаний, и она может примириться с ними, посмотрев на них с другой стороны.

Что значит вылечиться

Вылечить — это значит воссоединить разрозненные части и восстановить циркуляцию. Психотерапия должна помочь жертве осознать, что ее положение не сводится только к положению жертвы. Используя

крепкую часть своей психики, жертва отказывается от той доли мазохизма, которая очевидно поддерживала ее во время извращенного воздействия. Согласно Полю Рикёру¹, выздоровление начинается в области воспоминаний и продолжается в области забвения. По его мнению, можно страдать от переизбытка воспоминаний и ненавидеть себя за воспоминание об испытанных унижениях или же, напротив, страдать от невозможности вспомнить и таким образом избегать собственного прошлого.

Пациент должен признать страдание как составную, достойную уважения часть его самого, которая позволит ему построить свое будущее. Он должен найти в себе смелость прямо взглянуть на обиду. Тогда он сможет перестать постоянно жаловаться или прятать в себе болезненное состояние.

Эволюция жертв, освободившихся от влияния, хорошо показывает, что здесь и речи нет о мазохизме, так как очень часто подобный печальный опыт служит уроком: жертвы учатся защищать свою автономию, избегать словесного насилия, не позволять посягать на их самооценку. В целом пациент не является мазохистом, но извращенный человек привязал его с помощью его слабости, которая при случае могла перерасти в мазохизм. Когда психоаналитик говорит жертве, что она находит удовольствие в своем страдании, он уклоняется от проблемы взаимоотношений. А ведь человек — это социальное существо.

Пережитая травма влечет перестройку личности и изменение отношений с окружающим миром.

¹ P. Ricœur, «Le pardon peut-il guérir?», *Esprit*, mars-avril 1995.

Она оставляет след, который никогда не сотрется, но по которому можно реконструировать эту травму. Горький жизненный опыт часто дает толчок к личной мобилизации. Благодаря такому опыту жертва становится, с одной стороны, сильнее, с другой — менее наивной. Она может решить, что отныне заставит себя уважать. Человеческое существо, к которому относились жестоко, может черпать в своем бессильном положении новые силы для будущей жизни. Ференци отмечал, что чрезвычайное отчаяние может неожиданно разбудить скрытые предрасположенности. Там, где извращенный человек поддерживал пустоту, может возникнуть притяжение энергии, как приток воздуха: «Интеллект рождается не просто из обычных страданий, а только из травматических страданий. Он представляет собой вторичный феномен или попытку компенсировать полное бездействие психики»¹. Агрессия в этом случае выступает как испытание. Лечение могло бы интегрировать это травмирующее событие, как один из эпизодов, составляющих жизнь, который позволяет обрести эмоции, ранее подавляемые.

Разнообразие психотерапевтических методик

Многочисленность и разнообразие психотерапевтических методик не облегчает выбор одной из них. Во Франции явно преобладают психоаналитические методики, они слегка затмевают другие,

¹ S. Ferenczi, *Psychanalyse IV, op. cit.*

может быть, более адаптированные к непосредственному лечению жертв. Это объясняется тем, что психоанализ сумел навязать теоретическую основу, которая широко распространилась как общая рекомендация.

Когнитивно-поведенческая психотерапия

Цель когнитивно-поведенческой психотерапии — изменить симптомы болезни и патологическое поведение без изучения личности и мотивации пациента.

Первый этап вмешательства происходит на уровне стресса. С помощью методов релаксации пациент учится уменьшать физическое напряжение, расстройства сна и тревожность. Эти знания очень полезны в случаях морального преследования на рабочем месте, пока жертва защищается от агрессии. С их помощью она может уменьшить физическое воздействие стресса, например научившись сдерживать приступ гнева, используя релаксацию и контроль дыхания.

Другая поведенческая методика использует методы самоутверждения. В случае с жертвами извращенного манипулирования психотерапевты-бихевиористы¹ исходят из следующего принципа: жертвы являются людьми пассивными, недостаточно твердыми, неуверенными в себе, в отличие от решительных активных людей, которые четко выражают свои

¹ I. Nazare-Aga, *Les manipulateurs sont parmi nous*, L'Homme, Ivry, 1997.

требования и отказы. Мне это кажется слишком схематичной и суженной интерпретацией, заставляющей думать, что жертвы «обычно» пассивны и не уверены в себе. Мы видели, что жертвами могут стать скрупулезные люди, привыкшие делать все очень хорошо и прекрасно самоутверждающиеся в другой обстановке. Простая методика самоутверждения не может помочь им распознать сложную игру, приведшую к зависимости от извращенного человека. Тем не менее с помощью этой методики жертвы могут научиться обнаруживать манипулирование, понимать, что с манипулирующим ими извращенным человеком невозможно никакое общение, и поставить под сомнение свою схему идеального общения.

Поведенческая терапия часто сочетается с когнитивной терапией, которая позволяет пациенту научиться блокировать навязчивые мысли или образы, связанные с травмой, или приобрести умение справляться с возникшими трудностями. В случае с жертвами насилия трудность — это извращенное манипулирование, выход — научиться ответному манипулированию.

Когнитивная реорганизация кажется более интересным методом, призванным помочь жертвам извращенной агрессии. Как мы уже видели, жертвы, которые не находятся в депрессивном состоянии, имеют преддепрессивную когнитивную схему, которой пронизана их личность, они убеждены: «Если я совершил ошибку, значит, я ничего не стою как человек». Извращенный человек ставит жертву в зависимость от ее основных принципов: преданности другим людям, огромного значения, придаваемого

труду и честности. Психотерапевт может помочь пациентам пережить травму, уменьшая их чувство ответственности за нее, признать и перенести отчаяние, сопровождающее воспоминания о насилии, признать свое бессилие.

Гипноз

Вначале Фрейд пользовался гипнозом и внушением, но потом отказался от них, поскольку, как ему казалось, они основаны на оболыщении и чужеродном влиянии. Через несколько лет гипноз вновь стал применяться на практике, в основном в «эриксоновском» движении. Американец Милтон Х. Эриксон считался «незаяурядным» психотерапевтом, несмотря на то что никогда не подводил под свою практику теоретической основы. Он практиковал не только гипноз, но и другие методики изменения психики, которые принимали в расчет условия жизни пациента; благодаря этому он оказал значительное влияние на развитие системной семейной терапии.

Методы, в которых применяется гипноз, базируются на способности к диссоциации, которая особенно развита у многочисленных жертв травматизма. Франсуа Рустан учит, что разделение, производимое гипнозом, носит тот же характер, что и при травме: оно отделяет то, что можно вынести, от того, что невыносимо, и приводит к амнезии. Цель таких методов — помочь жертве выработать новую точку зрения, которая облегчит страдания, связанные с травмой. Речь идет не об осознании психического

конфликта, а лишь о методе, который позволяет пациенту мобилизовать собственные ресурсы. Чем глубже гипноз, тем больше проявляется своеобразие человека и его возможности, о которых он ранее не подозревал.

Выбор этого метода может показаться парадоксальным. Действительно, при гипнозе нужно преодолеть неясность, чтобы избавиться от симптомов, так как именно неясность была способом установления извращенного влияния. Но психотерапевт использует эту неясность, чтобы помочь пациенту снова придумать себе свой мир, меняя стратегию неудач на стратегию перемен. А извращенный человек использует неясность с целью навязать свою волю и образ мышления. Из этого следует, что именно при использовании данного метода первостепенное значение имеет выбор психотерапевта. Действительно, главное, чтобы психотерапевт был осторожен и имел большой клинический опыт. Пациент не должен доверяться недостаточно образованным психотерапевтам, которые довольствуются выявлением травмирующих воспоминаний без учета целостности человека.

Системная психотерапия

Основная цель системной семейной психотерапии заключается не в симптоматическом лечении одного человека, а в улучшении общения и развитии индивидуальности разных членов семьи. В супружеской психотерапии пациентами являются оба супруга,

а не один из них; в семейной психотерапии врач отдает равное предпочтение всем членам семьи, вникая поочередно в позицию каждого из них. Такие врачи стараются бороться против присвоения ярлыков: «извращенец», «жертва», чтобы анализировать процесс взаимодействия.

С точки зрения психотерапевтов, придерживающихся системной методики, виктимология представляет слишком линейное объяснение процесса насилия. Но предварительное изучение психики каждого в отдельности не исключает и принятия во внимание взаимоусиливающих круговых процессов. Например, можно сказать: индивидуум, слишком заботливый по отношению к своему партнеру, обостряет у того тягу к независимости, которую он не выносит. Партнер реагирует, проецируя в ответ свое неприятие и агрессивность на первого человека, который, не понимая, что происходит, ощущает чувство вины и становится еще более внимательным, что только усиливает неприязнь со стороны партнера. Это системное объяснение имеет смысл, только если учитывать тот факт, что один из действующих лиц является извращенно самолюбленным человеком, а второй склонен к самообвинению.

Системные гипотезы — понятие семейного существования (поддерживание равновесия любой ценой) или понятие двойной связи (блокирование общения с целью парализовать мыслительный процесс) — помогают понять процесс установления подчинения. Однако в клиническом плане строгие системные суждения, не признающие понятий «агрессор» и «жертва» и анализирующие только

«патологические отношения», могут лишить жертву защиты.

Анализ кругового процесса очень полезен, чтобы разрядить ситуацию, которая еще сохраняет некоторую гибкость: это позволяет связать поведение одного из членов семьи с поведением другого; но, когда стадия извращенного воздействия переходит в стадию морального преследования, процесс становится автономным, и остановить его, опираясь только на логику или желание перемен действующих лиц, невозможно.

Диагноз «извращение» означает вынесение морального вердикта с оттенком порицания, которое многие психотерапевты не хотят брать на себя. В этом случае они предпочитают говорить скорее об извращенных отношениях, чем об агрессоре и его жертве. Человек, испытывающий агрессию, остается наедине со своим чувством вины и не может освободиться от губельного подчинения.

Как бы то ни было, извращенно самовлюбленный человек очень редко соглашается на семейную или супружескую психотерапию, поскольку он действительно не может сомневаться в себе. Люди, отважившиеся на такой шаг, — это люди, использующие извращенные методы защиты, но не являющиеся на самом деле извращенными личностями. Во время консультаций, которых нельзя избежать, например в случае, если они назначены по рекомендации судьи, извращенные люди стараются также манипулировать посредником, чтобы доказать ему, насколько «плоха» жертва. Поэтому важно, чтобы психотерапевты и посредники были особенно бдительны.

Психоанализ

Сразу оговоримся, что лечение психоаналитическими методами не приемлемо для жертвы, еще испытывающей шок от извращенного насилия и унижений. Действительно, психоанализ затрагивает в основном психику и не принимает в расчет патологии, возникшие вследствие отношений с агрессором. При этом анализируются конфликты, возникшие в детстве, до сих пор подавляемые в сознании жертвы. Строгий протокол таких бесед (регулярные и частые сеансы, пациент лежит на диване, психоаналитик вне его поля зрения), введенный Фрейдом, чтобы контролировать взаимное влияние, может вызвать крайнее неудовлетворение у человека, страдавшего от намеренного отказа в общении, и привести к тому, что он будет идентифицировать психоаналитика с агрессором, продлевая таким образом свое зависимое состояние.

Только когда здоровье жертвы восстановится в достаточной мере, она сможет начать сеансы психоанализа, сможет понять, что ее детство могло бы объяснить ее слишком большую терпимость по отношению к партнеру и выявить те свои слабости, которые поставили ее в зависимость от извращенного человека.

Тогда как психоанализ предусматривает изменение скрытой психической структуры, другие психотерапевтические методики пытаются достичь симптоматического улучшения и усиления защитных свойств организма, что не мешает им достигать больших изменений более глубоких слоев психики. В любом случае предварительный этап по

восстановлению здоровья необходим жертве, которая должна освободиться от недавно пережитого ею, прежде чем приступать к воспоминанию о психических травмах, полученных в детстве.

Сам по себе психоанализ ничего не может. Ни одна психотерапевтическая методика не предлагает чудодейственных средств, которые позволили бы пациенту сэкономить усилия при попытке изменить себя. Можно сказать, что теоретические рамки мало что значат. Важно одобрение пациентом психотерапевта и его методов, а также тщательность и душевный вклад психотерапевта. Было бы лучше, если бы психотерапевты не придерживались строго какой-либо школы, а были бы открыты другим методам. Такая практика начинает претворяться в жизнь, так как все больше молодых психиатров и психологов доверяют разным психотерапевтическим теориям, а также благодаря взаимодействию практикующих разные методы психотерапевтов. Почему бы не представить переход от одной формы психотерапии к другой или же интеграцию существующих психотерапевтических методик?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой книги мы могли наблюдать за развитием процесса морального преследования в различной обстановке, но совершенно очевидно, что данный список можно продолжать бесконечно и это явление простирается далеко за пределы супружеской пары, семьи или предприятия. Его можно обнаружить в любых коллективах, где возможно соперничество, в частности в школах и университетах. Человеческое воображение бесконечно, когда речь заходит о том, чтобы понизить чью-либо высокую самооценку; тем самым люди маскируют собственные слабости и ставят себя в положение превосходства. Когда встает вопрос о власти, затрагивается все общество. Во все времена существовали люди, лишённые угрызений совести, расчетливые, умеющие манипулировать другими людьми, для которых цель оправдывала средства, но рост извращённых действий в семьях и на предприятиях, который наблюдается в настоящее время, является показателем индивидуализма, господствующего в нашем обществе. В системе, функционирующей по законам

самого сильного, самого хитрого, правят извращенные люди. Когда успешность считается главным достоинством, порядочность кажется слабостью, а извращенность — находчивостью.

Под предлогом терпимости западное общество мало-помалу отказывается от собственных запретов. Но, соглашаясь со всем, как это делают жертвы извращенно самовлюбленных людей, оно способствует развитию в своих недрах извращенных процессов. Многие руководители или политики, являющиеся примером для подражания у молодежи, не заботятся о морали, когда им нужно устранить соперника или удержаться у власти. Некоторые из них злоупотребляют своими полномочиями, используют психологическое давление по соображениям «государственных» интересов или «государственной» безопасности для обеспечения своих частных интересов. Другие обогащаются с помощью ловких преступлений, заключающихся в хищении общественного имущества, мошенничестве или уклонении от уплаты налогов. Коррупция стала привычным явлением. Итак, достаточно одного или нескольких извращенных людей в коллективе, на предприятии или в правительстве, чтобы вся система целиком стала извращенной. Если это извращение не разоблачается, оно незаметно распространяется с помощью запутывания, страха, манипулирования. Действительно, для того чтобы психологически связать кого-либо, достаточно заставить его обманывать или идти на компромисс, превратив таким образом в сообщника извращенного человека. На той же основе функционирует мафия и тоталитарные режимы.

В семьях, на предприятиях и даже на государственном уровне извращенно самовлюбленным людям удается относить на счет других людей те бедствия, причиной которых являются действия агрессора, чтобы в дальнейшем выступить в роли спасителя и таким образом обрести власть. В дальнейшем для ее удержания извращенно самовлюбленным людям достаточно просто не обременять себя угрызениями совести. Из истории нам известно много примеров, когда люди, которые отказываются признавать свои ошибки, слагают с себя ответственность, фальсифицируют факты и манипулируют действительностью с целью стереть следы своих преступлений.

За вопросами морального преследования личности перед нами встают более глобальные вопросы. Как заставить людей уважать друг друга? Каковы границы нашей терпимости? Если сами люди не останоят эти разрушительные процессы, обществу придется вмешаться, устанавливая соответствующие законы. Недавно был внесен на рассмотрение проект закона, предлагающий считать правонарушением оскорбления, пресекающий любые унижающие действия в школьной и общественно-образовательной среде. Если мы не хотим, чтобы наши человеческие отношения целиком регулировались с помощью законов, то необходимо предпринять превентивные меры по отношению к детям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
ГЛАВА 1. Извращенное насилие в повседневной жизни	15
Извращенное насилие в личной жизни	19
Извращенное насилие в семейной паре	19
Извращенное влияние	20
Насилие	27
Разрыв отношений	40
Извращенное насилие среди родственников	50
Косвенное насилие	51
Прямое насилие	58
Латентный инцест	66
Моральное преследование на предприятии ...	69
О чем идет речь?	69
Кто является целью?	73
Агрессоры и жертвы	75
Агрессия между коллегами	75
Подчиненные — агрессоры своего начальника	80
Начальник — агрессор подчиненного	81
Как лишить жертву способности сопротивляться	82
Отказ в непосредственном общении	83
Ущемление чувства достоинства	84
Дискредитация	86
Изоляция	86
Притеснение	88
Вынужденные ошибки	88
Сексуальное домогательство	89
Отправная точка преследования	90
Злоупотребление властью	91
Извращенные манипуляции	95
Если руководство потворствует агрессии	104
Если руководство поощряет методы извращенного манипулирования	111